

II-10.
D-164.

ОП

РЕПЕРТУАРЪ

И

ПАНТЕОНЪ

ТЕАТРОВЪ

7023
1847

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Е. А. КОНИ.

1847.

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ А. В. ЛУНЧЕРСКОГО
ТЕАТР. ДРАМА.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. — С. Петербургъ, 15 декабря 1847 года.

Цензоръ А. Никитенко.

РЕПЕРТУАРЪ
И
ШАНТЕОНЪ
ТЕАТРОВЪ.

1847.

XII.

Редакторъ: **Ф. А. Кони.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

№ 12.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

- I. *Одинъ за двухъ и двѣ вмѣсто одной.* Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Переведенный съ Французскаго *П. С. Оедоровымъ* 1
 II. *Вся бѣда что плохо объяснились.* Комедія въ одномъ дѣйствіи. *Соч. Скриба.* Переводъ съ Французскаго *С. Соловьева.* 1

ПАНТЕОНЪ ТЕАТРОВЪ.

- III. МЩЕНИЕ, Разсказъ *Александра Дюма.* 1
 IV. СЦЕНЫ ИЗЪ ЕЖЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ. *Анатоліа Пикарскаго* 1

V. ЮМОРИСТИКА.

- Судьба провинціального актера. *Осины-Буца* 26

VI. СТИХОТВОРЕНІЯ.

1. Андалузская серенада, *О. Кони.*
 2. Завѣтное окно, *Н. Грековъ.*
 3. Прости, прости, *Д. Сушковъ* 44

VII. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОЧЕРКИ 1: Александра Мавзони. *Статья 1-я и Дюпль* 45

VIII. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ:

Александринскій театръ.

1. Наполеоновскій инвазія или Солдатская тайна, комедія—водевиль, въ двухъ дѣйствіяхъ. Переводъ съ французскаго *М. И. В.—го.*
 2. Русскіе художники въ Италіи или Два портрета съ натуры. Комедія—водевиль въ двухъ отдѣленіяхъ. Переводъ съ нѣмецкаго.
 3. День домашняго концерта. Водевиль въ одномъ дѣйствіи: соч. г. *Акселя.*
 4. Дѣвушка-рекрутъ, или слѣпой, глухой и занка. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, переводъ съ французскаго *П. А. Анличкова.* 75

IX. ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

Парижскіе театры.

1. *Первый шагъ или два гени;* опера *Ройе, Васса, Галеви, Обера, Караффи* и *Алана.* — 2. *Гастибельза;* Опера *Кормона* и *Мальяра.* — 3. *Клеспатра;* трагедія *Эмиль Жирарденъ.* — 4. *Мушкетеры;* драма *Денпери* и *Кормона.* — 5. *Французскій престолъ;* комед. *Монроза.* — 6. *Честный Дидье;* комедія *Скриба* и *Мишеля Массона.* — 7. *Жеромъ камильоникъ;* водевиль *Баяра* и *Бисвилл* 87

X. СМѢСЬ.

1. Курьезы. 2. Театры въ Италіи. 3. Сцены въ загородномъ трактирѣ. 4. Гретри. Разсказъ *Арсенія Гуссе.* 5. Новое открытіе въ искусствѣ воздухоплаванія. 6. Шаченца. 7. Чудеса магнетизма. 8. Письма Берлиоза объ Австріи. Пестъ 1

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

- Г-жа Альбини.* — *Актеръ-Рестораторъ.* — *Вдова Эле-Мартена.* — *Забавная сцена.* — *Цыня поцѣлуетъ* 51
 О продолженіи. С. Петербургскихъ Вѣдомостей въ 1848 году 55

РЕПЕРТУАРЪ

РУССКОЙ СЦЕНЫ.

ОДИНЪ ЗА ДВУХЪ

и

ДВЪ ВМѢСТО ОДНОЙ.

ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

ПЕРЕВЕДЕННЫЙ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

П. С. ѲЕДОРОВЫМЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА :

АДЕМАРЪ Буларь	Г. Максимовъ 1.	
АЛЬФРЕДЪ КРЕТО	Г. Смирновъ 2.	
Г. БЛОКЕ	Г. Прусаковъ.	
АДЕЛЬ, ея дочь	Г-жа Розанова.	
АДЕЛАИДА, швея	Г-жа Самойлова 1.	
ЛУИЗА	} ея подруги.	Г-жа Гринева.
ФИФИНА		Г-жа Мартынова
ГЕРТРУДА, горничная	Г-жа Волкова.	

Дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ.

Театръ раздѣленъ на двѣ половины. Налѣво отъ публики, комната, хорошо убранная. Во второмъ планѣ, налѣво дверь, ведущая въ залу. Въ глубинѣ каминъ, диванъ, этажерки и два окна. Направо, у перегородки, фортепьяно; въ глубинѣ почти въ углу, небольшая дверь, оклеенная обоями, служащая выходомъ на лѣстницу, и ведущая на террасу. На полу коверъ, на столикахъ цвѣты въ вазахъ, на окнахъ занавѣсы; расписанный плафонъ и раззолоченные карнизы. На другой сторонѣ, направо, маленькая, бѣдная комната, освѣщенная окномъ о четырехъ стеклахъ. Въ первомъ планѣ, также направо, дверь, ведущая въ спальню; подлѣ нея небольшой каминъ и надъ нимъ зеркало; далье, въ углу дверь, служащая выходомъ на лѣстницу. Направо, у перегородки, большія пяльцы. Простой столъ, шкафъ и нѣсколько стульевъ составляютъ всю мебель. На стѣнахъ, прикрѣплены булавами картишки, изображающія модные костюмы. На задней стѣнѣ, близъ двери, на гвоздяхъ, трубка и кيسетъ съ табакомъ, съ лѣвой стороны часы съ кукушкой. Въ углу, налѣво, рукомошникъ. При поднятіи занавѣса, Аделъ сидитъ у фортепьяно, облокотясь, въ задумчивости; Аделаида предъ пяльцами, вышиваетъ вуаль.

Я В Л Е Н І Е I.

АДЕЛЬ. АДЕЛАИДА.

АДЕЛЬ. Эти господа, послѣ завтрака, оставили меня одну и отправились курить на террасу.... Это не совсѣмъ вѣжливо, особливо со стороны г. Адемара; чрезъ недѣлю онъ долженъ быть моимъ мужемъ и ужъ ничего невидя, предпочитаетъ мнѣ сигарку...

АДЕЛАИДА, (смотря на часы). Перваго половина, а Адемара

еще нѣтъ... Странно! Онъ обѣщалъ непремѣнно завтракать со мною... или его что нибудь задержало... или часы мои слишкомъ бѣгутъ... (*принимается за работу*).

Адель, (*перелистывая ноты*). Впрочемъ, мнѣ стыдно жаловаться на г. Адемара... до сихъ поръ онъ очень внимателенъ ко мнѣ и почти всегда со мною...

Аделаида. Еслибъ этотъ повѣса зналъ, какъ я люблю его... Это моя первая... и кажется будетъ единственная любовь!... Хотя я и часто его вижу, но мнѣ все кажется мало... а дѣлать нечего, надобно быть разсудительною... онъ очень занятъ у суконнаго фабриканта... за то все свободное время посвящаетъ мнѣ!...

Адель. Въ пятницу мы были съ нимъ въ оперѣ... слушали Роберта...

Аделаида, (*работая*). Въ пятницу онъ возилъ меня съ Фифиной въ водевильный театръ... давали пять водевилей въ пятнадцать дѣйствійхъ... Я жалѣла, что спектакль кончился очень рано...

Адель. Въ каждомъ антрактѣ онъ уходилъ изъ нашей ложи и являлся то съ букетомъ, то съ мороженымъ...

Аделаида. Онъ угощалъ насъ послѣ каждой пьесы... и апельсинами и конфетами... всякими сладостями... и представьте... нанялъ намъ еще на весь вечеръ карету... вотъ это любовь!

Адель. Надобно признаться, у него прекрасные манеры...

Аделаида. Но что мнѣ больше всего нравится, такъ это его характеръ... въ немъ ничего нѣтъ скрытнаго...

Адель. И какое во всемъ приличіе... всегда въ желтыхъ перчаткахъ!

Аделаида. Ужъ онъ нисколько не похожъ на нашихъ фравтовъ...

Адель. Тотчасъ видно, что онъ воспитанный человекъ!

Аделаида. Съ перваго взгляда, всякой скажетъ, что онъ лихой мальчій!

Адель. Я увѣрена, что онъ будетъ прекраснымъ мужемъ... Его отецъ живетъ въ провинціи и, хоть говорятъ, очень скупъ, но обѣщалъ непремѣнно подарить ему 200,000 франковъ, если онъ женится на мнѣ...

Аделаида. Мой Адемаръ не богатъ... Скрыга отецъ дастъ

ему только 1200 франковъ въ годъ.... съ этими деньгами не развѣдись въ каретахъ.... но я люблю собственно его, а не деньги.... хижина и сердце.... больше мнѣ не нужно ничего!...

АДЕЛЬ, *(со вздохомъ)*. Конечно, не о немъ мечтала я прежде... не его женою думала я быть.... Меня очень занималъ мой кузень Альфредъ.... и, надобно сказать правду, онъ гораздо лучше г. Адемара.... какіе у него глазки — прелесть!.... какой голосъ — совершенная гармоника!... а какіе онъ сочиняетъ романсы!... *(Со вздохомъ)*. Но кромѣ этого у Альфреда ничего больше нѣтъ.... и потому папенька приказалъ мнѣ забыть его!

АДЕЛАИДА. О, я увѣрена вполне въ Адемаръ!.... Онъ далъ честное слово жениться на мнѣ.... и чрезъ нѣсколько дней, я наконецъ, буду его женою!

№ 1.

АДЕЛЬ.

Что дѣлать! замужъ выйти должно,
Хоть мой женихъ и не любимъ!

АДЕЛАИДА.

Нѣтъ, это, просто, невозможно,
Чтобъ не былъ мужемъ онъ мой!

АДЕЛЬ.

Со временемъ къ намъ все приходитъ....

АДЕЛАИДА.

Всему есть въ свѣтѣ свой чередъ....

АДЕЛЬ.

Бракъ до любви людей доводитъ!

АДЕЛАИДА.

Любовь до свадьбы доведетъ!

АДЕЛАИДА. Наконецъ, эта вуаль кончена, остается только

выпороть изъ пяльцевъ.... Я полозрѣваю, что эта дѣвица за-
казывала ее къ свадьбѣ.... Теперь пойду, принаряжусь немнож-
ко къ приходу Адемара.... обновлю тюлевый чепчикъ, кото-
рый я получила отъ него въ подарокъ.... (*Уходитъ въ дверь на
право, унося съ собою пяльцы. Въ эту минуту Адемаръ вхо-
дитъ въ комнату на лѣво изъ дверей, ведущихъ съ террасы*).

ЯВЛЕНІЕ II.

АДЕМАРЪ. АДЕЛЬ.

АДЕМАРЪ, (*особо*). Воздухъ на террасѣ облегчилъ меня не-
много.... Мой будущій тестюшка такъ изволилъ меня набить
свсимъ завтракомъ, что я едва могъ дышать... Уфъ!... (*Выши-
мая часы*). Перваго три четверти.... пора къ Ландѣ.... а не
то она угоститъ меня такой сценой.... (*Увидя Адель*). Ахъ!
моя невѣста!

АДЕЛЬ. Наконецъ, вы рѣшились оставить террасу?

АДЕМАРЪ, (*съ принужденной снротностью*). Извините.... ради
Бога, извините меня.... я въ этомъ нисколько не виноватъ....
Вашъ батюшка только послѣ третьей сигары согласился отпу-
стить меня.... Ахъ, еслибъ вы знали, какія я вытерпѣлъ му-
ченья!... Я былъ разлученъ съ вами.... и долженъ былъ ку-
рить сигары, тогда какъ люблю васъ, и терпѣть немогу та-
бачнаго дыму! Я, рѣшительно, ничего не курю!

АДЕЛЬ, (*въ сторону*). Право, онъ очень любезный человѣкъ!

АДЕМАРЪ. Но, прежде чѣмъ отправиться, я хотѣлъ простить-
ся съ вами....

АДЕЛЬ. Какъ! вы ужъ насъ оставляете? Нѣтъ, нѣтъ, я не-
пущу!

АДЕМАРЪ, (*въ сторону*). Вотъ это мило! А Лаида ожидаетъ
меня съ двѣнадцати часовъ!

АДЕЛЬ. Вы должны остаться у насъ на цѣлый день.... вѣдь
сегодня я именинница!

АДЕМАРЪ, (*въ сторону*). Именинница!.... На цѣлый день!....
Этого только не доставало!

АДЕЛЬ. Сегодня святой Аделаиды!

АДЕМАРЪ, (*поспѣшно*). Боже мой! какъ я виноватъ!.... а я ничего вамъ не подарилъ.... Нѣтъ, позвольте представить вамъ хоть букетъ.... я сію минуту бѣгу.... (*Въ сторону*). О, благодѣтельная Флора! Ты неожиданно являешься мнѣ на помощь!.. Безъ тебя бы я пропалъ! (*Ищетъ шляпу*).

ГОРНИЧНАЯ, (*входя въ дверь съ лѣвой стороны*). Сударыня! вамъ принесли новое розовое платье.

АДЕМАРЪ. Новое платье! Вотъ и прекрасно! Пока вы имъ займетесь, я сбѣгаю....

АДЕЛЬ. Нѣтъ, нѣтъ!.... Прежде вы должны посмотрѣть, хорошо ли мое платье, а потомъ ужъ идти за букетомъ! Я васъ непущу и для предосторожности запру здѣсь въ комнатѣ!

АДЕМАРЪ. Запрете!

АДЕЛЬ. Да! отсюда нѣтъ другаго выхода, какъ черезъ залу... а въ залѣ я буду примѣрять платье, потому - что тамъ большія зеркала.... Не безпокойтесь! я васъ задержу не больше полчаса! (*Уходитъ съ горничной въ боковую дверь*).

Я В Л Е Н І Е III.

АДЕМАРЪ, (*одинъ*). Полчаса!... Бездѣлица! (*закрываютъ дверь*). Я пропалъ!... Меня заперли.... да еще заткнули и замочную скважину хлопчатой бумагой!.... Полчаса!.... Придется сказать Лайдѣ, что ея часы бѣгутъ!.... Она такъ любитъ меня, что вѣрно мнѣ повѣритъ!.... О, Лауда, Лауда!.... Зачѣмъ ты родилась не дочерью этого объѣдалы Блоке!.... (*Стучитъ въ боковую дверь*). Пустите! Это я! Адемаръ!

АДЕЛЬ, (*за дверью*). Сію минуту! подождите!

Я В Л Е Н І Е IV.

АДЕМАРЪ, г. БЛОКЕ, потомъ АДЕЛЬ.

БЛОКЕ, (*входя въ дверь, вѣдущую съ террасы*). Вотъ и я, мой любезный будущій зять!.. я думалъ найти васъ съ дочерью!

АДЕМАРЪ. Онѣ примѣряютъ новое розовое платье!.. (вз сторону.) Въ это время моя Лаида умѣла бы ужъ его перешить! (прохаживается въ безпокойствѣ.)

БЛОКЕ. Что съ вами, любезный другъ? вы въ какомъ — то безпокойствѣ... не тревожить ли васъ завтракъ?..

АДЕМАРЪ. Нѣтъ, ничего... (вз сторону.) Часъ и пять минутъ!

БЛОКЕ. Какъ вы находите: хорошо ли я угощаю!.. Пахнетъ съ трюфелями, телячьи ножки съ трюфелями, голантинъ съ трюфелями... я ужасно люблю трюфели... они какъ — то дѣлаютъ насъ любезнѣе... когда, бывало, при покойной моей женѣ обѣдывалъ я гдѣ нибудь въ рестораціи... она строго запрещала мнѣ ѣсть трюфели... но зато дома угощала всегда сама... Куда вы идете?

АДЕМАРЪ, (стуца въ дверь.) Это я, Адемаръ!

АДЕЛЬ, (за дверью.) Сейчасъ!

БЛОКЕ. А! туда не позволяютъ вамъ входить!

АДЕМАРЪ, (вз сторону.) Нѣтъ никакого способа уйти!

БЛОКЕ. Терпѣніе! черезъ недѣлю для васъ не будетъ существовать замковъ... кстати, вы забыли, что я буду представлять васъ сегодня вечеромъ моимъ родственникамъ... вы увидите три колѣна фамиліи Блоке.

АДЕМАРЪ. Что — съ?

БЛОКЕ. Колѣно старшее, среднее и младшее... Вы, любезный другъ, будете прививкомъ къ старшему колѣну... я потомокъ старшаго колѣна Блоке... а вотъ вы знаете Альфреда Крето... этотъ принадлежитъ къ младшему колѣну...

АДЕМАРЪ. А! Это тотъ Альфредъ Крето, у котораго такъ много трудятся глаза, когда онъ поетъ свои романсы... онъ...

БЛОКЕ. Онъ тоже отростокъ фамиліи Блоке... только по отцу теперъ Крето... я его также звалъ къ себѣ сегодня.

АДЕМАРЪ, (вз сторону.) Чтобъ ему задохнуться отъ своихъ романсовъ! Это тотъ самый Франтъ, который такъ пристально смотрѣлъ на меня въ лорнетъ третьяго дня въ водевильномъ театрѣ.

БЛОКЕ. Я хочу, чтобы всѣ мои родственники присутствовали при чтеніи свадебнаго контракта... (съ чувствомъ.) Милый другъ мой! вамъ вѣрнѣе я мою дочь и мой домъ!.. двѣ

вещи, о которыхъ я заботился съ любовью, съ истинной любовью!

АДЕМАРЪ. Вѣрю совершенно... но я долженъ вамъ сказать, что вы поскупились немного на матерьяль.

БЛОКЕ. Какъ?

АДЕМАРЪ. Я говорю собственно о домѣ... Конечно, онъ очень красивъ, но нельзя сказать, что-бы онъ былъ проченъ... стѣны такъ тонки, что того и гляди развалятся... *(стушитъ по стѣнѣ на право)* прислушайтесь какой звукъ... точно какъ будто внутри пустота...

БЛОКЕ. Не беспокойтесь... эти стѣны проживутъ гораздо больше насъ... повѣрьте, что я строилъ, то вѣчно.

АДЕМАРЪ. Да! да!.. вы выстроили на новомъ бульварѣ два маленькіе домика... тоже вѣчные... которые въ одно прекрасное утро... бухъ!.. *(поднимаетъ одну руку и хлопаетъ по другой. Въ сторону.)* Боже мой! четверть втораго! *(Подходитъ къ боковой двери.—Адель выходитъ изъ нея въ томъ-же голубомъ платьѣ въ которомъ была въ началъ пьесы.)* Наконецъ!

БЛОКЕ. А! вотъ и ты!.. Женихъ твой, просто, вышелъ изъ терпѣнія... *(смотря на платье.)* Какъ же онъ сказалъ, что ты примѣриваешь розовое платье? развѣ этотъ цвѣтъ розовой?

АДЕЛЬ. Ахъ, папенька, меня ужасно разсердила швея... представьте, она сдѣлала мнѣ платье, которое даже вамъ будетъ широко... теперь, по милости ея, я должна остаться въ этомъ платьѣ... а между тѣмъ ужъ собираются гости...

АДЕМАРЪ. Гости!.. А у васъ нѣтъ еще букета...

АДЕЛЬ. Отсюда въ двухъ шагахъ цвѣточница...

АДЕМАРЪ. Вы сейчасъ его получите!..

(убываетъ въ боковую дверь.)

БЛОКЕ, *(кричитъ ему всльдъ.)* Куда вы! остановитесь!.. Тамъ у меня ужъ приготовлень:..

Я В Л Е Н И Е V.

АДЕЛЬ, БЛОКЕ, *потомъ* АДЕЛАИДА.

АДЕЛЬ. Оставьте его, папенька, онъ вѣрно подаритъ мнѣ букетъ изъ камелій... у него такой прекрасный вкусъ...

БЛОКЕ. Въ цвѣтахъ онъ можетъ быть точно знатокъ, но за то ужъ нельзя сказать, чтобъ онъ понималъ что нибудь въ строительномъ дѣлѣ... (*въ сторону*). Онъ ужасно испугалъ меня, когда началъ стучать по этой стѣнѣ... (*показываетъ на стѣну*.) Недавно я легонько поколотилъ по ней и слышалъ ясно, какъ сосѣдъ мой закричалъ: войдите!.. Кажется, я точно покупился на каменный матерьялъ!..

АДЕЛЬ, (*нервыительно*). Папенька!..

БЛОКЕ. Что?

АДЕЛЬ. Скажите, вы звали сегодня всѣхъ нашихъ родственниковъ?..

БЛОКЕ. Да!

АДЕЛЬ. Стало быть и Альфредъ тоже приглашенъ?

БЛОКЕ. Я долженъ былъ его пригласить, какъ потомка младшаго колѣна фамилии Блоке... но не смотря на то, я строго запрещаю тебѣ говорить съ нимъ... а если онъ будетъ пѣть, запрещаю слушать!

АДЕЛЬ. Бѣдный Альфредъ!

БЛОКЕ. Однакожъ, ступай въ залу!

АДЕЛЬ. Но, папенька...

БЛОКЕ. Ступай же, говорить! (*Адель уходитъ*). Наконецъ ушла!

АДЕЛАИДА, (*входя въ свою комнату*). Половина второго!.. Нѣтъ, это ужъ ни на что не похоже!.. Пстой-же обманщикъ, я отпачу тебѣ!..

БЛОКЕ, (*осматривая стѣны*). Плохо, очень плохо мое строеніе!.. (*показывая на льво*). Особенно эти стѣны!.. Посмотримъ-ка не лучше ли тутъ? (*стучитъ въ стѣну разделяющую комнаты*).

АДЕЛАИДА, (*открывая окно и услышавъ стукъ*). Войдите!

БЛОКЕ. Слышите!

№ 2.

Ужъ это складено такъ скверно,
 Что лбомъ въ ней сдѣлаешь проломъ,
 И черезъ годъ или два, навѣрно,
 Развалится мой прочный домъ!

АДЕЛАИДА. Стучали, а никого нѣтъ!
 БЛОКЕ. Нѣтъ, надо положить конецъ!

Здѣсь врядъ ли домъ отыщешь хуже
 Нѣтъ, чѣмъ въ немъ жить со страхомъ намъ,
 Подкрашу этотъ гробъ снаружи,
 Да поскорѣй его продамъ!

(Уходитъ).

АДЕЛАИДА, (отворивъ дверь и увидя Адемара). А! наконецъ
 вы пожаловали!

Я В Л Е Н И Е VI.

АДЕЛАИДА, АДЕМАРЪ, (Адемаръ въ этой сценѣ измѣняетъ свою походку и всѣ манеры. Платье и прическа его въ беспорядкѣ; перчатокъ нѣтъ; шляпа на головѣ и пр.)

АДЕМАРЪ, (входитъ). Здравствуй, Лаида, здравствуй, мой дружокъ, дай мнѣ тебя разцѣловать...

АДЕЛАИДА. Нельзя ли подальше... Позвольте васъ спросить, за чѣмъ вы стучали въ дверь и долго не входили?

АДЕМАРЪ. Я?.. я и не думалъ стучать... ты знаешь, что я вхожу къ тебѣ всегда прямо, безъ доклада...

АДЕЛАИДА. Однакожъ, теперь вы стучали... я слышала собственными ушами...

АДЕМАРЪ. Дурочка! твое сердце, предчувствуя мой приходъ, вѣрно очень сильно забилося, а ты подумала, что стучать въ дверь... Ну, теперь, мой дружокъ, дай же тебя разцѣловать!

АДЕЛАИДА. Извините! сегодня вамъ не удастся получить ни одного поцѣлуя!

АДЕМАРЪ. Это что значить?.. Но отчего, моя повелительница? отчего?

АДЕЛАИДА. Оттого, что я на васъ сердита... оттого, что вы заставили меня ожидать васъ почти цѣлый часъ... оттого, наконецъ, что я дала себѣ честное слово поколотить васъ сегодня!

АДЕМАРЪ. Право?.. Люблю за откровенность!.. На же, бей, колоти, терзай меня... только не говори, что ты меня не любишь!.. (плачетъ). Лаида! моя смерть не страшитъ! я готовъ умереть отъ твоей руки!.. Желаю только одного, чтобъ на могильномъ своемъ камнѣ я могъ написать:

Прохожій! прочитай и знай любви всю силу!
Хоть я и низведенъ Лаидою въ могилу,
Но то могу сказать завистникамъ моимъ,
Что ею страстно былъ до гроба я любимъ!

(Становится на колѣна и подставляетъ ей щеку).

АДЕЛАИДА, (поднимая руку, какъ будто хочетъ его ударить). Ну, скажите, не плутишка ли онъ?

АДЕМАРЪ. Лаида! бей, но помилуй и прости меня!

АДЕЛАИДА, (ударя его ладонью по щеку) Вотъ тебѣ!

АДЕМАРЪ, (вставая). Благодарствуй!.. Ну, теперь ужъ позволю разцѣловать тебя...

АДЕЛАИДА. Съ условіемъ...

АДЕМАРЪ. Съ какимъ?

АДЕЛАИДА. Чтобы вы изволили остаться у меня на цѣлый день!

АДЕМАРЪ, (съ стороны). Такъ! я этого ожидалъ!.. (вслухъ). Ахъ, мой другъ, я готовъ бы съ удовольствіемъ... но...

АДЕЛАИДА. Тутъ нѣтъ никакихъ но!.. Во первыхъ, я этого хочу!

АДЕМАРЪ. Но... видишь что, мой дружокъ... я ничего еще не ѣлъ... и потому...

АДЕЛАИДА. И потому, во вторыхъ, вы будете у меня завтракать... я только жду подругъ.

АДЕМАРЪ, (съ стороны). Попался!

АДЕЛАИДА. Въ третьихъ, сегодня я именинница!

АДЕМАРЪ. Имянинница!, Какъ! ты тоже сегодня именинница?

АДЕЛАИДА. Тоже?... Позвольте васъ спросить, что значить это тоже?

АДЕМАРЪ, (въ сторону). Опять попался!.. (вслухъ). Развѣ я сказалъ: тоже?

АДЕЛАИДА. Сказали и ужъ никакъ не отопретесь!.. Извольте же говорить сейчасъ; кто эта особа, которую зовутъ такъ же Аделаидой?

АДЕМАРЪ. Я немогу тебѣ сказать!

АДЕЛАИДА. А я хочу знать!

АДЕМАРЪ. Мнѣ трудно тебѣ сказать... я могу тебя оскорбить..

АДЕЛАИДА. Все равно!..

АДЕМАРЪ. Ты меня принуждаешь...

АДЕЛАИДА. Да! говорите, кто эта Аделаида?

АДЕМАРЪ. Если ужъ ты непременно хочешь знать, это...

АДЕЛАИДА. Это?..

АДЕМАРЪ. Это.. я!

АДЕЛАИДА. Вы?

АДЕМАРЪ. Да, мой другъ, это я!.. Наконецъ, ты узнала эту тайну!.. Меня зовутъ Аделаида Адемаръ Буларъ!.. Конечно, Аделаида довольно странное имя для мужчины!.. Но что дѣлать, если родители дали мнѣ его при рожденіи!.. И такимъ образомъ, я сегодня такъ же праздную день моихъ именинъ!

АДЕЛАИДА. О, такъ поздравляю...

АДЕМАРЪ. Погоди!

№ 3.

Позволь поздравить мнѣ сначала!

Желаній я не говорю...

Чего бъ не пожелать—все мало!

АДЕЛАИДА, (присѣдая).

Покорно васъ благодарю!

АДЕМАРЪ.

Нѣтъ, отъ тебя, мой другъ, желаю

Другаго въ благодарность я!

АДЕЛАИДА. Чего же?

АДЕМАРЪ. Чего? (показываетъ губами, что онъ желалъ бы ее поцѣловать).

АДЕЛАИДА, (подставляя щеку).

Ну, такъ и быть, я позволяю

Поцѣловать за то меня!

(Адемаръ цѣлуетъ ее въ щеку.)

АДЕЛАИДА. Теперь моя очередь...

АДЕМАРЪ. Нѣтъ, погоди!

Всѣ перемоніи оставить

Прошу, дружокъ мой, въ сторонѣ.

АДЕЛАИДА.

Нѣтъ, нѣтъ, васъ съ ангеломъ поздравить

Позвольте въ свой чередъ и мнѣ.

(Присѣдаетъ)

АДЕМАРЪ.

Лайда! отъ тебя желаю

Другаго поздравленья я!

АДЕЛАИДА. Какого же?

АДЕМАРЪ. Какого? (показываетъ опять, что онъ желалъ бы ея поцѣловать).

АДЕЛАИДА, (подставляя другую щеку).

Ну, такъ и быть, я позволяю

Поцѣловать еще меня!

(Адемаръ цѣлуетъ ее нѣсколько разъ, Стукаетъ въ дверь).

АДЕМАРЪ, (вскрикиваетъ). Кто идетъ?.. Нельзя!..

Я В Л Е Н І Е VII.

ТѢ ЖЕ. Луиза, Фифина.

ЛУИЗА И ФИФИНА, (входя). Вотъ и мы! здравствуй, Лайда! здравствуй, Лайда!

АДЕЛАИДА. Луиза! Фифина!.. Здравствуйте, милыя мои по-други!

ЛУИЗА. Мы явились поздравить тебя и пожелать...

АДЕМАРЪ, *(обнимая неожиданно Луизу и Фифину)*. Счастья, здоровья... и прочее и прочее!..

ЛУИЗА и ФИФИНА, *(узнавъ его)*. А! г. Брульяръ!.. Здравствуй-те, г. Брульяръ!

АДЕМАРЪ. Буларъ!.. а не-Брульяръ!

АДЕЛАИДА, *(подружамъ)*. Вы знаете, мы будемъ вмѣстѣ завтракать.

(Луиза и Фифина снимаютъ платки и шляпки. Луиза съшиваетъ свою шляпку за ленты на возде, возлѣ трубки).

АДЕМАРЪ, *(равнодушно)*. Да, да, мои душечки, вы будете завтракать съ Ландой?.. *(Ищетъ свою шляпку)*.

АДЕЛАИДА. Я думаю, и съ тобой такъ же.

АДЕМАРЪ. Что?.. *(въ сторону)*. Еще разъ попался...

АДЕЛАИДА. Луиза, помоги мнѣ, пожалуйста, сними тамъ съ пашты супъ...

ЛУИЗА. Долженъ быть превкусный!... Я сужу по запаху... *(Уходитъ)*.

АДЕЛАИДА. Бѣдный Адемаръ... судя по времени, у тебя долженъ быть адскій аппетитъ... и вижу, какъ ты проголодался.. но положи немножко... сейчасъ дадутъ тебѣ ѣсть...

АДЕМАРЪ. О? пожалуйста, не торопись для меня... желудокъ мой чрезвычайно терпѣливъ!... *(въ сторону)*. Не знаю, что дѣлать! онъ такъ полонъ, что и маленькаго кусочка въ него не помѣстишь.

АДЕЛАИДА, *(открывая шкафъ)*, Сегодня я сама все закупила., *(Фифинь)*. Помоги мнѣ, Фифина, подвинуть столъ...

(Адемаръ ходитъ вдоль и поперекъ комнаты, дѣлая большыя шаги).

АДЕЛАИДА. Что ты тамъ дѣлаешь, Адемаръ?

АДЕМАРЪ, *(ходя)*. Упражняюсь въ гимнастикѣ!

АДЕЛАИДА. Да поди сюда.

ЛУИЗА, *(входя съ закрытой тарелкой)*. Такъ и кипятъ! такъ и кипятъ! *(всѣ садятся къ столу)*.

АДЕЛАИДА. Начнемте съ паштета!

АДЕМАРЪ, *(сидя и нюхая въ сторону)*. Съ телятиной и вет-

чиной! а я только что съѣлъ у будущего моего тестя два чудовищные куса паштета съ гусиной печенкой и трюфелями!

АДЕЛАИДА. Послѣ паштета у насъ будетъ супъ... потомъ сосиски и колбасы!

АДЕМАРЪ, (*въ сторону*). Боже мой! куда это я все упрячу?

АДЕЛАИДА. А вмѣсто десерта сладкіе слоеные пирожки... наши любимые пирожки!

АДЕМАРЪ, (*въ сторону*). Удивляюсь, какъ до сихъ поръ не запретятъ у насъ этихъ жирныхъ пирожковъ!... вреднѣе я не знаю ничего!

АДЕЛАИДА, (*кладя на тарелку Адемара куски паштета*). Кушай, Адемаръ!

АДЕМАРЪ. Ты мнѣ много кладешь!... (*въ сторону*). Нѣтъ, ужъ я никакъ не доберусь до сосисокъ!... Боже мой!... какъ бы мнѣ отдѣлаться?... (*увидя позади себя на гвоздь шляпку Луизы*). А!... (*поспѣшно сбрасываетъ въ нее съ тарелки кушанье*).

ЛУИЗА. Я хочу пить!

АДЕМАРЪ, (*поспѣшно*). Чудесно! неподобно! Давайте пить! (*наливаетъ вѣзмъ вина*).

ЛУИЗА и ФИФНА. За здоровье Ланды!

АДЕМАРЪ. За здоровье Ланды! (*въ сторону*). И за мое здоровье!

№ 4.

в с ъ .

Съ нашимъ счастьемъ что сравнится?

Что пріятнѣй можетъ быть,

Какъ съ друзьями веселиться

И такъ сладко ѣсть и пить!

АДЕЛАИДА.

Гдѣ насъ дружба соединяетъ,

Гдѣ любовь между людей,

Тамъ лишь радость обитаетъ,

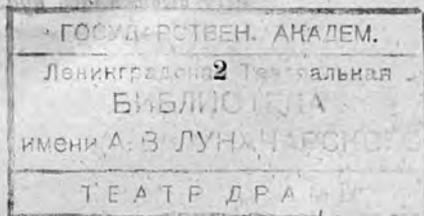
Тамъ и пить и ѣсть вкуснѣй!

АДЕМАРЪ, (*въ сторону*).

Имъ все это вкусно, сладко,

Рады все что есть уплѣсть,

Т. XII. Отд. I.

А мнѣ, просто, видѣть гадко,
Какъ онѣ изволятъ ѣсть!

в с ѣ .

Съ нашимъ счастьемъ что сравнится и пр:

(Адемаръ, незамѣтно для прочихъ, бросаетъ въ шляпку кусокъ за кускомъ все, что ему кладутъ на тарелку).

АДЕЛАИДА. Какъ, ты ужъ все скушалъ?

АДЕМАРЪ, *(смотря на шляпку)*. Все до кусочка!... и готовъ, пожалуй, снова начать!

АДЕЛАИДА. Кто хочетъ сосисокъ?

АДЕМАРЪ, Я! я! *(показывая видъ, что онъ пьетъ)*. Ахъ! какъ вкусны твои сосиски!... Боже мой! какъ вкусны! *(украдочно бросаетъ сосиски въ шляпку)*.

ЛУИЗА. Лаида, дай мнѣ хлѣба?

АДЕЛАИДА. На, бери!

АДЕМАРЪ. Все! неужли все!... а вѣдь я, мои крошечки, голоденъ!... мнѣ хочется сосисокъ!

АДЕЛАИДА. Этакой объѣдала!... на; бери остальные!

АДЕМАРЪ. Ахъ, какъ онѣ вкусны!

АДЕЛАИДА. А вотъ твоя часть слоеныхъ пирожковъ!

АДЕМАРЪ. Давай мнѣ больше!... Я готовъ теперь съѣсть сотню!... чудные пирожки!... *(въ сторону)*. Бѣда! шляпка полнехонька!... *(притворяясь, будто пьетъ, онъ бросаетъ пирожки въ шляпку и потопъ кулакомъ сжимаетъ въ ней все)*. Боже мой! Я совѣмъ ее обезобразилъ!... *(вслухъ)*. Теперь! я хочу пить!... за здоровье Лаиды! *(всѣ пьютъ)*.

АДЕЛАИДА, *(вставая)*. Теперь давайте варить кофе!

ЛУИЗА и ФИФИНА, *(ставя столъ въ уголъ)*. Да, да!... теперь приятно выпить кофе.

АДЕМАРЪ, *(поспѣшно вставая и снявъ шляпку, прячетъ ее позади себя)* Что я буду съ ней дѣлать?... а!...

(прохаживается, посвистывая, по комнатѣ и вдругъ, незамѣтно для прочихъ, подбѣгая къ раковиннику, бросаетъ въ него шляпку; но отойдя и замѣтя, что изъ него вывѣсилась вуаль, поспѣшно отдираетъ ее и прячетъ въ карманъ).

АДЕЛАИДА, (у камина). Эдакая бѣда!... огонь почти погасъ... а у меня нѣтъ силы раздуть... помогите, пожалуйста!

АДЕМАРЪ. Я помогу, я!... у меня легкія, какъ кузнечный мѣхъ!... пуфъ! пуфъ!

(Адемаръ и Аделаида раздуваютъ въ каминъ огонь; въ это время Лунза и Фифина убираютъ со стола).

Я В Л Е Н І Е VIII.

ТѢЖЕ, АДЕЛЬ И АЛЬФРЕДЪ. (они выходятъ изъ залы).

АДЕЛЬ. Папенька запретилъ мнѣ видѣться и говорить съ вами; пожалуйста, оставте меня, г. Альфредъ!

АЛЬФРЕДЪ. Г. Блоке говорить теперь съ моей тетужкой... и я воспользовался этимъ случаемъ... не для того, чтобы увѣрить васъ снова въ мои чувствахъ, которыя сохраню я къ вамъ до гроба, но чтобы отдать вамъ новый романсъ моего сочиненія, который я осмѣлился посвятить вамъ...

АДЕЛЬ, (поспѣшно). А! это дѣло другое... (съ радостью). Покажите мнѣ этотъ романсъ, г. Альфредъ!

(Альфредъ подаетъ ей романсъ; она его разматриваетъ).

АДЕМАРЪ, (раздувая огонь). Вотъ и разгорается!

АДЕЛАИДА, (идя къ рамоу). Сейчасъ я принесу воды для кофе... (поварачиваетъ кранъ; вода идетъ черная). Что это, какая грязная вода! совсѣмъ черная!

АДЕМАРЪ, (въ сторону). Вотъ тебѣ разъ! шляпка полинула! (вслухъ поспѣшно). вѣрно грязенъ кранъ!... или ты много положила угля на камень... да, это отъ угля...

АДЕЛАИДА. Какъ-же мнѣ быть съ кофеемъ!

АДЕМАРЪ. Невари его, вотъ и все! (въ сторону). Врядъ ли этотъ кофе будетъ вкусенъ съ такимъ соусомъ... (вслухъ). Но у тебя есть вино... сдѣлаемъ грокъ... безъ воды!

всѣ. Да, да! прекрасно!... грокъ!

АДЕМАРЪ, (Аделаидѣ). Нѣтъ ли у тебя лимона?

АДЕЛАИДА. Есть апельсинъ.

АДЕМАРЪ. Все равно, давай!...

(Адемаръ ставитъ столъ посреди комнаты и, съ помощью дѣвницъ, приготавливаетъ грокъ).

АДЕЛЬ, (*Альфреду*). Вашъ романсъ долженъ быть очень хорошъ...

АЛЬФРЕДЪ. Я желалъ бы, чтобъ вы его попробали.

АДЕЛЬ, (*въ сторону*). Какъ я откажу ему въ такой бездѣлицѣ! (*подходятъ къ фортепьяно*).

АДЕМАРЪ. Нашъ грокъ будетъ очень вкусенъ!

АДЕЛЬ. Акомпанеманъ прекрасно сдѣланъ.

АЛЬФРЕДЪ. Позвольте мнѣ, милая кузина, пропѣть вамъ этотъ романсъ... въ немъ и слова и музыка мои...

АДЕЛЬ. Пропойте, пожалуйста... только прежде дайте мнѣ поучить немного.

АДЕМАРЪ. Когда мы кончимъ эту стряпню... я попрошу позволеніе, милая Ланда, пропѣть тебѣ маленькіе стишки, которые я сочинилъ для тебя!

ЛУИЗА и ФИФИНА. Стихи!... ахъ, какъ это весело! какъ приятно, г. Брульяръ!

АДЕМАРЪ. Буларъ, а не Брульяръ!

АДЕМАИДА. Это очень мило съ твоей стороны... пой же, мой Ламартинъ, пой!...

(*Оркестръ начинаетъ ритуриель слѣдующей арии; Альфредъ готовится пѣть, Адель акомпанируетъ*).

АДЕМАРЪ, (*въ сторону*). Эти стихи я сочинилъ для Адели... но все равно, я пропою ихъ Аделаидѣ...

№ 5.

АЛЬФРЕДЪ.

• Я васъ люблю, мой другъ прекрасный,

Моя Адель, люблю душой! »

Такъ пѣлъ любовникъ нѣжный, страстный,

Пылая страстью неземной!

АДЕМАРЪ.

Чу! у сосѣдей заиграли!

Злодѣи мнѣ мѣшаютъ пѣть...

АЛЬФРЕДЪ.

Пѣть, здѣсь не въ этотъ тонъ вы взяли...

АДЕЛЬ.

Мнѣ надо ноты рассмотреть! (разматриваетъ ноты и твердитъ).

АДЕЛАИДА. Перестали играть... ну, пойте-же!

АДЕМАРЪ. Моя Адель...

АДЕЛАИДА. Что значить это? Адель...

АДЕМАРЪ. Адель для рѣшмы здѣсь нужна. Аделаида для поэта въ стихахъ немножко длинна!...

АДЕЛАИДА. Все равно, пой: Аделаида!

АДЕМАРЪ. Да всѣ рѣшмы на Адель.

АДЕЛАИДА. Нужды нѣтъ!

АДЕМАРЪ. Нѣтъ, ужъ я лучше передѣлаю эти стихи и пропою ихъ тебѣ завтра!...

АДЕЛЬ. Нѣтъ, этотъ акомпанеманъ очень труденъ... надобно его хорошенько протвердить...

АДЕЛАИДА. Все равно, пой безъ рѣшмъ!

(Адемаръ хочетъ пить; въ это время Адель начинаетъ играть польку.)

АДЕМАРЪ. Моя Адель!.. Чу! заиграли польку! о, полька, чудная полька!

АДЕЛАИДА. Удивительная полька!

ЛУИЗА и ФИФИНА. Несравненная полька!

АДЕМАРЪ, АДЕЛАИДА, ЛУИЗА и ФИФИНА, (на мотивъ польки.)

Съ полькой чудной и безпечной
Свѣтъ всѣ танцы позабылъ;
Тотъ достоинъ славы вѣчной,
Кто намъ польку сочинилъ!

(Адель продолжаетъ играть польку; Альфредъ беретъ съ фортепьяно скрипку и акомпанируетъ ей изъ всѣхъ силъ. Адемаръ и Аделаида, Луиза и Фифина, помирая со смѣху, танцуютъ польку.— Адель и Альфредъ перестаютъ играть.— Адемаръ и Аделаида, измученные и усталые, падаютъ на стулья.)

АДЕЛАИДА. Уфъ!.. устала!.. не могу больше!

АЛЬФРЕДЪ, (цѣлуя руку Адели.) Вы играли, какъ ангель!

АДЕМАРЪ. Сосѣди! бисъ!.. фора! бисъ!

АДЕЛЬ, (Альфреду.) Ахъ, г. Альфредъ! что вы дѣлаете!

АДЕМАРЪ. Боже мой!.. Какъ я измучился!.. жарко такъ, какъ въ огнѣ!.. ужасная жажда!..

АДЕЛАИДА. И у меня тоже! *(внезапно.)* Какая идея!.. давай-те пѣчь молочные блины!

АДЕМАРЪ. Прекрасно! это насъ прохладитъ!

АДЕЛАИДА. У меня готово тѣсто...

АДЕМАРЪ, *(снимая фракъ.)* Превосходно!.. За работу, друзья! всѣ. За работу!

(Адемаръ, Аделаида, Луиза и Фифина собираютъ все нужное для тѣченья блиновъ. — Аделаида надвѣваетъ Адемару бумажный колпакъ. Луиза подвязываетъ ему бѣлый передникъ.)

Я В Л Е Н І Е IX.

ТѢЖЕ, г. БЛОКЕ.

БЛОКЕ, *(выходя изъ залы.)* Кто это здѣсь затѣялъ такую музыку?.. Отъ нея, просто, дрожалъ весь мой домъ!

АЛЬФРЕДЪ, *(Адели, которая хочетъ уйти.)* Адель! еще одну минуточку!..

БЛОКЕ. Боже мой! они здѣсь вдвоемъ!

АДЕЛЬ. Папенька!

АЛЬФРЕДЪ. Г. Блок!

БЛОКЕ, *(Адели.)* Что ты тутъ дѣлала?

АДЕЛЬ. Мы, папенька, занимались музыкой!

БЛОКЕ. Съ г. Крето?

АЛЬФРЕДЪ. Да-съ, г. Блок, мы занимались здѣсь музыкой.

АДЕЛАИДА, *(вынимая изъ огня сковороду.)* Сковорода горяча! *(наливаетъ тѣсто. Адемаръ печетъ блины.)*

БЛОКЕ, *(Альфреду.)* Но какимъ образомъ попали вы сюда?

АЛЬФРЕДЪ. Я получилъ отъ васъ сегодня утромъ пригла-сительный билетъ...

БЛОКЕ. Да-съ... но я приглашалъ васъ не для музыки, а для подписанія свадебнаго контракта моей дочери, которая вы-ходитъ замужъ за Адемара Булара.

АЛЬФРЕДЪ. Боже мой! такъ все кончено!

БЛОКЕ. Въ нынѣшнюю субботу назначена ихъ свадьба!

АДЕМАРЪ, *(снимая блинъ.)* Блинъ готовъ?

БЛОКЕ. Адель! сходи къ этой дѣвушкѣ, которая вышиваетъ

тебѣ вуаль и возвратись скорѣе... контрактъ мы будемъ подписывать равно въ три часа... А вы г. Крето составте между тѣмъ партію въ вистъ съ вашей тетушкой и двумя двоюродными братцами...

АЛЬФРЕДЪ, *(въ сторону.)* Адель будетъ принадлежать другому... Нѣтъ, я ни за что не подпишу этого ужаснаго контракта.. Но, если я не ошибаюсь этотъ Адемаръ Буларъ...

АДЕМАРЪ, *(снимая блинъ.)* Второй блинъ.

БЛОКЕ, г. Крето чегожъ вы еще дожидаетесь?

АЛЬФРЕДЪ. Сію минуту!.. *(тихо Адель.)* Еще не все потеряно!..

АДЕЛЬ, *(тихо)* Что вы говорите?..

БЛОКЕ. Ступай же, Адель ступай!.. А вы г. Крето, пожалуйста за вистъ.

(Блоке, Альфредъ и Адель уходятъ въ залу.)

Я В Л Е Н І Е X.

АДЕМАРЪ, АДЕЛАИДА, ЛУИЗА, ФИФИНА.

АДЕМАРЪ. Блинъ №3... кто хочетъ?

ВСѢ. Ахъ, какой чудесный блинъ!

АДЕЛАИДА. Это тебѣ самому, Адемаръ!

АДЕМАРЪ, *(поспѣшно.)* Прошу не церемониться со мною... у меня еще не переварились слоеные пирожки... отложи для меня, я съѣмъ послѣ.

(Аделаида заворачиваетъ блинъ въ бумагу и прячетъ его въ одинъ изъ кармановъ фрака, который Адемаръ повѣсилъ на стулѣ, въ глубинѣ театра.)

АДЕМАРЪ, *(Луизѣ.)* Дайте немножко масла... да подлейте тѣста... тѣста побольше...

АДЕЛАИДА, *(спрятавъ фракъ въ шкафъ.)* Тутъ онъ у него будетъ подъ рукою... можетъ съѣсть и дома.

АДЕМАРЪ, *(незамычая, что съѣла Аделаида.)* Блинъ №4... свалился, упалъ въ огонь!.. Этакая досада! пропалъ даромъ!

АДЕЛАИДА, (*подходя къ камину.*) Дай лучше мнѣ... я буду пѣчь... ты все дурачишься!

АДЕМАРЪ, (*отдавъ сковороду, снимаетъ со стѣны трубку.*) Пѣ-ки, душечка, пѣки! а я между тѣмъ выкурю трубку... (*съ стороны.*) У будущаго моего тѣстя я не могу курить по произволу... а здѣсь я курю когда хочу... моя Лайда подь часъ сама любить курить табакъ.

АДЕЛАИДА. Что ты говоришь?

АДЕМАРЪ. Я говорю, что ты любишь табачный запахъ! (*съ стороны*) Когда я женюсь, буду ходить сюда... курить по холостому...

(*Стучатъ въ дверь къ Аделаидѣ.*)

АДЕМАРЪ. Кто-то стучитъ въ дверь...

АДЕЛАИДА. Отвори!..

АДЕМАРЪ. Я закуриваю трубку.

АДЕЛАИДА, (*подходя къ двери.*) Лѣннivecъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

ТЪ-ЖЕ, АДЕЛЬ

АДЕЛЬ, (*на порогѣ*). Не здѣсь-ли живетъ... (*узнавъ Аделаиду*). Ахъ, вотъ вы сами!

АДЕМАРЪ, (*съ стороны, увидя Адель*). Моя невѣста!

(*Въ испугъ бросается на стулъ который ломается подь нимъ.*)

АДЕЛАИДА, (*Адели*). Войдите, пожалуйста, сударыня... (*Адемару*). Дай скорѣе стулъ...

АДЕМАРЪ, (*сconfуженный, незная что дѣлать, подбѣгаетъ къ камину, и оборотаясь спиною къ Адели, схватываетъ сковороду*). Сейчасъ, сейчасъ!

АДЕЛЬ. Я пришла узнать, кончили-ли вы мою вуаль.

АДЕЛАИДА. Готова совсѣмъ, сударыня.

АДЕМАРЪ. Гдѣ мой фракъ?.. гдѣ мой фракъ?

АДЕЛАИДА, (*тихо Луизѣ и Фифинѣ*). Пожалуйста, сходите въ ту комнату, выпорите изъ пальцевъ вуаль... вотъ пожницы...

Луиза и Фифина, (*идя съ боковую комнату*). Сію минуту!

АДЕМАРЪ. А! вотъ онъ въ шкафу!.. ну, слыханое ли дѣло, класть фракъ вмѣстѣ съ кушаньемъ?..

АДЕЛЬ. (*Аделаидь*). Поторопитесь, пожалуйста... мнѣ нѣкогда ждать.

АДЕМАРЪ, (*въ сторону*). Я думаю и мнѣ тоже!.. (*Оборотясь все спиною къ Адель, онъ беретъ фракъ подъ мышку и прокрадывается къ выходной двери, открывает ее.*)

АДЕЛАИДА, (*оборотясь и удерживая рукою Адемара*). Куда ты?

АДЕЛЬ, (*замптя его*). Здѣсь мущина!

АДЕМАРЪ, (*тихо Аделаидь*). Я не очень здоровъ... посмотрь, какъ я блѣденъ!

АДЕЛАИДА. Какой вздоръ... ты красенъ, какъ ракъ. (*заставляет его повернуть голову къ Адель*).

АДЕЛЬ, (*увидя Адемара*). Ахъ, Боже-мой!

АДЕМАРЪ, (*въ сторону*). Ай, ай! (*подбѣгаетъ къ камину и обмываетъ лицо мукою*).

АДЕЛАИДА. Да, пооди сюда, Ад...

АДЕМАРЪ, (*поспѣшию*). Остановись... (*въ сторону*). Если она назоветъ меня, я буду рѣшительно разоблаченъ!..

АДЕЛАИДА. Въ-самомъ дѣлѣ, какъ ты теперь блѣденъ!.. что съ тобою...

АДЕМАРЪ. Вѣдь я тебѣ говорилъ... я что то не въ своей тарелкѣ.

АДЕЛЬ, (*Аделаидь*). Скажите, пожалуйста, кто этотъ молодой человѣкъ?

АДЕМАРЪ, (*поспѣшию, тихо Аделаидь*). Скажи, что я твой братъ,.. чтобъ не могли подозрѣвать тебя въ чемъ нибудь дурномъ.

АДЕЛАИДА. Это мой женихъ!

АДЕМАРЪ, (*въ сторону, съ отчаяніемъ*). Безподобно!.. зарѣзала!

АДЕЛЬ. Такъ это вашъ...

АДЕМАРЪ, (*кричитъ*). Не угодно-ли блиновъ!

АДЕЛЬ, (*въ сторону*). Какая ужасная манера... (*вслухъ*). Я никакъ не могу остаться здѣсь долѣе... пожалуйста, принесите сами ко мнѣ вуаль.

АДЕЛАИДА. Очень хорошо.

АДЕЛЬ, (*въ сторону, смотря на Адемара*). Онъ похожъ на него лицомъ... но не болѣе.

АДЕЛАИДА, (*въ сторону*). Странно! какъ она его разсматриваетъ!

АДЕМАРЪ, (*въ сторону*). Она такъ на меня глядитъ, что меня

начинаетъ пробивать лихорадка... *(беретъ трубку и садится къ окну, спиною къ зрителямъ).*

АДЕЛЬ, *(въ сторону)*. Если-бъ Адемаръ не былъ моимъ женихомъ, я могла бы подумать... *(вслухъ)*. Такъ я надѣюсь на васъ... я только зайду въ модный магазинъ и тотчасъ-же возвращусь домой... меня жлуть.

АДЕЛАИДА. Я догадываюсь, кто и ждетъ... вѣрно, женихъ... Я слышала, что вы выходите замужъ и конечно за молодого человѣка... Скажите, пожалуйста какъ его зовутъ?.. у моего жениха прекрасное имя...

АДЕМАРЪ, *(въ сторону)*. Она рѣшительно тянетъ меня въ бѣду!

АДЕЛЬ. А какъ зовутъ вашего?

АДЕМАРЪ, *(кричитъ)*. Не угодно-ли блиновъ!
(Схватываетъ тарелку и подноситъ ее поспѣшно Адели; но въ замѣшательствѣ роляетъ и разбиваетъ ее.)

АДЕЛЬ. Ахъ, какъ вы меня испугали!.. *(въ сторону)*. Какой невѣжа!.. *(Аделаидѣ, уходя)*. Такъ до-свиданія

АДЕЛАИДА. Я сію минуту къ вамъ явлюсь! *(уходитъ съ Аделью)*,

ЯВЛЕНІЕ. XII.

АДЕЛАИДА, АДЕМАРЪ.

АДЕМАРЪ. Уфъ!.. воды!.. дайте стаканъ воды!

АДЕЛАИДА, *(возвратясь и говоря вслѣдъ Адели)*. Небезпокойтесь, я не замѣшкаюсь... *(запираетъ дверь)*. Она ушла!

АДЕМАРЪ. Стаканъ воды!

АДЕЛАИДА, *(наливая въ стаканъ воды изъ ручнойники)*. Вотъ тебѣ воды.

АДЕМАРЪ. Нѣтъ, не хочу воды!.. *(про себя)*. Я долженъ быть у нея прежде, чѣмъ она придетъ домой ... *(кричитъ)*. Гдѣ мой фракъ?.. виноватъ! онъ на мнѣ!

АДЕЛАИДА. Куда ты идешь?

АДЕМАРЪ. На биржу... надо посмотрѣть образчикъ сукна.

АДЕЛАИДА. Ты лжешь!

АДЕМАРЪ. Твоя правда, я лгу... мнѣ надо зайти въ Пале-

ройаль, въ цвѣточный магазинъ... сегодня день твоего ангела, а я, негодяй, не поднесъ тебѣ ни цвѣточка!

Аделаида. Все равно, принесешь завтра.

Адемаръ. Нѣтъ, завтра будетъ уже позано... Позволь мнѣ Лаида, кушать тебѣ сегодня букетъ... Что я говорю букетъ... цѣлое дерево, два дерева, три дерева... цѣлый садъ!.. я не буду покоенъ до тѣхъ поръ, пока не осыплю тебя цвѣтами съ головы до ногъ!

Аделаида. Къ чему?... что за глупость!

Адемаръ, (*выбѣгал изъ комнаты*). Нѣтъ, нѣтъ, ты меня не уговоришь!

Аделаида. Адемаръ! Адемаръ!

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Аделаида, потомъ Луиза.

Аделаида, (*смотря въ дверь*). Боже мой! Онъ сѣлъ верхомъ на перила и спускается... (*кричитъ*). Тигре! ты сломишь шею! (*возвращаясь на аван-сцену*). Онъ, просто, съ ума сошелъ! Этого съ нимъ никогда не бывало!... Неужели онъ меня такъ сильно любить?... или нѣтъ ли ужъ тутъ какихъ штукъ?... О, если я узнаю чтонибудь!... Бѣда ему!

№ 6.

Онъ всякій день твердить, какъ любить страстно

И будетъ вѣкъ одну меня любить,

Такъ можете судить, какъ мнѣ ужасно

Его теперь въ измѣнѣ уличить!

Теперь во мнѣ живетъ одно желанье:

Любить его и быть его женой,

Такъ мнѣ-ль отдать себя на посмѣянье

И уступить его на вѣкъ другой?...

(*Говоритъ*). Нѣтъ! Нѣтъ!...

Нѣтъ, это невозможно!...

Ему мнѣ быть должно!...

Иначе, я клявусь,

На все, на все рѣшусь!
 Я съ нимъ, безъ состраданья,
 По-женски разочтусь!
 При первомъ же свиданьи
 Въ глаза ему вицпуюсь!

(Говоритъ); Берегись, измѣнникъ!

Пусть ты моимъ не будешь,
 Пусть клятву позабудешь,
 Но память о себѣ
 Оставляю я въ тебѣ!
 Клянуся, память о себѣ
 На вѣкъ оставляю я въ тебѣ!...

луиза, (выглядывая изъ боковой комнаты). Ланда! вуаль выпялена!

Аделаида. Благодарствуй!... мнѣ сейчасъ надо ее снести....
 Пойдемте вмѣстѣ чрезъ маленькую лѣстницу... (Уходитъ въ боковую комнату).

Я В Л Е Н І Е XIV.

АДЕМАРЪ, потомъ АДЕЛЬ.

АДЕМАРЪ, (запыхавшись и поспѣшно входя изъ залы въ комнату Блоке, съ радостію). Ее еще нѣтъ дома!... (Тяжело вздыхая и отдуваясь). Уфъ!... просто, выбился изъ силъ!... Это лучше всякой гимнастики!... Я такъ бѣжалъ сюда, что уронилъ двухъ разносчиковъ съ апельсинами и перескочилъ чрезъ дворника, который нагнувшись межъ дворъ!... (поправляя одежду и прическу). Въ какомъ я беспорядкѣ... надобно поправиться!... Боже мой! отъ меня такъ и пахнетъ блинами!... Этотъ запахъ предастъ меня!... Какое счастье! духи... (беретъ со стола флаконъ съ духами и опрыскивается). Какая неосторожность! Это мускусы!... Я такъ облилъ себя, что никакая голова не вынесетъ этихъ духовъ!... Кто-то идетъ!... это она!... (схватываетъ съ фортепьяно большую переплетенную тетрадь и, бросаясь въ кресла, перелистываетъ ее съ большимъ вниманіемъ).

АДЕЛЬ, (*входя через залу*). Онъ здѣсь!... какъ я ошиблась... онъ нисколько непохожъ на этого....

АДЕМАРЪ, (*пересматривая тетрадь и какъ будто не замѣчая Адели*). Превосходно!... Удивительно!...

АДЕЛЬ, (*подходя къ нему*). Г. Адемаръ!...

АДЕМАРЪ, (*вставая*). Ахъ, Боже мой! Это вы!... извините моей разсѣянности... Я такъ восхищался этимъ безсмертнымъ произведеніемъ!...

АДЕЛЬ, (*смѣясь*). Это моя фортепянная школа... неужели она васъ такъ восхитила?

АДЕМАРЪ, (*въ сторону*). Фу! какъ я глупъ!... (*кладетъ тетрадь на фортепяно*).

АДЕЛЬ. Скажите, вы здѣсь давно?

АДЕМАРЪ. Здѣсь?... о, очень давно... (*нѣжно*). Въ ожиданіи васъ, каждая минута казалась мнѣ вѣчностью!

АДЕЛЬ, (*въ сторону*). Я была увѣрена, что это не онъ! (*снимаетъ шарфъ и шляпку*).

АДЕМАРЪ, (*въ сторону*). Она меня не узнала!... Однакожъ, отъ всѣхъ этихъ тревогъ и въ добавокъ еще отъ этого мускуса, я, того и гляди, сдѣлаюсь болѣнъ.... Мнѣ впрямую нуженъ воздухъ....

АДЕЛЬ. Представьте себѣ, г. Адемаръ.... Ахъ, вы будете ужасно смѣяться!...

АДЕМАРЪ. Я ужъ смѣюсь заранѣе!... (*въ сторону*). Боже мой! голова такъ и трещитъ!

АДЕЛЬ. Представьте себѣ, сію минуту...

Я В Л Е Н І Е Х V.

ТѢЖЕ. Г. БЛОКЕ.

БЛОКЕ, (*входя въ комнату через залу*). Опять вмѣстѣ!

АДЕЛЬ. Паненька....

АДЕМАРЪ. Какъ, опять вмѣстѣ?... (*въ сторону*). Боже мой! какъ ломитъ голову!...

БЛОКЕ. Адемаръ! (*въ сторону*). У меня все въ глазахъ этотъ

глупый мальчишка Альфредъ! (*вслухъ*). Я говорю, что мнѣ чрезвычайно пріятно видѣть васъ вмѣстѣ!... Большая часть моихъ родственниковъ собрались уже и ждутъ насъ въ залѣ... Нотаріусъ и контрактъ ждутъ также... Дайте же руку, милый другъ, вашей будущей женѣ и позвольте мнѣ представить васъ будущимъ вашимъ роднымъ... (*Замѣтивъ, что Адемаръ предлагаетъ Адели руку безъ перчатки*). Надѣньте, пожалуйста, перчатки....

АДЕМАРЪ. Виноватъ.... а я только что купилъ превосходную пару перчатокъ... (*Ищетъ въ карманъ перчатокъ*).

АДЕЛЬ, (*смотрясь въ зеркало*). Какая досада, что я не въ новомъ платьѣ!

АДЕМАРЪ, (*вынимая изъ кармана свернутую бумагу*). А вамъ такъ къ лицу розовый цвѣтъ... (*Блоке*) Вотъ онъ, еще въ бумагѣ. Сію минуту!... (*съ удивленіемъ, взглянувъ на то, что завернуто въ бумагу*). Что я вижу!

БЛОКЕ. Разверните скорѣе и надѣвайте... Адемаръ (*развертывая бумагу*).

БЛОКЕ, (*смотря*). Что это? блинъ!

АДЕМАРЪ, (*пряча за спину блинъ, тихо*). Не хотите-ли?... кушайте, пожалуйста!

БЛОКЕ, (*тихо Адемару*). Я терпѣть немогу блинцовъ.

АДЕЛЬ. Что вы говорите?

АДЕМАРЪ. Нѣтъ-съ, ничего... (*тихо Блоке*). Спрячте!

БЛОКЕ, (*про себя*). Что онъ хочетъ, чтобъ я съ нимъ дѣлалъ?

АДЕМАРЪ, (*Адели*). Позвольте же вашу руку...

АДЕЛАНДА, (*за кулисами*). Вы говорите, она въ будуарѣ?.... на лѣво?.... Покорнѣйше благодарю.

АДЕМАРЪ, (*въ сторону*). Боже мой! Этотъ голосъ....

АДЕЛЬ, (*Адемару*). Извините, на минуту.... кажется, принесли мнѣ вуаль....

АДЕМАРЪ, (*про себя съ ужасомъ*). Ланда!... я пропалъ!...

Я В Л Е Н І Е Х V I .

БЛОКЕ. АДЕЛЬ. АДЕМАРЪ. АДЕЛАИДА.

Адемаръ подоидя къ фортепяно, стоить спиной къ Аделаидѣ и во все продолженіе слѣдующей сцены, старается быть незамѣтнымъ.

АДЕЛАИДА, (Входя съ картинкой). Имѣю честь кланяться!...

БЛОКЕ, (Адели). Это твоя швея?... Она недурна!... (Адемару) Посмотрите, мой другъ, право, она очень недурна!... (Увидя, что Адемаръ крадется къ двери на террасу). Куда вы? куда?...

АДЕМАРЪ. Я хогѣлъ погулять.... немножко побить на воздухѣ....

АДЕЛЬ, (Аделаидѣ). Вы принесли мою вуаль?

АДЕЛАИДА. Я увѣрена, что вы останетесь довольны.

БЛОКЕ, (Адемару). Пойдемте, посмотримте... (Таже игра Адемара).

АДЕЛЬ, (разсматривая вуаль). Очень мило вышита... взгляните, хорошо ли, г. Ад... (Адемаръ роняетъ стулъ и хочетъ уйти въ залу).

БЛОКЕ. Осторожнѣе, пожалуста... вы испортите мой полъ...

АДЕЛЬ. Да подите сюда...

АДЕМАРЪ, (въ сторону). Нѣтъ никакого способа улизнуть.... Какъ бы измѣнить свою физиогномію... а лорнетъ!... (вставляеть въ глазъ лорнетъ). Но этого мало!... Она такъ узнаеть.... Безподобно! Пробку!... (Вынимаетъ изъ флакона пробку и кладетъ ее за щеку).

АДЕЛАИДА, (въ сторону). Какой чудакъ этотъ женихъ!

БЛОКЕ, (подходя къ Адемару). Да что вы, привязаны что-ли тамъ?

АДЕМАРЪ, (съ надутой щекой и закрывая ротъ платкомъ, старается говорить другимъ голосомъ). Помилуйте, я съ удовольствіемъ.... (въ сторону). Прекрасно!... Пробка измѣнила совершенно мой голосъ....

БЛОКЕ, (смотря на него). Боже мой! что съ вами?

АДЕМАРЪ. Не беспокойтесь.... почти ничего.... маленькой флюсъ!... Я ужасно подверженъ флюсамъ.... Чуть дунетъ вѣтеръ и бѣда!...

АДЕЛЬ, (въ сторону). Какой онъ смѣшной съ флюсомъ....

(вслухъ, показывая Адемару вуаль). Посмотрите, какъ вамъ нравится моя вуаль?...

АДЕМАРЪ. Я не знатокъ въ вышиваньи...

АДЕЛАИДА. Однакожъ, все таки вы можете (взянувъ на Адемара). Ахъ!...

БЛОКЕ. Что вы такъ вскрикнули?... что съ вами?

АДЕМАРЪ. Ихъ, вѣрно, испугалъ мой флюсъ!... у меня всегда ужасно скоро надувается щека... я долженъ походить на какого нибудь урода... (въ сторону). Надо предупредить ее!...

АДЕЛАИДА, (въ сторону). Это онъ!

БЛОКЕ, (смотря на Адемара). Да... у васъ флюсъ въ лѣвой щекѣ...

АДЕЛЬ, (Аделаидѣ). Положите, пожалуйста, вуаль на фортевяно и дайте мнѣ счетъ...

АДЕЛАИДА, (забывшись). Здѣсь!... нѣтъ, это невозможно!

БЛОКЕ. Отъ чегоже-невозможно?... вѣдь надобно же знать фну...

АДЕЛАИДА. Что-жъ вамъ угодно отъ меня?

БЛОКЕ. Моя дочь спрашиваетъ у васъ счетъ...

АДЕЛАИДА. Виновата! вотъ онъ!

(Аделаида неспускаетъ глазъ съ Адемара; онъ стоитъ, оборотясь къ ней спиною у фортевяно).

БЛОКЕ. Дайте... (взявъ счетъ, Адемару). Черезъ недѣлю будетъ ужъ ваше дѣло расчитываться по такимъ записочкамъ.

АДЕЛАИДА, (подойдя къ Адемару и стараясь его разглядѣть). Такъ у васъ очень часто бываетъ флюсъ!

АДЕМАРЪ, (поспѣшно оборачиваясь). Очень часто! (въ сторону). Ахъ, Боже мой! я забылъ подложить за щеку пробку!

(кладетъ пробку за правую щеку, не замѣчая своей ошибки).

АДЕЛАИДА, (въ сторону). Что это? Флюсъ у него перешелъ въ другую щеку... Нѣтъ болѣе сомнѣнiя, это онъ! Я его уличу; какъ бы мнѣ только сдѣлать замѣтку... (вертится около Адемара, который все оборачивается къ ней спиною).

АДЕМАРЪ, (въ сторону). Какъ она вертится около меня!...

АДЕЛАИДА, (въ сторону). А!шла!... прекрасно!

БЛОКЕ. 95 франковъ за вуаль!... ужасная цѣна!.. А дѣлать нечего, надобно расплатиться!... Адель, вотъ ключъ отъ моего бюро... возьми деньги и заплати...

(Адемаръ садится въ глубинѣ театра на стулъ, спиною къ Аделаидѣ, которая украдкой вынимаетъ изъ кармана пожитицы и отрѣзываетъ у него фалду отъ фрака).

АДЕЛЬ. Сю минуту. (тихо Блоке). Удивляюсь, что сдѣлалось съ Адемаромъ!... онъ сегодня необыкновенно страненъ!

(Адемаръ подходитъ къ аванс-сценѣ, показывая видѣ, что у него ужасная боль въ щекѣ).

БЛОКЕ. (тихо). Ничего нѣтъ страннаго!... Развѣ ты не видишь, какъ онъ, бѣдняжка, страдаетъ? эта боль врядъ ли кому доставитъ удовольствіе!... Не знаю, какъ я представлю роднымъ будущаго моего зятя съ такимъ флюсомъ!

АДЕЛЬ, (Аделаидѣ). Пойдемте со мною...

АДЕЛАИДА, (спрятавъ фалду въ карманъ, въ сторону). Теперь явись только ко мнѣ, я тотчасъ тебя уличу!...

(уходитъ съ Аделью въ залъ).

Я В Л Е Н І Е. XVII.

БЛОКЕ, АДЕМАРЪ.

АДЕМАРЪ, (въ сторону). Ушла!... слава Богу!... (вынимаетъ трубку) Надобно бѣжать за нею.... предупредить ее... (беретъ шляпу и хочетъ идти).

БЛОКЕ. Куда вы?

АДЕМАРЪ. Къ дантисту!... я возвращусь вечеромъ!

БЛОКЕ. Какъ вечеромъ?... а нотариусъ?

АДЕМАРЪ, (въ сторону). А Лауда?...

БЛОКЕ. А контрактъ?

АДЕМАРЪ, (въ сторону). А Лауда?... (въ слухъ). Сдѣлаемъ все завтра утромъ.

БЛОКЕ. Боже мой! вы вѣрно попали на вора!

АДЕМАРЪ. Какъ на вора?

БЛОКЕ. У васъ нѣтъ одной фалды!.

АДЕМАРЪ, (въ сторону). Вотъ тебѣ разъ!... вѣрно я оборвалъ ее обо что нибудь, когда съѣзжалъ давича по прокамъ отъ Лауды!

БЛОКЕ. Этакая досада! вѣдь вамъ неприлично показаться въ

такомъ видѣ предъ моими родственниками... даже не ловко пройти черезъ залъ!

АДЕМАРЪ. Мнѣ все равно!

БЛОКЕ. Какъ все равно! помилуйте! это рѣшительно невозможно!

АДЕМАРЪ. Пустите меня... или я перескачу черезъ васъ какъ баранъ.

БЛОКЕ. Остановитесь!... подождите, я принесу вамъ другой фракъ, у меня есть новенькой фракъ... онъ вамъ будетъ въ пору... я сію минуту возвращусь! (*уходитъ въ залъ*).

Я В Л Е Н І Е XVIII.

АДЕМАРЪ, (*одичъ*).

Возвращайся! ты ужъ не найдешь меня здѣсь!... Если я не явлюсь къ Лаидѣ, прежде Лавды, я буду разоблаченъ!... (*остановясь*). О, несчастіе!... у меня отрѣзали лъвую фалду... а тамъ, въ карманѣ, былъ ключъ отъ комнаты Лаиды... я взялъ его у привратника!... Какъ я теперь попаду къ ней?... какая мысль! давеча, съ бельведера, я замѣтилъ окно изъ комнаты Лаиды... стоитъ только взобраться на крышу террасы и я тамъ!... по этой дорогѣ я выигрываю перель Лаидой по крайнѣй мѣрѣ, сто двадцать три шага!... впередъ! впередъ! (*убльгаетъ въ дверь, ведущую на террасу*).

Я В Л Е Н І Е XIX.

АДЕЛАИДА, (*одна, входитъ въ свою комнату и замыкая дверь, бросаетъ съ досадою на стулъ фалду Адемара*).

Я обманута! жестоко обманута!.. Доказательство его гнуснаго поступка я нашла въ карманѣ этой фалды... (*показывая билетъ*). Вотъ оно!.. Вотъ этотъ ужасный билетъ!.. (*читаетъ*)

«Г. Блоке, бывший каменныхъ дѣлъ мастеръ, имѣетъ честь извѣстить о помолвкѣ дочери своей, дѣвицы Адель Блоке, съ г. Адемаромъ Буларъ»... *(съ досадою)*. Это былъ онъ!.. Теперь нѣтъ никакого сомнѣнія!.. Онъ нарочно вставилъ въ глазъ лорнетъ и положилъ что-то за щеку, чтобъ я его не узнала... но теперь все ясно... И онъ воображаетъ, что это пройдетъ ему такъ, даромъ!.. Нѣтъ, злодѣй, измѣнникъ! нѣтъ, чудовище, крокодилъ! ты дорого со мной расплатишься!.. Ты обѣщала на мнѣ жениться... мнѣ первой отдала во владѣнiе твое сердце... и я одна, безъ раздѣла; хочу и должна располагать твоей судьбой!

Мнѣнiе мое начинается!... Постои же, измѣнникъ, я сама отправлю сейчасъ билетъ къ этому каменщику Блоке... я сочивню не хуже его... вотъ что я напишу: дѣвица Аделаида Лонтериве, дѣйствительная швея, имѣетъ честь извѣстить о помолвкѣ своей съ тѣмъ же г. Адемаромъ Буларъ, который... о, я отлично сочивню... *(бѣгая по комнатѣ)*. Гдѣ у меня чернильница?.. Гдѣ бумага... перья?.. Ахъ, они тамъ, въ спальнѣ, на комодѣ...

(Уходитъ въ боковую комнату).

Я В Л Е Н I Е XX.

А Д Е М А Р Ъ, *(одинъ)*.

(Слышитъ стукъ свалившихся камней; потомъ въ окно видна падающая за сценою шляпа).

АДЕМАРЪ, *(показываясь въ окно)*. Прекрасно!.. Шляпа моя свалилась на дворъ!.. Теперь нельзя будетъ показаться на улицу... засмѣютъ!.. *(Съ осторожностью становится на подоконникъ и вскакиваетъ въ комнату, держа въ рукахъ горшокъ съ деревомъ, совершенно сухимъ, безъ цвѣтковъ и листьевъ. Охлаживаясь кругомъ)*. Ни одной души!.. вѣрно, Лаида еще не возвратилась... слава Богу!.. Смѣлѣй, Адемаръ! будь твердъ, какъ камень! право вовсе не такъ тяжело объясниться съ Лаидой, какъ ты воображаешь... всего какія-нибудь три слова... конечно! толь-

ко увижу ее, скажу безъ церемоніи... только четыре слова: «Лаида! мы должны разстаться.»

Я В Л Е Н І Е ХХІ.

АДЕМАРЪ, АДЕЛАИДА, (*выходитъ изъ боковой комнаты съ запиской*).

АДЕМАРЪ, (*увидя ея, съ удивленіемъ*). Лаида!

АДЕЛАИДА, (*такъ же*). Адемаръ!

АДЕМАРЪ, (*съ любезностью*). Да, моя прелѣсть! да, это я!.. (*въ сторону*). Сію же минуту скажу ей мои четыре слова!

АДЕЛАИДА. Какимъ образомъ попали вы сюда?

АДЕМАРЪ, (*притворяясь, будто ее не слышитъ*). Что ты говоришь?

АДЕЛАИДА. Я спрашиваю, какъ вы сюда попали?

АДЕМАРЪ, (*весело*). Черезъ дверь, мой дружокъ... вошелъ черезъ дверь.

АДЕЛАИДА. Съ чѣмъ?

АДЕМАРЪ, (*съ увѣренностію показываялъ карманъ*). Вотъ съ этимъ... и съ ключемъ, который ты отдала мнѣ вмѣстѣ съ твоимъ сердцемъ...

АДЕЛАИДА, (*съ крикомъ*). Вздоръ!.. Я ужъ взяла у васъ и то, и другое назадъ!

АДЕМАРЪ, (*съ удивленіемъ*). Какъ взяла!

АДЕЛАИДА, (*схвативъ со стула фалду и показывая ему передъ носомъ*). Узнаете ли вы это?

АДЕМАРЪ. Боже мой! моя фалда!.. Какъ Лаида! такъ это вы позволили себѣ коснуться своими ножницами моего фрака?..

АДЕЛАИДА, (*врозь ему ножницами*). И ты еще смѣешь претендовать!.. Измѣнникъ! злодѣй!

АДЕМАРЪ, (*въ сторону*). Вотъ настоящая минута сказать ей мои четыре слова!

АДЕЛАИДА. Говори: обѣщалъ ли ты на мнѣ жениться?.. да, или нѣтъ?

АДЕМАРЪ. Да!.. и обѣщалъ даже угостить тебя въ день свадьбы сладкой личницей!

АДЕЛАИДА. Оставайся же ты съ своей яичницей!... (*показывая записку*). А у меня остается мщеніе!

АДЕМАРЪ, (*съ безпокойствомъ*). Какъ! мщеніе въ этой бумажкѣ!.. (*увидя, что Аделаида подбѣжала къ окну*). Несчастная! неужели ты хочешь броситься въ окно?

АДЕЛАИДА, (*кричитъ въ окно*). Жозефъ, милый Жозефъ! снесите, пожалуйста, эту записку по адресу.

АДЕМАРЪ. А! ты хочешь дать знать о причинѣ твоего самоубійства... я тебѣ запрещаю!

АДЕЛАИДА. Эта записка должна извѣстить о помолвкѣ моей съ тобою!

АДЕМАРЪ. Къ кому же ты хочешь отослать?

АДЕЛАИДА. Къ твоему каменщику Блоке.

АДЕМАРЪ. Къ моему будущему тестю?.. Этому не бывать!... Отдай мнѣ сію же минуту эту записку! (*схватываетъ ее за правую руку*).

АДЕЛАИДА, (*взявъ лъвою рукою изъ правой записку, бросаетъ ее въ окно*). Вотъ она, милый Жозефъ!..

АДЕМАРЪ, (*съ отчаяньемъ*). Бросила!.. (*вскакиваетъ на стулъ и смотритъ въ окно; Аделаида схватываетъ его за оставшуюся фалду и отрываетъ ее*). Оторвала другую фалду!... Я теперь, просто, въ курткѣ!.. (*съ досадой*). Но я, на зло тебѣ, буду смотрѣть въ окно?..

(*Аделаида пробуетъ замкнутую дверь, потомъ вынимаетъ ключъ, прячетъ его въ карманъ*).

Я В Л Е Н І Е ХХІІ.

ТѢЖЕ, АДЕЛЬ, АЛЬФРЕДЪ, (*въ комнатѣ на лъво*).

АЛЬФРЕДЪ. Я уличу сію минуту этого обманщика, Адемара!

АДЕЛЬ, (*осматриваясь кругомъ*). Да его здѣсь нѣтъ!

АДЕМАРЪ, (*все еще смотря въ окно*). Записка на дворѣ!... надо ее перехватить... (*сходитъ со стула*).

АДЕЛАИДА, (*отойдя отъ двери*). Теперь ужъ ты не выйдешь отсюда... развѣ проскочишь въ замочную скважину.

АДЕМАРЪ. Я не выйду?.. отвори мнѣ дверь!

АДЕЛАИДА. Нѣтъ, не отворю!

АЛЬФРЕДЪ, (Адели). Я его видѣлъ въ водевиальномъ театрѣ съ какой-то молоденькой гризеткой.

АДЕЛЬ, (съ радостью). Еслибы это была правда, тогда я имѣла бы причину къ отказу.

АЛЬФРЕДЪ, (съ восторгомъ.) О, Адель!

АДЕМАРЪ. Ланда!

АЛЬФРЕДЪ, (Адели). Я оживаю!

АДЕМАРЪ, (Аделаидѣ). Я убью себя!

(Адемаръ схватываетъ раздуваемые мѣхи и кипосаломъ хочетъ заколоть себя. Аделаида со страхомъ вырываетъ изъ у него изъ рукъ.)

АДЕЛЬ, (Альфреду). Вы обѣщаете жить для меня?

АДЕЛАИДА, (Адемару). Я позволяю вамъ убить себя!

АЛЬФРЕДЪ, (страстно). О, обѣщаю на коленахъ!

АДЕМАРЪ. О, такъ мнѣ поможетъ умереть голова и эта стѣна!

(Колотитъ головой обѣ стѣну, разделяющую комнаты.)

АДЕЛЬ, (Альфреду). Что вы дѣлаете?

АДЕЛАИДА, (Адемару). Что ты дѣлаешь?

АДЕМАРЪ, (внѣ себя). Я добыюсь того, что размозжу себѣ голову!.. Прощай, Ланда! прощай на вѣкъ!

(Не смотря на усиліе Аделаиды оттащить его отъ стѣны, онъ продолжаетъ колотить головою, такъ что обѣ стѣны отсыпается щекатурка и открывается для его головы отверстіе въ другую комнату. Аделаида вскрикиваетъ. Адель и Альфредъ въ изумленіи.)

АДЕМАРЪ, (проставивъ голову въ отверстіе и увидя Альфреда на коленахъ передъ Аделью). Что я вижу!.. извините, пожалуйста! (вынимая голову изъ отверстія.) Сдѣлайте одолженіе, не тревожьтесь!

АЛЬФРЕДЪ и АДЕЛЬ. Адемаръ!

АДЕЛАИДА, (Адемару). Что ты тамъ видѣлъ?

АДЕМАРЪ. Ничего!.. Ланда! удивительная моя Ланда! я же нюсь на тебѣ!

АДЕЛАИДА, (прыгая отъ радости). Неужели!.. и ты не лжешь?

АДЕМАРЪ, (бросаясь передъ нею на колена). Клянусь предъ всѣми свидѣтелями!

Я В Л Е Н І Е ХХІІІ.

ТѢЖЕ, г. БЛОКЕ.

БЛОКЕ, (*входя въ комнату нальво и принявъ Альфреда за Адемара, подаетъ ему широкій старый мундиръ.*) Вотъ вамъ! наденъте скорѣе!.. (*узнавъ Альфреда.*) О, ужасъ опять этотъ Крето.

АДЕЛЬ. Ахъ, папенька! Альфредъ мнѣ сказалъ...

АЛЬФРЕДЪ, (*увидѣвъ чрезъ отверстіе Адемара на коленахъ, подводитъ къ нему г. Блоке.*) Взгляните!..

БЛОКЕ. Что я вижу!.. Кто это осмѣлился выломать у меня стѣну?.. (*Просовывая голову въ отверстіе.*) Боже мой!.. извините, пожалуйста не тревожьтесь!

АДЕМАРЪ. А! любезный сосѣдъ! здравствуйте! здоровы ли вы?.. (*вставая, въ отверстіе Альфреду.*) А что ваше здоровье, г. Альфредъ, послѣ того, какъ вы стояли здѣсь на коленахъ передъ бывшей моей невѣстой?

БЛОКЕ. Что я слышу!.. какое посрамленіе для моей дочери!

АЛЬФРЕДЪ, (*упрашивая его.*) Г. Блоке!

АДЕЛЬ, (*тоже.*) Папенька!..

БЛОКЕ. Виновные дѣти!.. (*Альфреду.*) Ну, хорошо, такъ и быть... напишите только на этотъ случай романсъ и посвятите мнѣ!

АЛЬФРЕДЪ, (*въ радости, протливая черезъ отверстіе руки Адемару, который нѣсколько удаленъ отъ стѣны.*) Ахъ, это вамъ я обязанъ...

АДЕМАРЪ. Сей часъ готовъ къ вашимъ услугамъ... дайте только сдѣлать поудобнѣе сообщеніе... (*увеличиваетъ отвѣрстіе, колотя по стѣнѣ кулаками и ногами.*) Нечего сказать! славно строенъ домъ! прочно!

БЛОКЕ, (*съ досадою.*) Однакожъ, осторожнѣе колотите, г. Буларъ.

АДЕМАРЪ, (*входя съ Аделаидой въ комнату Блоке.*) Вотъ что значить скупость — то на матеріалъ .. Да ступай сюда Лаида... вы хотѣли представить меня, какъ зятя, вашимъ роднымъ... теперь вы представите имъ другаго зятя... и я безъ сожалѣнія уступаю ему этотъ прочный домъ... и такъ, извольте отправляться въ свой залъ, а мы съ Лаидой отправимся къ Меру...

АДЕЛАИДА. А у меня нѣтъ новой шляпки!.. Ахъ, здѣсь Луиза оставила шляпку... я надѣну ее...

АДЕМАРЪ. Возьми, надѣнь... она тамъ, въ водочистительной машинѣ.

АДЕЛАИДА. Какимъ образомъ она туда попала?

АДЕМАРЪ. Ужъ это мое дѣло... за то, посмотри, какъ она, я думаю, теперь чиста и нова.

№ 7.

В О Д Е В И Л Ъ.

АДЕМАРЪ.

Какъ на себя посмотришь строго,
Куда какъ нынче я шалилъ!

АДЕЛАИДА.

И я шалила очень много...

АДЕМАРЪ.

Ужъ все не такъ, какъ я кутилъ!
Зачѣмъ вивить тебя напрасно,
Во всемъ виню я тутъ себя
И ждать суда мнѣ что-то страшно...

АДЕЛАИДА.

Дай, попрошу я за тебя!

къ публикѣ.

Мы нынче васъ занять старались:
Онъ только одного хотѣлъ,
Чтобъ вы надъ шуткой посмѣялись
И счастливы — если въ томъ успѣли!
Такъ съ снисхожденіемъ рѣшите
Судьбу двойныхъ его проказъ,
А онъ всегда, когда хотите,
Вдвойнѣ готовъ служить для васъ!

К о н е ц ъ.

ВСЯ БѢДА, ЧТО ПЛОХО ОБЪЯСНИЛИСЬ.

КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ

СОЧ. СКРИВА,

Переводъ съ французскаго,

С. СОЛОВЬЕВА.

—
ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Боплавъ.

Блюмъ, его прикащикъ.

Баронъ де Торси.

Луиза, дочь Боплана.

Слуга.

Дѣйствіе въ Марсели.

Театръ представляетъ рабочую комнату Боплана; богатая мебель, на лѣво бюро; на право столъ, на которомъ лежатъ множество бумагъ, счетныхъ книгъ, портфели; въ срединѣ — главный входъ; на лѣво дверь въ комнату Луизы.

ЯВЛЕНІЕ I.

БОПЛАНЪ, (стоитъ, опершись на конторку) Блюмъ (сидитъ за столомъ,)

БОПЛАНЪ, (переставая читать письмо.) Ну, это конечно! — Нычче прїѣдетъ сюда изъ Парижа мой будущій прикащикъ... Не знаю каковъ то будетъ на лѣвъ, а рекомендуютъ его очень хорошо... Меркурій вынѣшвій—же день снимается съ якоря, такъ онъ на чемъ и отправится! — прекрасно!.. Блюмъ! ты написалъ ему довѣренность?

Блюмъ. Написалъ.

БОПЛАНЪ. Хорошо. Теперь оставь свои бумаги, мнѣ нужно съ тобой поговорить о важномъ дѣлѣ... дѣло идетъ обо-мнѣ и моей дочери, она меня ужасно беспокоитъ и печалитъ.

Блюмъ. Ахъ Господи, да отчего-же такъ?

БОПЛАНЪ. Ты знаешь, какъ мнѣ хочется пристроить ее къ мѣсту и обезпечить ее будущность; вѣдь у меня только и дѣтей, что она одна... миллионы, скопленные мною — это все ея; вотъ ужъ 15 лѣтъ я вдовѣю и именно для нея только не женился... Иногда и приходила такая мысль, хорошо-бы зажить семьяниномъ, сядешь за столъ, около тебя жена, вокругъ малютки... но сей-часъ-же бывало и скажешь: за чѣмъ мнѣ жениться? — Вотъ Богъ дастъ отдамъ за-мужъ дочь, ея дѣти будутъ моими дѣтьми и даже, можетъ быть, я ихъ стану любить

больше своихъ, вѣдь она за это не разсердится, а еще сама больше полюбитъ старика отца.

Блюмъ. Ахъ, г. Бопланъ, какой вы добрый отецъ!
 Бопланъ. Да; и вотъ ужъ 15 лѣтъ это продолжается. Теперь она невѣста, кажется, мое желаніе должно-бы исполниться, такъ вотъ нѣтъ, сударь, не тутъ-то было, просто она хочетъ меня уморить съ печали... видишь-ты: рѣшительно не выхолить замужъ... А почему? — вотъ вопросъ... (*съ довѣренностью*). Потому, что она въ кого нибудь влюблена!.. Да! страсть глубокая, таинственная... Но она не знаю почему упрямится называть его.... Кажется, я ужъ ей нѣсколько разъ говорилъ, что она совершенно свободна, что я заранѣе одобряю ея выборъ... Нѣтъ, не признается... Я ужъ пробовалъ давать балы, концерты, приглашалъ къ себѣ весь Марсель, въ надеждѣ, что въ такомъ многоядствіи они положатся на мою безопасность и какъ нибудь себѣ измѣнятъ... что мнѣ удастся поймать взоръ, улыбку или что нибудь такое... ничего! Я рѣшительно ничего не узналъ, а романъ все еще продолжается... съ тою только разницею, что роли ваши перемѣнились, обыкновенно всегда отецъ выдумываетъ препятствія, разлучаетъ, выгоняетъ любовника и запираетъ всѣ двери... а я, напротивъ, открываю ихъ настежь. Покорнѣйше прошу, чтобъ пришли, протягиваю руку и никто неидетъ.

Блюмъ. Да, это очень странно!

Бопланъ. И тѣмъ больше это меня тревожитъ, что вѣдь и она-то страдаетъ; даромъ что всегда весела, всегда смѣется, а я часто примѣчалъ и слезку и вздохъ... ее также что-то очень беспокоитъ... Бѣдное дитя!.. Подумай самъ, Блюмъ, каково ей теперь!.. Матери она и не помнитъ, сестры не имѣетъ... съ кѣмъ теперь она подѣлится чувствами, посоветуется... Можетъ быть, она влюбилась да и сама непонимаетъ, что дѣлается съ ея сердцемъ... Но что-же она мнѣ-то ничего не скажетъ?.. Или можетъ быть, онъ какой нибудь важный человекъ и Луиза страшится невозможности этого союза? — Такъ ошибается она, глупав! — Я могу отдать ее за принца, если она захочетъ.

Блюмъ, (*удивленный*). За принца?!

Бопланъ. Да, да, за принца! Пожалуйста не спорь со мною, Блюмъ!.. повѣрь, что для меня нѣтъ такой жертвы, которую бы я не

привесть для моей дочери. Я вѣдь не изъ такихъ отцовъ, которые въ любви дѣтей видать что-то страшное и опасное... Нѣтъ, я только-что взлумаю, что есть на свѣтъ человѣкъ, котораго любовь необходима для счастья моей Лувзы, то ужъ считаю его другомъ, люблю, какъ роднаго сына!.. Знаю, что смѣшно любить человѣка, котораго еще ни разу не видалъ... но онъ мнѣ милъ потому, что его любить моя дочь... а она какого нибудь не полюбитъ, это вѣрно человѣкъ замѣчательный, умный и изъ хорошей фамилиі... а все таки я его не видалъ и не знаю, кто онъ!.. Это ужасно для отца!.. Ахъ Блюмъ!.. Если-бъ ты зналъ, какъ я желаю его видѣть... Иногда мое нетерпѣніе доходило до такой глупости, что... ну, да тебѣ-то сказать можно... на балахъ, которые я давалъ... бывало только замѣчу, что молодой человѣкъ къ ней подошелъ и она заговорила съ нимъ ласковѣе обыкновеннаго, то въ ту-же минуту почувствую къ нему что-то родительское, мнѣ хочется его ободрить... подать надежду... Онъ мнѣ кажется и красивѣе всѣхъ, и умнѣе... ну просто сказать, я съ трудомъ удерживался, чтобъ не броситься къ нему на шею и не закричать: вы ли это, милостивый государь?..

блюмъ. Ахъ, г. Бопланъ, вѣдь это было-бы очень дурно!..

бопланъ. Ахъ, Блюмъ, какой ты, право, странный!.. Говорю тебѣ, что это дѣлается противъ моей воли!.. развѣ я незнаю, что это неблагоуразумно и даже глупо!.. Но что-жъ дѣлать-то?.. А теперь ужъ я потерялъ и послѣднее терпѣніе... Я готовъ надѣлать тысячу глупостей, готовъ сойти съ-ума... Вѣдь дѣло идетъ о той, которая дороже для меня цѣлаго свѣта... милѣе жизни, какъ-же ты хочешь, чтобъ я былъ разсудителенъ. И рѣшительно скажу тебѣ, я не могу долѣе оставаться въ этой мучительной неясности и, чтобы узнать истину, обращаюсь къ тебѣ...

блюмъ. Ко-мнѣ?!..

бопланъ. Да, Блюмъ, я буду просить тебя поговорить объ этомъ съ Лувзой.

блюмъ. Говорить съ Лувзой!..

бопланъ. Во всякомъ другомъ случаѣ я бы тебя никакъ не сталъ беспокоить и вводить въ затрудненіе... я знаю твою застенчивость, твой тихій, миролюбивый характеръ... но безъ твоей помощи, я ничего не узнаю... а ты, если захочешь, все узнаешь, она съ первыхъ словъ все тебѣ расскажетъ.

блюмъ. Знаете что, г. Бопланъ, мнѣ, ей, ей, что-то не хочется вмѣшиваться въ это дѣло.

Бопланъ. Ты отказываешься?

блюмъ. Нѣтъ, не то, что отказываюсь, — а вотъ видятъ, я боюсь, что не сдѣлаю того, чего вы отъ меня ожидаете.

Бопланъ. А почему? — полно! что ты!.. Луиза такъ тебя любитъ... Вотъ ужъ 15 лѣтъ ты съ ней ни разу не разлучался... Прежде она всегда звала тебя своимъ добрымъ другомъ и была откровенна до самыхъ бездѣлицъ?..

блюмъ. Да, прежде!.. ваша правда — прежде все это было... Но теперь — очень многое перемѣнилось!..

Бопланъ. Какъ!.. неужели?.. И эта привязанность съ самаго дѣтства?..

блюмъ. Кажется, я ее навсегда потерялъ!

Бопланъ. Да за что-же это?.. Что-жъ ты такое сдѣлалъ?

блюмъ. Ничего! — Вотъ это-то и странно, что я рѣшительно ничего непріятнаго ей не сдѣлалъ... не могу придумать, что это значить.

Бопланъ. Однакожъ ты долженъ помнить, какъ и съ котораго времени она къ тебѣ перемѣнилась?..

блюмъ. А вотъ извольте, я вамъ все расскажу: — когда я опредѣлился къ вамъ, тому 15 лѣтъ, Луиза была еще вотъ такая крошка... я ее чрезвычайно полюбилъ... Она была такая хорошенькая, умненькая... бывало, если прибѣжить ко мнѣ въ контору, а я еще пишу; то мнѣ стоило только сказать: поди, душенька, повграй одна, а у меня есть работа, — и она тотчасъ уходила; гуляли мы съ ней всегда вмѣстѣ: и она рассказывала мнѣ всѣ свои маленькіе секреты — ужъ ничего отъ меня не скроетъ... ссоръ у насъ никогда не было, а если и случались, такъ на одну минуту, бывало, она подбѣжить ко мнѣ... скажетъ: помиримся, я нагнусь — поцѣлуетъ и все кончено. И чтожъ?.. проходить такъ нѣсколько лѣтъ... въ одинъ прекрасный день, по обыкновенію, пошли мы гулять на морской берегъ, я былъ ласковъ съ ней, какъ никогда, вдругъ она отъ меня отвернулась, взяла на себя какой-то принужденный видъ и въ первый разъ въ жизни назвала меня г. Блюмъ!.. А что я ей такое сдѣлалъ, за что она меня такъ обидѣла!.. Этотъ г. Блюмъ вотъ такъ и прокололъ меня насквозь!.. Изъ этого легко можно видѣть какова теперь ея привязанность.

бопланъ. Э, какая идея пришла тебѣ въ голову.. да дѣвушки очень часто безъ всякой посторонней причины стараются немножко поважничать, посерьозничать, ужъ это извѣстно!..

блюмъ. Прежде я и самъ тоже думалъ: видно, говорю, она хочетъ, чтобы съ ней обходились, какъ съ большой... ничего не бывало! — Я еще не успѣлъ привыкнуть къ ея новому обращенію, какъ она опять перемѣнилась. Теперь, какъ только я сижу за работою, и она сей-часъ явится... начнетъ говорить, сбивать меня, переверочаетъ всѣ бумаги, ну, такъ, что я принужденъ бываю разъ двадцать переписывать одно и тоже.

бопланъ. Эхъ, Блюмъ, ты ужъ слишкомъ строгъ... это просто дѣтская рѣзвость.

блюмъ. Какой—дѣтская рѣзвость, да вотъ ужъ два года, какъ это продолжается.

бопланъ. Два года!

блюмъ. Да, — и съ каждымъ днемъ все хуже и хуже; теперь мнѣ ужъ нельзя сдѣлать шагу, что-бы она не сдѣлала за мною, какъ тѣнь... безпрестанно спорится, капризничаетъ за каждое слово... да вотъ не далеко искать примѣра... вчера, на балѣ, пришла-же ей фантазія просить меня протанцовать съ ней первую кадрыль.

бопланъ. Тебя?..

блюмъ. Да, меня! — Тогда, какъ я не имѣю понятія о танцахъ, да при гостяхъ мнѣ ступить совѣстно, не только-что танцовать... А ей что за дѣло, пусть другой хоть умретъ со стыда. Ну, разумеется я ее не послушался и сижу себѣ въ углу... что-жъ вы думаете — она сама подходитъ ко-мнѣ, низко присядаетъ и во всеуслышаніе просить меня танцовать.

бопланъ. Ай! ай! ай! Бѣдный малой!... что-же ты сдѣлалъ? отказался?

блюмъ. Отказаться было невозможно... всѣ на меня оглянулись... дѣлать нечего, надо было вести ее на мѣсто. Тутъ я ей потвховьку и сказалъ: что-бы ни случилось, вы одни будете за все отвѣчать. Въ самомъ дѣлѣ, при первомъ ударѣ смычка я и пошелъ себѣ, — всѣхъ толкаю, скачу самъ не знаю куда, кадрыль всю перепуталъ, а назадъ вернуться совѣстно. Слышу, что со всѣхъ сторонъ жужжать, какъ шмели: — посмотрите, посмотрите, не знаетъ фигуръ, танцовать не умѣетъ... да это просто мѣшокъ!.. откуда такого выписали! . Однимъ словомъ, ви-

кто не могъ танцовать и музыка умолкла... я совершенно потерялся, — хочу выдти и не могу найдти дверей, а едва, едва могъ уйти изъ залы среди всеобщаго хохота... (*Бопланъ хохочетъ*) Ну, ну, вотъ и вы также, какъ другіе!..

БОПЛАНЪ. Нѣтъ, нѣтъ, Блюмъ... я виноватъ, да и Луиза также...

БОПЛАНЪ. Эти выходки съ ея стороны оттого больше меня огорчаютъ, что я былъ такъ къ ней привязанъ!

БОПЛАНЪ, (*наблюдая за нимъ*) А!..

БЛЮМЪ. Да, г. Бопланъ, часто этакъ бывало раздумашься о ея будущности и такъ станеть грустно, что вотъ бы на свѣтъ не глядѣлъ... придеть, думаешь себя, какой нибудь незнакомый челоувѣкъ и увезеть ее отъ насъ... Столько бываетъ неудачныхъ браковъ... бѣдная жена таетъ, какъ воскъ!..

БОПЛАНЪ, (*также*). Да, да!.. Блюмъ... права!..

БЛЮМЪ. Ну, а теперь, ужъ я не за нее боюсь, а за ея мужа.— Взять жену съ подобнымъ характеромъ — бѣда, лучше умереть... ну, что его будетъ за жизнь? просто мученье.

БОПЛАНЪ. Блюмъ! Блюмъ!..

БЛЮМЪ. Да, оно конечно, мнѣ-бы не годилось говорить этого вамъ въ глаза... это до меня не касается... но мнѣ хотѣлось только вамъ объяснить... Теперь вы сами видите, что я отказываюсь не изъ каприза, а просто не могу...

БОПЛАНЪ. Да, да, твоя права, Блюмъ... Мнѣ надо найти другое средство... точно въ твоихъ съ нею отношеніяхъ нельзя этого сдѣлать...

БЛЮМЪ. Такъ мнѣ можно и за работу приняться?

БОПЛАНЪ. Можно... дѣло нужное... (*Блюмъ садится къ столу; Бопланъ подходитъ на аван-сцену.*) А здѣсь что — то не даромъ!.. (*Смотря на Блюма.*) Онъ пятнадцать лѣтъ съ нею не разлучался... чтожъ мудренаго!.. Люди такого разбора очень скромны и молчаливы... А въ самомъ дѣлѣ, если взглянуть въ него, то въ его чертахъ есть что-то такое... страстное... даже въ глазахъ видна любовь... Не понимаю, какъ я прежде этого незамѣтилъ... впрочемъ это хорошо... я стану наблюдать за нимъ... А Луиза?.. прежде она, бывало, по цѣлымъ часамъ проводила за туалетомъ, теперь-же не сидитъ за нимъ и минуты... Прежде охотно танцевала со всеми кавалерами, а теперь больше отказывается, или приглашаетъ... да, да!.. Здѣсь что ни-

будь да есть!.. Теперь я ничего не долженъ пропускать безъ вниманія... часто изъ малыхъ причинъ можно вывести большія сльзствія... Съ этой-же минуты стану наблюдать!..

ЯВЛЕНІЕ II.

Бопланъ, Луиза, Блюмъ, (*сидитъ.*)

ЛУИЗА, (*полумотворяя дверь, съ письмомъ въ рукахъ.*) Можно войти?—

БОПЛАНЪ. Безъ сомнѣнія.

ЛУИЗА, (*обнимая и цѣлуя Боплана.*) Ахъ, папа, что это за прелестная картина корабль въ минуту отъезда!.. На палубѣ шумъ, суетня, на канатахъ висятъ цвѣты и ленты... онъ вышелъ изъ пристани и броситъ якорь на рейдъ... съ балкона мы увидимъ, какъ онъ поплыветъ на всѣхъ парусахъ.

БОПЛАНЪ. Эти зрѣлища бываютъ здѣсь почти каждый день, и все что-то плохо тебя развлекаютъ. Что это у тебя такое?

ЛУИЗА. Ахъ!.. Какая разсыянная, ужъ забыла!.. Это относительно того прикащика, котораго ты нынѣшній день ждешь изъ Парижа, чтобы нынче-же отправить его на Меркуріи въ Калькутту.—Ты помнишь, папа, г-жу Симьявъ, ну вотъ, что жила въ Сен-Жерменскомъ предместьи, къ которой еще тетушка прошлую зиму возила меня на балъ?.. Это отъ нея, она чрезвычайно его рекомендуетъ.

БОПЛАНЪ. А! и она имъ интересуется?..

ЛУИЗА. Я думаю! вѣдь онъ ей дядя.

БОПЛАНЪ. Ея дядя?.. Какъ, тотъ человекъ, который влетъ ко мнѣ въ прикащики, ея дядя?..

ЛУИЗА. Ну, да—Баронъ де Торси... На, посмотри самъ. (*Отдаетъ ему письмо.*)

БОПЛАНЪ. Баронъ и влетъ въ прикащики!.. Что-то странно!

ЛУИЗА. Да что-жъ такое?—Г-жа Симьявъ пишетъ, что его принудили къ этому обстоятельства...

БОПЛАНЪ. И въ его лѣта... Это безъ сомнѣнія человекъ почтенный?..

ЛУИЗА. Я его никогда не видала, да къ ней старики и не ѣздили. Но дѣло не въ этомъ... папа!—Она такъ любила меня..

на балахъ у нея было чрезвычайно весело... такъ въ благодарность за все это... прими ея дялю, какъ можно поласковѣе... помоги ему совѣтами... а, ты сдѣлаешь это, папа?

вопланъ. О, безъ сомнѣвiя.

луиза, (подходя къ Блюму.) И г. Блюмъ также?.. (къ отцу.) Что это, онъ не отвѣчаетъ?.. Вѣрно сердится за что нибудь?..

вопланъ. Да! — И имѣетъ право сердится! — Ну, какъ тебѣ это не стыдно!.. за что ты съ нимъ вчера поссорилась? —

блюмъ, (не вставая.) Ахъ, г. Бопланъ, сдѣлайте милость...

вопланъ. Нѣтъ, нѣтъ!.. Это очень дурно!.. Я ненавижу, чтобъ у меня въ домъ кто нибудь дулся другъ на друга!.. А ужъ объ васъ и говорить нечего... какъ это неужиться въ мирѣ?.. не понимаю!.. Ну, что ты скажешь въ свое оправданiе?

луиза, (вертя въ рукахъ передникъ.) Да что-же мнѣ сказать... я ничего не скажу... но вѣдь и г. Блюмъ былъ совсѣмъ ко мнѣ невнимателенъ... вотъ этого онъ тебѣ не сказалъ!.. Вчера, почти всѣ молодые люди хвалили мой уборъ, который ты привезъ изъ Парижа!.. И въ самомъ дѣлѣ онъ очень хорошъ, сдѣланъ со вкусомъ, да и идетъ ко мнѣ, а г. Блюмъ, одинъ изъ всѣхъ, его совсѣмъ и не замѣтилъ.

вопланъ, (въ сторону.) Что я слышу?..

блюмъ, (вставъ.) А... вотъ еще... видите?..

вопланъ, (съ намъренiемъ.) Ну, да если онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ не любезенъ и невнимателенъ—что-же за важность?..

луиза. Да вѣдь это непрiятно, папа! Онъ и самъ-то нисколько мной не занимается, да и другимъ—то подавалъ дурной примѣръ.

блюмъ, (подходя.) О, кокетка!..

вопланъ, (въ сторону.) А, понимаю! — Она хочетъ обмануть меня... отвѣсть отъ истины, и онъ также!.. Да неудастся! Вѣдь и я себя на умѣ!..

блюмъ. Во первыхъ, не правда, что я незамѣтилъ вашего убора, напротивъ, я самъ находилъ его очень красивымъ.

луиза. Нѣтъ-съ!

блюмъ. А что я сказалъ... для меня лучше нравиться, когда волосы ничѣмъ неубраны, а просто причесаны гладко... такъ за это не за что сердится, у всякаго свой вкусъ.

луиза. Но и пристрастiя также не должно имѣть... я нарочно сама къ вамъ подошла и сказала: посмотрите на меня?

Блюмъ. Ну, что-жъ такое?—Я и смотрѣлъ!

Луиза. Да ничего не видѣли! — Ужъ лучше молчите! Мнѣ говорили всѣ, что я была очень мила, и уборъ мнѣ къ лицу, а одни вы ничего не сказали... да-съ!

Блюмъ, (къ Боплану.) Ну, скажите пожалуйста, развѣ можно хвалить въ глаза!..

Бопланъ, (становясь между ними, къ Луизѣ.) Но изъ всего этого я еще не вижу причины, за чѣмъ ты просила его при всѣхъ танцовать съ собою?

Луиза. А почему онъ меня не просилъ? —

Бопланъ. Потому, что онъ не умѣетъ танцовать.

Блюмъ. Да, кажется я и доказалъ это!..

Луиза. А въ такомъ случаѣ должно выучиться... очень неприятно видѣть молодаго человѣка, который не способенъ ни на что хорошее.

Блюмъ, (къ Боплану.) Вотъ видите-ли, какъ разсуждаетъ!..

Бопланъ, (Блюму.) Да, да, я вижу, вижу... понимаю! (Луиза и Блюмъ идутъ въ глубину сцены и тихо спорятъ.) Они любятъ другъ друга... но этотъ Блюмъ скрытенъ даже до глупости!.. Къ чему эта таинственность?.. Что его останавливаетъ?.. А!.. Боже мой!.. Теперь мнѣ все ясно!.. Сейчасъ я говорилъ ему о Принцѣ, и это самое отняло у него и последнюю смѣлость!.. Но я могу все поправить... (Блюмъ и Луиза въ сердцахъ расходятся.) Ну, что! еще не помирились?.. Стыдно, друзья мои, быть такими сердитыми, стыдно!.. (къ Луизѣ.) Ты кругомъ виновата Луиза... или лучше, это моя вина... мнѣ должно-бы было почаще тебѣ напоминать, что Блюмъ имѣетъ право на твое вниманіе и уваженіе... я и самъ еще должникъ его...

Блюмъ. О, г. Бопланъ! Ради Бога!..

Бопланъ. Хорошо, я замолчу, но не подумай, Блюмъ, чтобы я когда-нибудь забылъ твои заслуги... (показывая на сердце.) Онѣ все здѣсь, я ихъ чувствую!.. Но надо-же когда нибудь заплатить старый долгъ... Блюмъ, дай мнѣ свою руку!.. Съ этой минуты ты ужъ больше не прикащикъ мой, а товарищъ.

Луиза. Ахъ, что я слышу.

Блюмъ. Какъ?.. я?..

Бопланъ. Да, да, ты, мой другъ!.. вотъ ужъ 10-ть лѣтъ ты былъ самой вѣрною опорой моего дома, и самымъ вѣрнымъ

другомъ... а добрыя дѣла не должны оставаться безъ награды!.. Я знаю, ты слишкомъ скромнень и робокъ, но теперь ужъ надо быть немножко поразвязвѣе, посмѣлѣе... знаешь, этакъ...

Блюмъ, *(съ радостію.)* О, какъ не знать!.. Да ужъ если вы сами мнѣ совѣгуете, такъ я готовъ сдѣлаться всѣмъ, чѣмъ вамъ угодно...

Бопланъ. А вотъ первое; мнѣ угодно, чтобы ты рѣшительно во всемъ относился прямо ко мнѣ... да, Блюмъ, ты теперь ужъ ровень всему, что есть лучшаго въ Марсели, теперь ужъ ни то, что прежде... и если вздумаешь жениться... *(Луиза опускаетъ глаза.)*

Блюмъ. Мнѣ еще никогда не приходила такая мысль...

Бопланъ. Ну, да вѣдь это дѣлается не въ одну минуту... А вотъ дай-ко тебѣ немножко поосмотрѣться, пообдуматься... такъ и жениться захочется...

Блюмъ. Нѣтъ, г. Бопланъ, наврядъ-ли!..

Бопланъ. Э! полно, Блюмъ!.. Вѣдь тутъ нѣтъ ничего худого... жениться — дѣло доброе...

Блюмъ. *(въ сторону.)* И что это ему пришла за охота женить меня?.. Странно, право!..

Бопланъ. И тебѣ никто не откажетъ... по-крайней-мѣрѣ, я такъ думаю... *(въ сторону.)* Кажется, онъ теперь долженъ понять?..

Слуга, *(входя.)* Васъ спрашиваютъ на пристани г. Блюмъ *(отдаетъ ему бумаги.)*

Блюмъ, *(пробѣгалъ бумаги.)* А, это о роспискѣ въ заплатѣ таможенныхъ пошлинъ... хорошо, сейчасъ.

Луиза. Вы идете, г. Блюмъ?.. И въ ту минуту, когда съ вами желаютъ говорить!..

Бопланъ, *(смотря на нихъ, въ сторону.)* Они хотятъ теперь объясниться, поладить и потомъ просить моего согласія... да, да, это ясно!.. *(подходитъ къ Блюму, который хочетъ идти.)* Нѣтъ, оставься, Блюмъ, займись, пожалуйста, вотъ этимъ счетомъ... онъ очень нуженъ; я самъ пойду въ таможеню и все сдѣлаю. *(въ сторону.)* И ворочусь въ самую счастливую минуту!.. *(вслухъ.)* Дѣти мои!.. я одного только желаю и требую, чтобы въ домѣ моемъ все были счастливы, чтобы каждый былъ доволенъ и находилъ во мнѣ все, чего желаетъ... вы должны быть въ этомъ увѣрены... *(къ Луизѣ.)* Ты имѣешь во мнѣ

добраго отца... (кз Блюму.) а ты—друга, который знаетъ, что ты ему преданъ.

влюмъ. До гроба!

вопланъ, (сз сторону, уходя.) Чудесно! Онъ меня понялъ!.. Теперь надо смотреть въ оба!..

(Бопланъ уходитъ, Луиза его провожаетъ.)

влюмъ. Ахъ, какой превосходный человекъ! (садится за работу.)

Я В Л Е Н И Е III.

Луиза, Блюмъ.

влюмъ, (самъ съ собою.) Но что это вздумалось ему меня женить? Въдь пришла же въ голову такая странная идея!.. впрочемъ, рано-ли, поздно-ли, а холостому человеку надо жениться... но вотъ бѣда, гдѣ найдешь такую жену, какую мнѣ хочется...

луиза, (возвращаясь отъ двери.) Ахъ Господи!.. опять сѣлъ за работу!.. А я была такъ счастлива... даже начала надѣяться. Нѣтъ, каждый день одно и тоже... онъ совсѣмъ ко-мнѣ не внимателенъ... а въдь это ужасно: любить человека, оставаться ему вѣрной, а онъ даже и не замѣчаетъ этого... Это, просто, мученье!., Ей! ей! бываютъ минуты, въ которыя я теряю всю надежду!..

влюмъ, (оборачивается къ ней.) А, вы здѣсь, мамзель Луиза?

луиза, (сз застѣнчивостію подходитъ.) Да, г. Блюмъ?.. Мнѣ нужно обо многомъ съ вами поговорить... вотъ теперь... вы ужъ стали папенькинымъ товарищемъ; я очень рада...

влюмъ. Покорно васъ благодарю... извините... Мнѣ, очень нужно... надобно кончить поскорѣе...

луиза, (облокачивается на спинку стула.) А, вамъ нужно писать?.. Г. Блюмъ!.. вы не сердитесь на меня за вчерашнее?..

влюмъ. Нѣтъ.

луиза. Право?—Ну, скажите еще... Не сердитесь?—

влюмъ. Нѣтъ, не сержусь! (сз сторону.) Господи, какое мученье!

луиза. Нѣтъ, я вижу, что сердитесь... вы говорите теперь такимъ тономъ...

блюмъ. Помилуйте, да и за чтожъ мнѣ сердиться?

луиза. Сердиться — то есть за что... Но послушайте — когда ужъ сознаются, что виноваты... такъ должно прощать отъ чистаго сердца., даже позабыть про это... и утѣшить виноватаго... А вы...

блюмъ. Что я?.. Небось виноватъ? — Пожалуй, простите меня.

луиза. Никто васъ не винить... Но еслибъ вы знали, какъ сами меня обидѣли!.. вспомните, вѣдь вы отказались...

блюмъ. Танцовать съ вами? — Покорно васъ благодарю!.. Одно надо вамъ замѣтить. — Дѣвицы никогда не просятъ кавалеровъ.

луиза. А почему-же это! Стало-быть намъ должно скрывать все, что чувствуешь, молчать о своихъ желаніяхъ и ждать? —

блюмъ. Но если вы капризничаете и желаете невозможнаго.

луиза, *(въ сторону)* Эхъ, да онъ меня не понимаетъ *(ему.)* Ахъ, какъ-бы я желала быть мущиной!.. Имъ тысячи выгодъ: танцуй съ кѣмъ хочешь, а дамы никогда не откажутся... Что нравится—можешь вслухъ сказать объ этомъ... вотъ напримѣръ, какъ говорилъ папа, вы хотите жениться и можете жениться... А что, г. Блюмъ, признайтесь мнѣ, вы ужъ вѣрно за кѣмъ нибудь ухаживаете? А?!

блюмъ, *(въ сторону.)* Вишь какая любопытная!..

луиза. Ну, а какую бы вамъ хотѣлось имѣть жену, г. Блюмъ? Блондинку или брюнетку?

блюмъ, *(въ сторону.)* Ужъ это явная насмѣшка!.. Но за что? что я ей такое сдѣлалъ?

луиза. Вы меня не слушаете?.. я вамъ мѣшаю?.. вамъ — бы давно сказать. *(Переходитъ сзади его на другую сторону стола.)*

блюмъ. Слава Богу, хочеть уйти!.. *(Луиза садится.)* Нѣтъ! теперь съ другой стороны! Ахъ, ты Создатель мой!..

луиза, *(вынимая изъ передника рукодѣлье.)* Вотъ такъ, я сюда здѣсь, подлѣ васъ... и стану работать... Не бойтесь, я мѣшать не буду...

блюмъ, *(въ сторону.)* И каждый-то день такое мученье!.. Я часу покойнаго не имѣю!.. *(Молчаніе.)*

луиза. Г. Блюмъ!.. Идетъ-ли на-ладъ ваша работа?

блюмъ, *(грызетъ перо.)* Это просто наказаніе.

луиза. Что? Или это очень трудно?

блюмъ. Нѣтъ. (*Молчаніе.*) 478 и 9487... 94 да 15 = 109... 762...

луиза. Г. Блюмъ!.. Г. Блюмъ! Г. Блюмъ!.. Но вѣдь это скучно!.. Вы все молчите!.. Что, еще не кончили?.. Вы слыш-комъ много занимаетесь, это можетъ разстроить здоровье, г. Блюмъ!..

блюмъ, (*сильно занятъ.*) А, что?.. Ахъ, Господи!.. резуль-татъ не вѣренъ.

луиза. Тѣмъ лучше, значитъ все хорошо сдѣлано!.. Послушайте, г. Блюмъ, вы совсѣмъ нынче не любезны...

блюмъ. Мамзель Луиза!.. Сдѣлайте милость!.. Вѣдь я ужъ сказалъ, что вашъ батюшка дожидается этого счета...

луиза. Ну, да если вы не здоровы? — Теперь вы сами себя господинъ и можете въ свою очередь приказывать другимъ!.. Трудиться съ утра до-ночи—можно-ли это? Не имѣть минуты развлеченія... да отъ этого вы можете сдѣлаться нездоровы, это убьетъ васъ. Я нехочу, чтобъ вы занимались такъ долго! Слышите, я нехочу этого!..

блюмъ. Вотъ, напримѣръ, и это не капризы!..

луиза. Оставьте ваши бумаги!

блюмъ, (*вставая.*) Нѣтъ ужъ, за чѣмъ-же!.. Не трогайте ихъ, пожалуйста, мамзель Луиза!.. (*Луиза всѣ бумаги смѣшиваетъ и бросаетъ на полъ.*) Ну, да чтожъ это въ самомъ дѣлѣ!.. Это чортъ знаетъ, что такое!.. Вѣдь мнѣ въ цѣлый часъ теперь не разобрать ихъ, а г. Болпанъ сію минуту придетъ за бумагой!.. Вамъ стыдно, мамзель Луиза, вѣдь это все падетъ на меня!..

луиза, (*переходя на другую сторону.*) На васъ!.. Ахъ, Боже мой, чтожъ я надѣлала!.. Позвольте, я вамъ помогу, (*поднимаетъ нѣсколько листовъ.*) Виновата, г. Блюмъ, вы, пожалуйста, не сердитесь!..

блюмъ. Незачто-съ.

луиза. Такъ вы не сердитесь?

блюмъ. Нѣтъ.

луиза. Точно?

блюмъ. Да.

луиза. Нѣтъ, я по глазамъ вижу, что сердитесь.

блюмъ. Нѣтъ, нѣтъ, вѣтъ и сто разъ нѣтъ!

луиза. Ну, докажите-же это. Помврися, какъ прежде.

блюмъ, (оборотившись къ ней спиною и разбирая бумаги.) Гмъ!.. Какъ прежде!.. Хорошо, вы помните это прежде!..

луиза, (протягивая ему руку.) Я васъ прошу!

блюмъ, (садится.) Какъ прежде!.. И не стыдно говорить это? А впрочемъ вѣдь это не ея вина!.. (встаетъ на прежнее мѣсто.) Характера перемѣнить нельзя. (Нагибается къ ней въ полу-оборотъ и подставляетъ щеку, несмотря на Луизу.) Мамзель Луиза!..

луиза, (замѣчая его движеніе.) Какъ?.. вы хотите?..

блюмъ. Ну, только, пожалуйста, поскорѣе... Я еще не собралъ бумагъ.

луиза. Но, г. Блюмъ... я...

блюмъ. Вѣдь вотъ, теперь стали церемониться!.. Не хотите, что-ли?

луиза. Ахъ, нѣтъ, хочу, да...

блюмъ. Ну, такъ сдайте милость, кончите!

луиза. Ахъ, Боже мой... мнѣ... стыдъ....

блюмъ. Я теряю терпѣвіе, мамзель Луиза!..

луиза. Ну, хорошо, хорошо... только не сердитесь!.. (Цѣлуетъ его въ щеку.)

блюмъ, (въ это время, въ сторону.) О, какая несносная!..

Я В Л Е Н І Е IV.

Тѣже; Бопланъ, (быстро растворяетъ двери и замѣчаетъ поцѣлуй; за нимъ входитъ слуга.)

БОПЛАНЪ. А!..

ЛУИЗА. Батюшка!..

(Луиза отбѣгаетъ на лѣво, Блюмъ не видя Боплана, садится и продолжаетъ переключивать бумаги.)

БОПЛАНЪ. Ну, надѣюсь, теперь они не станутъ отпираться, улика на-лицо! (къ слугѣ.) Хорошо, пусть его чемоданы и вся пожитка несутъ на берегъ, да скажи капитану, чтобы онъ зашелъ ко мнѣ на минуточку, мнѣ нужно съ нимъ поговорить (слуга уходитъ, Бопланъ къ дочери.) Ну, вотъ Луиза и новой прика-

щивъ ко мнѣ приѣхалъ... И знаешь что, этотъ баронъ де Торсе молодой человекъ, лѣтъ двадцати двухъ, не больше!.. И кажется славный мальиш... Суди о моемъ увлеченіи!.. Я ожидалъ увидѣть старика — и вдругъ такой сюрпризъ.

ЛУИЗА. А... такъ стало быть это не дядя г-жи Симьянъ.

БОПЛАНЪ, (*подходитъ къ столу, гдѣ Блюмъ.*) Нѣтъ, онъ!.. Да только отецъ-то его женился на другой, такъ онъ отъ второго брака; да онъ самъ тебѣ расскажетъ, сейчасъ придетъ сюда, только немножко поправить свой туалетъ. (*бросивъ взглядъ на бумаги Блюма, въ сторону.*) Ничего не написано!.. Они все время проговорили! (*къ Блюму.*) Ну, а ты!.. Что безъ меня тутъ?.. А?..

БЛЮМЪ. Надо подождать г. Бопланъ!.. вѣдь на это нужно время.

БОПЛАНЪ, (*про себѣ.*) Какъ время?.. А, такъ видно теперь за Луизой дѣло стало... такая упрямая!.. (*Подходитъ къ Луизѣ.*) Ну, Луиза?..

ЛУИЗА. Что?

БОПЛАНЪ. Безъ сомнѣнія ты имѣешь многое сказать мнѣ?

ЛУИЗА. Нѣтъ, ничего.

БОПЛАНЪ, (*въ сторону.*) Да чтожъ это такое?.. Послѣ всего, что я сейчасъ видѣлъ!.. А, чортъ возьми, ей вѣрно Блюмъ запретилъ говорить объ этомъ... Глупый мальчишка!.. Да это хоть кого выведетъ изъ терпѣнія.

БЛЮМЪ, (*прочитавъ бумаги, которыя ему далъ Бопланъ.*) Г. Бопланъ! Какъ-же это? — Вы говорите, что были въ таможенѣ, а гдѣ-же подпись-то?

БОПЛАНЪ, (*сердито.*) Ее нѣтъ, я никуда не ходилъ и не пойду! Слышавшъ?!

ЛУИЗА. Ахъ, Боже мой!.. Папа, что вы?..

БОПЛАНЪ. Это до тебя не касается... поиди въ свою комнату!

ЛУИЗА. Да отчего-же ты такой сердитый!

БОПЛАНЪ. Я имѣю причины сердиться!.. Чортъ возьми!.. будешь сердиться, когда нисколько не занимаешься ни моимъ спокойствіемъ — ни здоровьемъ, однимъ словомъ, хотять уморить меня! Теперь я знаю, что мнѣ осталось дѣлать!.. Оставь насъ!

Баронъ сейчасъ придетъ, а у тебя еще и волосы хорошенько не приглажены?

луиза. Иду, иду!.. Папа... *(въ сторону.)* Онъ вѣрно что нибудь хочетъ говорить съ г. Блюмомъ?.. Что это значить?.. А я, что-то боюсь и сама незнаю отъ чего.

бопланъ. Луиза, что жъ ты остановилась?

луиза, *(уходя на льво отъ зрителей.)* Я иду... сейчасъ...

ЯВЛЕНІЕ V.

Бопланъ, Блюмъ.

блюмъ, *(вставъ изъ за-стола.)* Г. Бопланъ! Да скажите пожалуйста, что такое случилось?

бопланъ, *(подходя къ нему.)* О, чортъ возьми!.. И ты еще спрашивашь!..

блюмъ, *(отступая.)* Ахъ, Господи, вы меня пугаете г. Бопланъ!.. Ужъ не случилось-ли какого несчастія?

бопланъ. Да, сударь, большое несчастіе... вдругъ узнать, что къ тебѣ недоверчивы!.. Что безпрестанно скрываютъ... обманываютъ!..

блюмъ, *(сильно оскорбленный.)* Г. Бопланъ!.. Я вамъ ничего не скажу... Но вы меня обидѣли. Богъ съ вами!.. *(отходитъ и отираетъ слезы.)*

бопланъ, *(про себя),* А вѣдь, можетъ быть, это и отъ излишней скромности, застенчивости!.. Блюмъ!.. *(смотритъ на Блюма ласково, улыбается, Блюмъ также, потомъ громко смѣются и сходятся.)* Виноватъ!.. Я совсѣмъ не хотѣлъ тебѣ обидѣть, но вѣдь въ самомъ дѣлѣ, пора бросить въ сторону всякую скрытность... въ нашихъ отношеніяхъ она совершенно лишняя!..

блюмъ Ахъ, Господи, да вѣдь и мнѣ этого-же хочется!

бопланъ. Ну, видишь, и прекрасно!.. Я первый начну; ну, слушай-же: если говорить правду, то безъ сомнѣнія, я могъ бы выбрать для моей дочери мужа и чиновнаго и богатаго...

блюмъ, *(въ сторону.)* Опять за свое!

бопланъ. Но если дочь моя полюбила... и ее любятъ, то я

никакъ не хочу противиться такому браку, отъ котораго зави-
снть ея счастье... я готовъ согласиться на все...

блюмъ. А?.. согласитесь?..

бопланъ. Ну, да, ужъ я сказалъ, а что я скажу — то
свято...

блюмъ. Стало-быть вы въ самомъ дѣлѣ готовы согласиться?

бопланъ. Да, да, соглашаюсь...

блюмъ. На что соглашаетесь?..

бопланъ. На вашъ бракъ.

луиза, *(полу-отворяя дверь въ сторону.)* Что я слышу?..

блюмъ, *(съ большой радостію).* На нашъ бракъ! ахъ Госпе-
ди! То есть... Это я и мамзель Луиза... *(вдругъ перемѣняетъ тонъ
и печально.)* Да!.. мамзель-то Луиза... Ахъ, г, Бопланъ.

бопланъ. Что... хорошо? — А!..

блюмъ. Я ей-ей и во-снѣ не видалъ такого счастья!.. мину-
ту назадъ, вы съѣзжали меня своимъ товарищемъ и теперь...

бопланъ. Успокойся, мой другъ!.. успокойся!.. Сильная ра-
дость часто вредна, какъ печаль...

блюмъ. Успокойся!.. Это легко сказать!.. Успокойся въ ту
минуту, какъ вы дѣлаете мнѣ предложеніе.

бопланъ. На которое, надѣюсь, ты согласишься?..

блюмъ. Позвольте! видите-ли что... Я ужъ говорилъ вамъ,
что я съ мамзель Луизой къ несчастію никогда не могу жить
такъ, какъ-бы мнѣ хотѣлось... у насъ совершенно разные ха-
рактеры, разные привычки и однимъ словомъ... т. е. все раз-
ное...

бопланъ. Да такіе-то браки за-частую и бываютъ самые сча-
стливые... Если только вы согласны и любите другъ друга...

блюмъ, *(съ нетерпѣніемъ.)* Любите другъ друга!.. Эхъ г.
Бопланъ, да она меня вислоько не любить.

луиза, *(тоже).* Что онъ сказалъ?..

бопланъ. Не любить?..

блюмъ. Да-съ, не любить!.. я нынче вамъ это говорилъ...
внать вы позабыли... А то я говорилъ...

бопланъ. Что-жъ это значить!?. ну, а сейчасъ-то, что вы
дѣлали? вѣдь вы признавались другъ другу въ любви?..

блюмъ. Что вы это, г. Бопланъ! Да сейчасъ-то здѣсь была
такая сцена, что ужасъ!..

луиза, *(такъ-же).* Это что еще? какая сцена?

вопланъ. Да помплуй братецъ, она тебя просто цѣловала, сколько я замѣтилъ, и ты этому не противился. Что-жъ это за ужась?..

блюмъ. Да это дѣлалось не по моему желанію, а что я не противился, такъ это для того, чтобы поскорѣ кончить ссору... вы знаете сами, я ни съ-къмъ не люблю ссориться.

луиза, (такъ-же). О!.. погоди-же!..

блюмъ. Она нарочно и пришла за тѣмъ, что-бъ вывести меня изъ терпѣнія и взбѣсить!— Она теперь сдѣлалась такой капризной, самовольной, непостоянной, что ужась, и все это падаетъ только на меня, потому, что она меня терпѣть не можетъ.

луиза, (дѣлая нѣсколько шаговъ къ нимъ и потомъ опять убѣгаетъ). Боже-мой! и я не могу остановить его!..

блюмъ, (продолжая). А я съ своей стороны... (Луиза останавливается и слушаетъ)... ей-же желаю добра и счастья... Посудите сами г. Бопланъ, ву что наша будетъ за жизнь?.. и сказать по чистой совѣсти, я право, боюсь, что не сдѣлаю ее счастливой и потому...

бопланъ. И потому ты отказываешься?

луиза, (такъ-же съ отчаяніемъ). Все кончено!

блюмъ. Да вы, сдѣлайте милость, не сердитесь на меня, право я былъ вынужденъ сказать это.

бопланъ. Помплуй, за что-жъ тутъ сердиться?—ты исполнилъ свой долгъ... Это я виноватъ, все моя проклятая поспѣшность надѣлала!.. Теперь я и самъ вижу, что мои догадки не имѣли въ себѣ ничего основательнаго... Ну, конечно, не будемъ больше объ этомъ говорить?.. Надѣюсь, это останется между нами?

блюмъ. О, навсегда!

бопланъ. Особенно передъ Луизой!.. Чтобъ она и подумать не могла!.. Тсъ!.. вотъ и она.

ЯВЛЕНИЕ VI

ТѢЖЕ, и Луиза.

Луиза. (*про себя.*) Отказался!.. когда я единственно для него не хотѣла выходить замужъ и этимъ огорчила своего отца! О, я очень виновата... но съ этой минуты все кончено—участь моя рѣшена... (*къ отцу.*) Ну, папа, скажи теперь, отчего ты былъ такой сердитый?

Вопланъ. Нѣтъ, ничего... такъ, маленькое недоразумѣе!.. но теперь мы по прежнему друзья съ нимъ!

Луиза. Ну, слава Богу, я очень рада. Въ самомъ дѣлѣ, есть такія заблужденія, отъ которыхъ и не вѣрится, чтобы образумились, а смотришь—достаточно одной минуты размышленія и все кончено, вотъ какъ я, напримѣръ.

Вопланъ. Ты?

Луиза. Да, сейчасъ я думала; совѣтовалась съ собою и легко поняла, какъ я была несправедлива, неблагоприятна и даже не благодарна... противясь твоимъ намѣреніямъ (*обнимаетъ Боплана.*) Мой добрый папа!.. ты одинъ только меня любишь, одинъ въ цѣломъ мірѣ!.. теперь я это чувствую и хочу думать только о твоёмъ счастьи... располагай мною, я согласна на все!.. пожалуй и замужъ выду, если ты этого захочешь.

Вопланъ, (*съ радостію.*) Боже мой!.. Что я слышу!..

Блюмъ, (*съ стороны.*) Какая перемена!

Вопланъ. Дочь моя!.. Моя милая Луиза!.. Какъ долго ждалъ я отъ тебя этой довѣренности!.. повѣрь, никто больше меня не заботится о твоёмъ счастьи!.. Ты не бойся, я не употреблю во зло правъ, которыя ты мнѣ дала теперь!.. вѣтъ, я спать не буду и предоставлю все времени!..

слуга, (*входя, Боплану.*) Баронъ де Торси ожидаетъ васъ въ залѣ.

Вопланъ. Хорошо! проси его сюда! (*слуга уходитъ, Бопланъ къ Луизѣ.*) Я тебя моя милая выберу мужа — изъ хорошихъ — лучшаго, выбрать можно. Вѣдь здѣсь не найдется ни одного молодаго чловѣка, у котораго-бы по тебѣ не болѣло сердечко... вотъ и Блюмъ тоже скажетъ... (*тихо Блюму.*) Скажи ей что нибудь любезное, ласковое, а то пожалуй догадается.

Блюмъ, (*съ замѣшательствомъ.*) Да, сударыня... ужь это извѣстно... каждый за счастье почитать, когда... то есть... если ваша рука будетъ... (*отходя въ сторону.*) А вѣдь право это очень странно!.. Что это ему такъ непременно захотѣлось выдать ее замужъ... что за причина?... Не понимаю! (*садится за столъ.*)

Луиза, (*про себя.*) Утѣшеніе! Этого только не доставало!

Бопланъ, (*Смотритъ въ двери.*) Вотъ и дядя г-жи Симьянъ... нашъ молодой путешественникъ... Сюда, сюда пожалуйте... прошу покорно!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Луиза, Торси, Бопланъ, Блюмъ.

Торси, (*Боплану.*) Я еще не могу прийти въ себя отъ того, что вы мнѣ рассказали!.. Это все проказить моя почтенная племянница... у нея самая друвая привычка дѣлать изъ меня для всѣхъ сюрпризъ и это часто ставитъ меня въ самое затруднительное положеніе!

Бопланъ. А я такъ думаю напротивъ, это для васъ выгодно! Думаютъ встрѣтить старика, а встрѣтятъ молодого, это много значить. Позвольте рекомендовать. Дочь моя!

Торси. О, какъ вы добры, г. Бопланъ!.. Вы заставляете меня забыть, что я чужой въ здѣшнемъ домѣ... (*смотритъ на Луизу.*) Ахъ! Боже мой!

Луиза, (*узнавъ Торси.*) Г. Альфредъ!..

Бопланъ. А! ты знакома?

Блюмъ, (*про себя.*) А!.. знакома?..

Луиза. Я ихъ вѣсколько разъ видала у г-жи Симьянъ... но не знала фамиліи.

Торси. О, Боже мой, какъ я радъ!! (*къ Боплану.*) Видите, какая счастливая встрѣча!.. За двести миль найти знакомыхъ.

Луиза. И найти для того, чтобъ чрезъ вѣсколько минутъ ихъ опять оставить.

Торси. Этого хочеть вашъ батюшка. Комерческія дѣла гре-

буютъ строгаго надзора, особенно то, которое онъ мнѣ доверяетъ—оно очень важно.

бопланъ. И не терпитъ отлагательства, судите сами, 18 мѣсяцевъ контора безъ начальника, безъ корреспондентовъ...

торси. О, я вѣдь очень хорошо знаю—минуты терять нельзя. бопланъ. А знаете, что мнѣ право все еще не вѣрится, что вы рѣшились...

торси. Да неужели вы сомнѣваетесь?

бопланъ. Нѣтъ; но въ ваши лѣта... и съ вашимъ званіемъ... это рѣшеніе...

торси. Оно необходимо, вы сами согласитесь, когда узнаете побудительную причину... я вамъ все скажу.

луиза, (Торси.) Если это такъ необходимо—Богъ съ вами, счастливый путь... но по крайней мѣрѣ постарайтесь опять побывать у насъ... подарить намъ хоть нѣсколько дней. Здѣсь такъ любятъ веселиться... а г. Альфредъ такой услужливый тансеръ и такъ всегда внимателенъ къ дамамъ!

блюмъ, (встаетъ и подходитъ къ нимъ, въ сторону.) Понимаю... это упрекъ!..

луиза, (продолжая.) Къ тому-же здѣсь столько молодыхъ людей, которые даже не удостоиваютъ замѣтить насъ бѣдныхъ женщннъ!..

торси. Вѣрно это какіе нибудь глупцы... невниманіе которыхъ не можетъ быть обидно?..

блюмъ, (въ сторону.) Самъ-то глупъ... фать этакой!..

бопланъ, (Блюму.) Каковы комплементы? что значитъ парижанинъ.

блюмъ, (въ сторону.) И чему восхищаться... я не вижу ничего необыкновеннаго!

бопланъ, (Торси и Луизѣ.) И такъ вы старые знакомые?—очень радъ!

блюмъ, (тихо къ Боплану.) Г. Бопланъ!.. Посмотрите, какъ онъ на все смотритъ.

бопланъ. Да, да!.. Правда!.. (Торси.) Ну, что, какъ тамъ моя Луиза... Небось терлась въ блестящей толпѣ.

торси. Что вы это, помилуйте!.. Вотъ сейчасъ и видно, что вы не были съ нею. Она была предпочтена всѣмъ и безпрестанно окружена толпою кавалеровъ, всѣ на перерывъ оспо-

ривали другъ у друга счастье протанцовать съ нею кадрили въ галопъ... ваша дочь была царицей баловъ.

луиза, *(про себя, смотря на Блюма.)* Блюмъ встревоженъ!..

блюмъ, *(тихо къ Боплану.)* Г. Бопланъ, посмотрите, какъ онъ воспламенился...

бопланъ. Вижу Блюмъ, вижу!.. *(Торси.)* И вы также были въ числѣ ея кавалеровъ?

торси. Помилуйте, да какъ — же иначе? Въ противномъ случаѣ я бы одинъ изъ всѣхъ не отдавалъ должной справедливости столькимъ достоинствамъ... этому счастливому соединенію — красоты, скромности... *(тихо Боплану.)* И даже этой маленькой полуденной живости...

бопланъ, *(къ Блюму.)* Этотъ молодой человекъ мнѣ чрезвычайно нравится.

блюмъ *(въ сторону, идетъ къ столу.)* А мнѣ такъ нисколько.

луиза, *(къ Торси.)* Боже мой! Какой незаслуженный комплементъ!.. А я кажется и прежде вамъ говорила, что не люблю комплементовъ.

торси. Ахъ, какъ вы добры, что напоминаете мнѣ.

блюмъ. *(въ сторону.)* Вотъ еще! Мало настоящего, такъ за прежнее привалясь!.. Волокитал!.. *(подходитъ къ нимъ.)*

бопланъ, *(про себя, смотря на Торси.)* А вѣдь онъ ея очень занимается... видишь, какъ ласково поговариваетъ!.. Ужъ не онъ — ли?!.. Такъ зачѣмъ же ему хочется ухаты!.. Какого чорта онъ забылъ въ Индію.

Я В Л Е Н І Е VIII

ТѢЖЕ, СЛУГА.

слуга, *(къ Боплану.)* Капитанъ пришелъ; онъ ожидаетъ васъ въ магазинъ.

бопланъ. Хорошо, сейчасъ! *(слуга уходитъ; Бопланъ къ Торси.)* Не угодно-ли и вамъ со мною... Это Капитанъ Меркурія, на которомъ вы отправляетесь въ Индію. Вы слѣайте

милость, извините, что я вами такъ располагаю... Не подумайте, что....

торси. Какъ вамъ не стыдно г. Бопланъ говорить это! Да ужь съ этой минуты я не принадлежу себѣ, я весь вашъ, предъ вами теперь не баронъ, но простой наемникъ... Вашъ скромный работникъ...

бопланъ. Полноте, что за слова!.. А вѣдь это ей, ей, прелезабавно!.. (къ Луизѣ.) Прикажи приготовить говядолу; я зайду за тобой, и мы вмѣстѣ проводимъ г. де Торси.

торси. Но къ чему-же столько безпокойства! Г. Бопланъ, мнѣ право совѣстно!..

бопланъ. Э, полноте! Это прогулка... Она-же большая охотница до подобныя маленькиа путешествія (къ Блюму.) Блюмъ! Не забудь-же пожалуста объ таможня. (идя къ столу и разсматривая бумаги.) Ты счета еще не кончилъ?.. Просмотри же его хорошенько... поверяе... (Блюмъ наблюдаетъ за Луизой и Торси, не слушая Боплана.)

торси, (про себя.) Какое милое семейство! Дочь мнѣ кажется еще прекраснѣе... Что есмьбъ мнѣ... Хорошо-бы... Но въ теперешнемъ моемъ положеніи это невозможно!

бопланъ, (къ Блюму.) Блюмъ! Слышишь - ли, что я тебя сказалъ?

блюмъ. Хорошо, сдѣлаю!.. (въ сторону.) А ужь это не даромъ, здѣсь что нибудь да есть!..

торси, (услышавъ Блюма.) Что вы?

бопланъ, (подходя.) Что такое?

блюмъ, (посреди ихъ.) Ничего!..

бопланъ, (къ Торси.) Ну, отправимся, если угодно!

торси, (уходя). Сдѣлайте милость!.. (къ Луизѣ). До свиданія!

Я В Л Е Н І Е IX.

Луиза садится; Блюмъ собираетъ бумаги у стола.

блюмъ, (про себя). Онъ влюбленъ—отецъ этого не замѣчаетъ... мамзель Луиза кокетничаетъ... правда онъ уйдетъ!.. да вѣдь

опять скоро придетъ, тогда ужъ... эхъ! — братъ Блюмъ — тебѣ что до этого!.. мое дѣло молчать да работать... пойду въ таможенную. *(беретъ нѣкоторыя бумаги и уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ X.

Луиза, *(одна, преслѣдуя глазами уходящаго Блюма)*. А, ревнивъ — онъ еще смѣетъ ревновать?.. Да и къ чему? — Не самъ-ли отъ меня отказался? не любить и ревновать—это безуміе!.. А еслибъ онъ любилъ меня!.. Да, онъ сказалъ батюшкѣ что мои капризы отпугнули его отъ меня... хорошо—же! я исправлюсь, буду тиха, скромна, добра, не стану ему надоедать... и тогда онъ меня полюбитъ, да ужъ я то не полюблю. . да! — выду за другаго замужъ: это его огорчить — и я буду довольна! — *(оборачивается и видитъ Блюма)*. Онъ!.. начнемъ—же?

ЯВЛЕНІЕ XI.

Луиза, Блюмъ, *(входитъ)*.

Луиза. А, это вы г. Блюмъ?

Блюмъ, *(съ замѣшательствомъ)*. Мамзель Луиза... я вспомнилъ, что мнѣ... нужно... поговорить... я воротился... мамзель-Луиза видите-ли... *(возвышая голосъ)*. Этотъ молодой человекъ... Баронъ — вы съ нимъ часто видались въ Парижъ?.. А?

Луиза. Нѣтъ, раза три... не болѣе.

Блюмъ, *(ласково, бросая на столъ бумаги и подходя къ ней)*. Не болѣе?!.. а вѣдь я думалъ, что вы съ нимъ очень знакомы?..

Луиза. О, нѣтъ! — а развѣ вы находите, что я съ нимъ слишкомъ фамиллярна?

Блюмъ. Ахъ, что вы это, мамзель Луиза, да я себя никогда и не позволю подобнаго замѣчанія. Какое-же я имѣю право наблюдать за вами.

луиза. (*кратко*). Какъ? — да развѣ я не обязана быть съ вами откровенна?... послѣ отца вы первый, который имѣетъ полное право дѣлать мнѣ замѣчанія... вы другъ семейства, знаете меня съ колыбели...

блюмъ. Да, это правда. (*съ стороны*). Удивительно! — со-всѣмъ стала другая!

луиза. Знаю, что во-мнѣ много недостатковъ, я очень вътре-на, часто капризна, непостоянна...

блюмъ. Э, мамзель Луиза, я вамъ никогда этого не гово-рилъ...

луиза. Мнѣ? — Да, вы были столько деликатны, но я сама это чувствую и рѣшилась исправить.

блюмъ. А!

луиза. Мнѣ это необходимо теперь, когда батюшка, распо-лагаетъ моею рукою, а не я сама... мои капризы, пожалуй, кого нибудь и отговягъ отъ меня, принудятъ отказаться отъ батюш-кина предложенія... а я этого не хочу.

блюмъ. Э! чего не придетъ вамъ въ голову! мамзель Лу-иза.

луиза. Нѣтъ, г. Блюмъ, это вѣрно... И судите сами, ну, если это будетъ тотъ чело-вѣкъ, отъ котораго могло-бы зави-сѣть мое спокойствіе, счастье, котораго даже я бы и сама по-любила...

блюмъ. Вы полюбили-бы?... вы сами?...

луиза. Но вѣдь я это говорю такъ... это одно предположе-ніе. А въ самомъ дѣлѣ, послушайте г. Блюмъ. — Если моло-дая дѣвушка влюблена въ кого нибудь, она одна, у нея нѣтъ ни матери, ни сестры, ни подруги, ни кого, съ кѣмъ-бы могла по-дѣлиться чувствами, кто-бы могъ ей посоветовать, объяснить... и когда въ добавокъ милый ея сердцу даже и не замѣчаетъ ея любви, ему, положимъ, предлагаютъ ея руку, а онъ отказы-вается... что тогда ей дѣлать?... (*сквозь слезы*). Молчать, страдать въ глубинѣ души, глотать слезы и стыдъ...

блюмъ. Ахъ, что вы это, мамзель Луиза?

луиза. Это опять одно только предположеніе. Вы не поду-майте чего нибудь... О, вѣтъ, я очень покойна, мнѣ совер-шенно не объ чемъ печалиться... я неможно пораздумалась о своей будущности, о самой себѣ п... и рѣшилась, какъ можно скорѣе исправить.., Признайтесь откровенно, такая капризная,

какъ я, могла ли быть женою, могла-ли составить счастье мужа?

блюмъ, (*въ сторону*). Ахъ, Господи! — И ко-мнѣ относится съ этимъ... вотъ положеніе-то!

луиза, (*въ сторону*). Кажется онъ тронуть?..

блюмъ, (*такъ же*). Въ самомъ-дѣлѣ, я былъ слишкомъ строгъ къ ней... впрочемъ, отказываясь, я выполнилъ свой долгъ... да и кто могъ ожидать... я-бы принялъ какія-нибудь мѣры...

луиза. Что съ вами, г. Блюмъ?

блюмъ. Со мной? ничего!.. А что?

луиза. Вижу, вы не вѣрите, что моя рѣшительность будетъ серьезна и постоянна... въ самомъ дѣлѣ, я васъ такъ часто обманывала мучила... дѣлала несчастнымъ...

блюмъ. Это правда. Я часто говорилъ самъ себѣ: Господи, Боже мой, за чѣмъ это мамзель Луиза сдѣлалась такая?.. То ли дѣло прежде — она была такая миленькая, скромненькая... А теперь...

луиза. Злая, капризная, несносная.

блюмъ. О, нѣтъ, не то... а... знаете...

луиза. Полноте, г. Блюмъ, я знаю, что вы ко-мнѣ слишкомъ снисходительны и добры... Нѣтъ, я точно была такой, но ужъ не буду больше, даю вамъ честное слово.

блюмъ. Это было-бы чудесно, мамзель Луиза, — и вы навсегда останетесь такой?

луиза. Безъ сомнѣнія, если только вы захотите помочь мнѣ своими совѣтами, знаете, какъ прежде.

блюмъ. Это — какъ мы бывало прогуливались съ вами?

луиза. Да, вечеромъ, на морскомъ берегу.

блюмъ. Тогда вы мнѣ во всемъ признавались.

луиза. И теперь также.

блюмъ. Тогда-то вы и г. Блюмомъ меня не называли, вы мнѣ давали другое имя.

луиза, (*какъ будто не помня*). Другое имя?

блюмъ. Да, а! — вы забыли!

луиза. Можетъ быть...

блюмъ. Нѣтъ, мамзель Луиза, видно прошедшаго не воро- тивъ.

луиза. А почему?

Блюмъ. Нѣтъ!.. Теперь все перемѣнилось! Луиза, (*нѣжно*). Мой добрый другъ!..

Блюмъ, (*съ радостію*). Точно, какъ прежде!.. Только смотрите вы на меня еще ласковѣе прежняго—ей-Богу такъ, мамзель Луиза!.. Господи! вѣдь сей-часъ я былъ печалень, несчастень и, надо признаться, даже скучаль, что вы здѣсь, а теперь!..

Луиза. Что? Бопланъ, (*за кулисами*). Положите, я его пришлю!..

Блюмъ. Вашъ батюшка! (*отходитъ на лѣво къ столу*).

Луиза, (*про-себя*). Вотъ ужъ совсѣмъ не во-время!.. Помышлять — когда онъ можетъ быть хотѣлъ объясниться. Но ничего! это только на нѣсколько часовъ отерочить мое счастье, а тамъ!.. О, какое блаженство!.. Мнѣ кажется, что я его люблю гораздо больше прежняго!..

Я В Л Е Н І Е XII.

Тѣ-же, Бопланъ.

Бопланъ, (*къ Блюму*). Ты еще здѣсь! А капитанъ и баронъ де-Торси ужъ съ часъ дожидаются тебя въ таможи... Чго-жь это ты, помилуй?

Блюмъ. Сейчасъ иду, г. Бопланъ! (*беретъ бумаги со стола*).

Бопланъ, (*къ Луизѣ*). Кстати о баронѣ... Сейчасъ, разговаривая со мною, онъ былъ очень разсвѣянъ... Только и говорилъ, что объ тебѣ... и съ такимъ огнемъ, съ чувствомъ... И знаешь-ли, за-чѣмъ онъ ко-мнѣ опредѣлился?.. Собственно за тѣмъ, чтобъ увѣриться... Слышишь Луиза?.. Э! братъ!.. Да что съ тобой? о чемъ ты задумалась?

Луиза, (*которая все смотрѣла на Блюма*). А? что ты сказалъ, папа? О чемъ я задумалась — нѣтъ, ни о чемъ!

Бопланъ, (*въ сторону*). Это странно!..

Луиза, (*обнимая его*). Папа, милый, добрый папа!

Бопланъ, (*въ сторону, смотря на Луизу*). Что это значить?..

ЛУИЗА. Ты сказалъ, что слышать не будешь и все предоста-
вишь времени.

БОПЛАВЪ. Безъ-сомнѣнія! — Для чего-жъ и напоминать?..

ЛУИЗА. Для того... что недавно сюда...

БОПЛАВЪ. Недавно сюда?..

ЛУИЗА. Явился человекъ...

БОПЛАВЪ (*въ сторону*). Что я слышу!.. (*Луизъ*). Человекъ,
котораго ты ждала?..

ЛУИЗА, (*смотря на Блюма*). О, очень долго и нетерпѣливо!..

БОПЛАВЪ, (*въ сторону*). Нѣтъ больше сомнѣнія—это Баронъ.

ЛУИЗА. Но до времени—никому ни слова... слышишь, папа?..

БОПЛАВЪ. О!.. ни, ни, ни... Божусь тебѣ!.. (*Луиза цѣлуетъ
Боплана и сдѣлавъ знакъ, чтобъ онъ молчалъ, убѣгаетъ къ се-
бѣ въ комнату*).

Я В Л Е Н І Е XIII.

Боплавъ, Блюмъ.

БОПЛАВЪ. У! какой свѣтъ!.. Теперь кончено!.. Но къ че-
му же это путешествіе?.. Съ какою цѣлью?.. А! Это былъ
одинъ предлогъ, чтобъ доставить себѣ входъ въ нашъ домъ...
да, да, это такъ!.. А вѣдь очень замысловато!.. — Да не меня,
старика, обмануть!.. Нѣтъ!.. Ха! ха! ха! Мы старые воробы!..

Блюмъ, (*подходя*). Что новаго г. Боплавъ?

БОПЛАВЪ. Ты наблюдаешь за нею? Ну, что?

Блюмъ. Да вотъ несколько минутъ назадъ, ея характеръ
совершенно перемѣнился... Она сдѣлалась любезна, добра, тиха,
однимъ словомъ, лучше, чѣмъ была маленькой.

БОПЛАВЪ. Несколько минутъ говоришь ты?.. (*про себѣ*). Съ
приѣзда барона. Нынѣшній день Блюмъ удивительно прощаци-
теленъ — сейчасъ замѣтилъ.

Блюмъ, (*про себѣ*). Какъ — бы ему дать понять, что теперь
все перемѣнилось... (*къ Боплану*) Разумѣется, г. Боплавъ...
вмѣстѣ съ ея характеромъ многое перемѣнилось и я...

бопланъ. О, дѣло извѣстное!.. Ужь это ясно!.. Не многое, а все перемѣняется.

блюмъ, *(съ сторону.)* Слава Богу, незапамятенъ, вотъ добрая-то душа!

бопланъ. Но что намъ теперь дѣлать?.. Какъ ты думаешь?

блюмъ. Вѣдь вы хотѣли сами дѣйствовать...

бопланъ. О, да это необходимо! Она сама оставила все на мое усмотрѣніе... Мнѣ одному придется хлопотать.

блюмъ. Да, это правда, вамъ одному!..

бопланъ. Знаешь что. Я хочу самъ сдѣлать ему предложеніе—хорошо?

блюмъ. О, даже очень хорошо!

бопланъ. Ну, а если она-то заупрямится?

блюмъ. О, нѣтъ, не будетъ. Я это вѣрно знаю.

бопланъ. Да мнѣ не хотѣлось-бы и откладывать этого въ долгій ящикъ.

блюмъ. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!

бопланъ. Лучше? И ты такъ думаешь?

блюмъ. Да какъ-же, гораздо лучше!

бопланъ. Ну, хорошо-же! Теперь, кажется, я достигаю своей цѣли и это все чрезъ тебя.

блюмъ. Ахъ, г. Бопланъ!

бопланъ. Да, Блюмъ, черезъ тебя, я и прежде никогда не сомнѣвался въ твоей ко мнѣ привязанности!.. Но нынѣшній день довершилъ все!.. вѣдь мы никогда не разстанемся — да?

блюмъ. О, никогда!

бопланъ. И будемъ жить вмѣстѣ?

блюмъ. До гроба!

бопланъ. Блюмъ!..

блюмъ. Г. Бопланъ!.. *(обнимаются.)*

бопланъ. Идутъ!.. Это баронъ, оставь насъ!

блюмъ, *(про себя.)* Онъ вѣрно теперь хочетъ уволить его отъ службы... Бѣжать, приготовить все къ его отъѣзду... Ну, со всѣмъ было я прозвалъ свое счастье, да слава Богу, все поправилось. *(уходитъ.)*

Я В Л Е Н І Е XIV.

Бопланъ, потомъ Торси.

Бопланъ. Наконецъ, я узналъ героя моего романа... Я могу немножко и пошутить на его счетъ... Но счастливъ онъ, что я самъ слышу скорее это кончить, а то—бы ужъ помучилъ.

Торси. Все готово, г. Бопланъ; и я теперь пришелъ получить отъ васъ довѣренность.

Бопланъ, *(въ сторону,)* Опять!.. Это ужъ слишкомъ!.. *(Торси.)* Послушайте г. де Торси, вѣдь вы заслуживаете доброй брани...

Торси. Какъ?.. За что?..

Бопланъ. Посмотрите на меня?.. Ну, скажите теперь, что есть во мнѣ ужаснаго, страшнаго, чтобъ не быть съ мною вполне откровеннымъ?

Торси. И вы сомнѣваетесь, что я съ вами не откровененъ... Послѣ всего, что вы для меня сдѣлали... Вы обижаете меня, г. Бопланъ!

Бопланъ. Хорошо! Вы мнѣ сказали, что идете ко мнѣ въ прикащика по особеннымъ причинамъ... Теперь я хочу узнать, что это за причины? Не подумайте, что это одно любопытство.. нѣтъ, я принимаю въ васъ живѣйшее участіе.. Ну, говорите—же, минуты дороги, а я хочу знать все!

Торси. Извольте, вѣдь это не тайна!

Бопланъ. Говорите!

Торси. Роковыя страсти были основою моего настоящаго положенія. Опера, англійскія лошади и холостая разгульная жизнь, все это въ какіе нибудь два года, совершенно меня разстроило... Тогда—то, оставшись одинъ въ цѣломъ мірѣ, я почувствовалъ нужду въ другѣ, въ другѣ вѣрномъ, искренномъ... однимъ словомъ, я задумалъ жениться.

Бопланъ, *(съ радостію пожимаетъ ему руку.)* Жениться?.. Прекрасно, молодой человекъ, это дѣлаетъ вамъ честь!

Торси. Вы одобряете мое намѣреніе?

Бопланъ. Одобряю—ли я?.. Да это намѣреніе чудо, въ ваши лѣта, въ лѣта глупостей и удовольствій...

Торси. Да, откровенно сказать, холостая жизнь очень заманчива, да ужъ за то, чего она и стоитъ?.. Въ это время я ни-

сколько не заботился о дѣлахъ и достаточно было двухъ такихъ-лѣтъ, чтобъ привести все въ ужасный безпорядокъ и я всего лишился, осталось у меня въ карманѣ тысячи три лудоровъ—только! Судите сами, какъ можно съ такимъ разстроеннымъ состояніемъ жениться, надо быть совершенно безсовѣстнымъ, чтобъ взять жену для раздѣла бѣдности... Да и можно—ли явиться, какъ жениху—не имѣвши никакого состоянія?

Бопланъ. Ну, оно хоть и правда, однако бываютъ примѣры. торси. Да я—то этого не хочу! Бѣдность жениха худая рекомендація отцамъ семейства! А они обыкновенно очень придерживаются этой статьи, оно и благоразумно! Такъ вотъ это—то самое обстоятельство и заставило меня принять рѣшительныя мѣры, просто, я хочу теперь прилежнымъ трудомъ поправить свое разстроенное положеніе.

Бопланъ. И это самое было побудительной причиною?

торси. Да и привело меня къ вамъ. Другой я не знаю. И повѣрьте, съ моей стороны здѣсь нѣтъ никакого пожертвованія,—рѣшительныя предпріятія, путешествія на край свѣта—это было мечтой всей моей жизни... Очень буду счастливъ, если смогу хоть что нибудь сдѣлать для васъ полезное...

Бопланъ, *(въ сторону.)* И рассказываетъ мнѣ... мнѣ... самому отцу!.. Вотъ чудесно—то!.. *(ему.)* Молодой человекъ! Такая рѣшимость свѣдѣтельствуешь о вашемъ добромъ сердцѣ, я это очень чувствую! Ваша душа идетъ рядомъ съ благородствомъ имени, а это случается не такъ часто!.. Но вы мнѣ еще не все сказали?

торси. Но что—же...

Бопланъ. Вы этого не можете!.. Дѣло понятное, теперь ваше положеніе довольно затруднительно... Я это знаю...

торси, *(въ сторону.)* Что онъ такое говорить?... Я ровно ничего не понимаю.

Бопланъ. Да, знаю и какъ отецъ прекрасной дочери!.. Но вы не подумайте, что я изъ числа тѣхъ отцовъ, которые всегда готовы хвалить своихъ дѣтей... Нѣтъ, сударь, я не краснѣя могу сказать, что дочь моя—сущій ангелъ, образецъ скромности и добродѣтели!

торси. Ахъ! Кому вы это говорите?

Бопланъ. Да, я ужъ знаю, что вы думаете объ этомъ, да, не конфузьтесь... знаю! Ну, такъ я, какъ отецъ прекрасной доче-

ри, послѣ вашего благороднаго признанія, скажу одно: что я совсѣмъ и не думаю о богатствѣ будущаго моего зятя... и нисколько не стану препятствовать....

торси. Что я слышу!.. *(вѣ сторону.)* Вотъ оригиналь!... *(Боплану.)* Какъ г. Бопланъ! я не смѣю и понять...

бопланъ. Смѣйте, мой любезный!

торси. Но вѣдь это почти даетъ мнѣ право надѣяться...

бопланъ. Да ужъ разумѣется.

торси. Возможно-ли!.. *(вѣ сторону.)* Ужъ не съ ума-ли онъ сошелъ!.. *(Боплану.)* Признаюсь вамъ, г. Бопланъ, изъ всѣхъ дѣвицъ, которыхъ мнѣ случалось видать въ Парижѣ, ваша дочь...

бопланъ. Вамъ больше всѣхъ понравилась?

торси. Да! Но это предпочтеніе я таилъ въ глубинѣ сердца, потому, что съ ея стороны не было ничего такого, изъ чего бы я могъ заключить...

бопланъ. Вотъ ужъ это не правда.

торси. Честью васъ увѣряю... Я даже не знаю, замѣтила-ли она, что я къ ней равнодушенъ.

бопланъ. Да какъ-же ей сказать вамъ это, когда вы не спрашивали!

торси, *(вѣ радостью.)* Что вы говорите?..

бопланъ. Ужъ известное дѣло, чтобъ узнать любятъ-ли васъ, надо спросить.

торси. О Боже мой!.. Да, нѣтъ! Это не можетъ быть!

бопланъ. Не можетъ быть? *(понижез голосъ).* Да васъ здѣсь ждали...

торси. *(удивленный)* Ждали?

бопланъ. Да, ужъ сколько времени и даже съ нетерпѣніемъ.

торси. Меня?

бопланъ. Васъ!.. Сію минуту она сама призналась...

торси. Ахъ, Боже-мой!.. Не воснѣ-ли я это все вижу!.. Могъ-ли я ожидать такого счастья!.. Мнѣ право не вѣрится... Но какъ-бы это ни кончилось, я предаю себя во власть вашу.

бопланъ. Хорошо!.. Теперь не должно минуты терять... надо васъ представить ей, какъ жениха... Бѣдняжка, небось теперь борется съ страхомъ и надеждой... Идетъ... ну, къ дѣлу!

торси. Это не сбыточно и невѣроятно... Но я начинаю вѣрять!

ЯВЛЕНІЕ XV.

ТѢЖЕ, Луиза.

ЛУИЗА, (*про себя, не видя ихъ*). Онъ еще не возвращается... Боже-мой! Я такъ этого желаю, что даже не вѣрю... Можетъ быть, я обманулась... и Блюмъ совсѣмъ меня не любитъ, но нѣтъ... онъ такъ обрадовался, когда я назвала его прежнимъ именемъ... Стало-быть, это ему пріятно... впрочемъ Богъ знаетъ!..

БОПЛАНЪ, (*къ Торси*). Я ей скажу... увидите сами, какъ она приметъ это предложеніе! (*къ Луизѣ*). Подойди сюда Луиза... я хочу съ тобой поговорить о томъ, чего ты, какъ сама сказала, очень долго ждала...

ЛУИЗА. О томъ!.. Ну что-же?.. (*смотря на дверь*). А его все еще нѣтъ!..

БОПЛАНЪ. (*къ Торси*). Каково нетерпѣніе!.. (*ей*). Онъ ужъ здѣсь, и даже объяснился...

ЛУИЗА, (*съ радостію*). Точно?.. Ты меня не обманываешь, папа?

БОПЛАНЪ, (*Торси*). Видите-ли?.. (*Луизѣ*). Да, моя милая, здѣсь... (*беретъ за руку Торси*). Вотъ онъ... Баронъ де Торси!

ЛУИЗА, (*съ удивленіемъ*). Баронъ де Торси?.. (*смотритъ на Торси и съ недоумѣніемъ присѣдаетъ*).

БОПЛАНЪ. Я отъ него ничего не требую... Свидѣтель тому Богъ! У него нѣтъ, такъ у меня есть — и это все равно... Ну, онъ проситъ твоей руки?

ЛУИЗА. Ахъ, Боже-мой!.. Да что-жъ это такое!.. Папа вообразилъ, что я... но вѣдь это ужасно!

ТОРСИ, (*къ Боплану*). Кажется, она колеблется... Можетъ быть, ей непріятно?..

БОПЛАНЪ. Э, полноте! — Да это обыкновенное замѣшательство невѣсть... Ну, смѣлѣ!..

ТОРСИ. Я, сударыня... очень хорошо знаю, что такое скорое предложеніе съ моей стороны очень неучтиво и даже дерзко, но вашъ батюшка былъ такъ добръ, что я рѣшился вамъ его сдѣлать... Чувствую, что я еще нисколько не успѣлъ заслужить вашу благосклонность... Но позвольте мнѣ только налягаться, что когда набудь моя преданность и любовь, самая важная...

БОПАНЪ, (*перебивая*). Какъ когда нибудь?— Да это должно кончиться сію же минутой!

ЛУИЗА, (*въ сторону*). Сію же минутой!.. А его нѣтъ!.. Боже мой! что дѣлать?

ТОРСИ, (*Боплану*). Но...

БОПАНЪ. Да, да, сударь, сію-же минутой!.. Я ужъ и такъ довольно ждалъ... и теперь не хочу больше!.. Если вы не рѣшитесь, то я за васъ рѣшу, въ силу тѣхъ правъ, которыя вы оба мнѣ дали... Можно-ли откладывать, когда отъ этого зависятъ счастье ея, мое и, однимъ словомъ, всѣхъ.

ЛУИЗА. Батюшка?..

БОПАНЪ. Да, дитя мое, да, моя милая, это надо кончить?.. (*цѣлуетъ Луизу*). Боже мой! Я и не запомню, чтобъ когда нибудь такъ радовался?.. Побѣгу и объявлю это всему дому! Пусть всѣ веселятся! (*къ Торси*). Теперь, ужъ вамъ не зачѣмъ увѣжать... Надо сыскать другаго на ваше мѣсто... объ этомъ я посоветуюсь съ Блюмомъ... (*Луизѣ*). Ну, Луиза, довольна ли ты?

ЛУИЗА. Папа, мнѣ нужно поговорить съ тобою!..

БОПАНЪ, (*перебивая*). Хорошо, хорошо!.. Послѣ... Мы еще будемъ имѣть время... А вѣдь ты не вѣрила, что я сищу тебя мужа по твоему вкусу... Глупенькая! Да развѣ можетъ что укрыться отъ вѣжности отца! (*уходя къ Торси*). Смотрите, будьте любезны... не мѣшаетъ и приволноваться немного... я сейчасъ возвращусь.

ЛУИЗА, (*стараясь его удержать*). Но, выслушайте меня... Мнѣ нужно...

БОПАНЪ, (*уходя за дверь*). Послѣ, послѣ, душа моя!..

Я В Л Е Н І Е X V I .

Луиза, Торси.

ЛУИЗА, (*въ сторону*). Не слушаетъ — ушелъ!.. Боже-мой! что-же мнѣ дѣлать?.. И этотъ Блюмъ еще не говорилъ ему!.. Право, онъ заслуживаетъ, чтобъ я вышла за другаго... да жалко, мнѣ самой-то не хочется этого... Но чтожъ теперь дѣлать? (*Торси подходитъ къ Луизѣ*). А! этотъ молодой человекъ... сс-

любъ я смѣла... Да почему-же? Вѣдь онъ только нынче въ меня влюбился, слѣдовательно можетъ и разлюбить!..

торси, (*подоше дѣ къ Луизѣ*). Боже-мой!.. Мнѣ не вѣрится— Это мечта! неужели въ самомъ дѣлѣ судьба хочетъ наградить меня такой очаровательной жизнью?!.. Мнѣ, безпріютному сиротѣ, даетъ вдругъ и прекрасную жену и добраго отца!.. О, о подобномъ счастьи я не смѣю и мечтать!

луиза, (*въ сторону*). Ну, вотъ ужъ онъ и очарованъ!

торси. Съ такой подругой можно найти рай и на землѣ!..

луиза, (*съ замѣшательствомъ приспѣвая*). Извините, сударь!..

торси. Что съ вами? Вы, кажется, не разделяете мою радость?..

луиза. Вотъ видите-ли... я не знаю, какъ вамъ объяснить..

торси. Въ нашихъ отношеніяхъ стыдно затрудняться въ объясненіи.

луиза. Я про эти отношенія и хочу вамъ говорить... После всего, что здѣсь произошло . . . быть можетъ, вы меня и не поймете... Но я такъ несчастна, сжалятесь надо мною, помогите мнѣ.

торси. О, Боже-мой! — располагайте мною... даже жизнью... я на все готовъ!

луиза, (*радостно*). О, да!.. Я была въ этомъ увѣрена! — Выслушайте-же меня... я вамъ все скажу...

торси. Ужъ разумѣется все, какъ мужу.

луиза. А вотъ въ этомъ-то все дѣло... вѣдь я не могу за васъ выдти за мужъ... ей-Богу, не могу...

торси. Какъ!.. Но вашъ батюшка...

луиза. Мой батюшка — да! а я — нѣтъ!.. Вы, пожалуйста, не сердитесь на меня... Я думаю вы видели сей-часъ... вотъ здѣсь сидѣлъ молодой человекъ...

торси. Г. Блюмъ?

луиза. Да, онъ. Я съ нимъ вмѣстѣ, воспитывалась, выросла на его глазахъ... и онъ меня любитъ... Сей-часъ, какъ вы со мной разговаривали, онъ былъ самъ не свой... Такъ грустно смотрѣлъ на меня... Если я выду за другаго, онъ будетъ несчастенъ на всю жизнь, даже, можетъ быть, умереть съ горя... Теперь вы, надѣюсь, сами видите, что я изъ состраданія къ человечеству не могу быть вашею женою.

торси. А, такъ вотъ что!.. Да, вы правы! Брагодарю васъ за откровенность, постараюсь оправдать вашу довѣренность... Успокойтесь, я никогда не пользовался чужою собственностью и г. Блюмъ не умретъ съ горя. (*Блюмъ входитъ растроенный, съ досадою растворяетъ двери*).

луиза. Ахъ, Боже мой! это онъ!

Я В Л Е Н І Е XXII.

ТѢЖЕ, Блюмъ.

блюмъ, (*про себя*). Въмѣст!.. Такъ это правда!.. Несчастнѣйшій Блюмъ!.. Извините мамзель... или лучше мадамъ... Вижу, что вашъ батюшка не обманулъ меня... Дай Богъ вамъ счастья!.. Я пришелъ васъ поздравить и проститься.

луиза. Какъ проститься?

блюмъ. Да-съ, проститься, потому что черезъ десять минутъ я сяду на Меркурія и улѣву въ Индію.

луиза. Вы хотите отъ насъ уѣхать г. Блюмъ?...

блюмъ. Да, хочу-съ!.. Вы выходите замужъ за г. Торси, стало быть ему и ѣхать туда нельзя, а прикащикъ нуженъ, я ужъ написалъ объ этомъ вашему батюшкѣ, просилъ его убѣдительно, чтобъ онъ меня туда отправилъ.

луиза. Да для чего-же вамъ такъ хочется?

блюмъ. Гм!.. Для чего!.. Для того, что тамъ я буду жить одинъ, никого не увижу и буду счастливъ!.. вотъ для чего!.. Да зачѣмъ вы меня спрашиваете, мамзель Луиза, какъ будто вамъ меня жалко! Я знаю, что мой отъездъ необходимъ для вашего счастья... Прощайте сударыня! (*идетъ*).

луиза. г. Блюмъ! —останьтесь! Я этого хочу!

блюмъ, (*про себя, остановясь*). Она этого хочетъ!.. Притворщица!..

луиза, (*подходя къ Торси*). Видите-ли, что съ нимъ?.. Я надѣюсь на однихъ васъ.

блюмъ, (*про себя*). Вотъ для чего меня остановила!..

торси, (*въ сторону*). Въ самомъ дѣлѣ, бѣдный!.. Онъ-же полюбилъ прежде меня.

луиза. Вы не захотите съзвать меня несчастной?..
 торси. О, можете-ли вы это думать!..
 луиза. А если согласитесь на то, чего я отъ васъ требую, то я вамъ буду вѣчно благодарна, вы во-мнѣ найдете всегда вѣрнаго друга.

торси. Я постараюсь это заслужить! (*съ сторону*). Если я теперь устрою бракъ двухъ любовниковъ, то это когда-нибудь поможетъ и моему счастью!.. Вашу руку, г. Блюмъ!

блюмъ. Нѣтъ, ужъ зачѣмъ — же г. де Торси, я простой прикащикъ, а вы баронъ!.. (*махнувъ рукой.*) Уйти лучше!.. (*идетъ къ дверямъ.*)

луиза, (*къ Торси.*) Время дорого, поспѣшите!

торси. Сію минуту увѣжаю... (*Блюму.*) Оставайтесь зѣсь пни слова!.. (*Блюмъ подходитъ; Торси обращаясь къ обоимъ.*) Когда ворочусь, то желаю найти васъ совершенно счастливыми; другой награды не хочу! Прощайте! (*уходитъ.*)

Я В Л Е Н І Е XVIII.

Луиза, Блюмъ.

блюмъ. Что это онъ сказалъ, когда ворочусь?..

луиза. Да, онъ увѣжаетъ.

блюмъ. Куда это?

луиза. Въ Индію.

блюмъ. Въ Индію?.. Онъ ѣдетъ въ Индію, тогда, какъ я сейчасъ написалъ г. Боплану, что я самъ поѣду? Нѣтъ ужъ мачто-же, я никогда не былъ обманщикомъ (*идетъ къ двери.*) Милостивый государь, остановитесь.

луиза, (*удерживая его.*) И другой тула-же!.. Останетесь — ли вы, г. Блюмъ?!..

блюмъ. Да какъ-же мнѣ остаться, мамзель Луиза! За что-жъ онъ займетъ мое мѣсто!..

луиза. Большая бѣда!.. Ну, а вы займите его...

блюмъ. Какъ его?

луиза. Ну да, его!.. Ахъ, какой у васъ дурной характеръ, г. Блюмъ, къ чему быть такимъ скрытнымъ?.. Ну, скажите са-

ми, чтобы съ нами было, еслбѣ я не имѣла головы за двухъ. Наладили одно: поѣду въ Индію, поѣду въ Индію!.. Ну, да поѣжайте!.. Кто вамъ мѣшаетъ, а я выду за мужъ за г. Торси...

блѹмъ. Ну, а я тогда умру съ гора!

луиза, (съ нампреніемъ.) Не умрете!..

блѹмъ. Анъ умру, ей Богу, умру!..

луиза, (также.) Да отъ чего это, скажите пожалуйста?

блѹмъ. Отъ того... что я васъ люблю, мамзель Луиза, и всегда любилъ... не сердитесь на меня, право это дѣлалось такъ, что я и самъ не замѣчалъ, я очень виноватъ передъ вами, мамзель Луиза! (Луиза протягиваетъ руку Блѹму.) Что это, Боже мой! (Блѹмъ хватаетъ у Луизы руку и цѣлуетъ.) Это значить, что и вы? (падаетъ на колѣна) Мамзель Луиза!

луиза, (про себя.) Наконецъ!.. Ну, не безъ труда — же!.. (входитъ Бопланъ.)

блѹмъ. Вашъ батюшка!.. (присѣдаетъ, Луиза закрываетъ его собою.)

Я В Л Е Н І Е XIX.

ТѢЖЕ, БОПЛАНЪ.

бопланъ, (въ дверяхъ.) Бѣжать скорѣй! Остановить его!.. Я не хочу и слышать, чтобъ онъ уѣхалъ, надо сойти съ ума, чтобъ вздумать такіа глупости.

луиза. Что онъ?

бопланъ, (не видя Блѹма, Луизы.) Представь, Блѹмъ написалъ мнѣ сейчасъ, что онъ тебя любить и потому захотѣть отсюда уѣхать... Каково безумство?.. (слышитъ пушечный выстрѣлъ.) Ну! это сигналъ съ корабля! онъ отравился конечно!.. Ахъ, несчастный!.. Теперь, когда мы съ нимъ свидимся... (у видя его.) Что я вижу?..

блѹмъ, (растерявшись.) Это я, г. Бопланъ!

бопланъ. На колѣнахъ передъ Луизой?.. А баронъ... мой нареченный зять?

луиза. Онъ теперь въ открытомъ морѣ.

вопланъ. Въ открытомъ морь?.. (показывая на Блюма.) А онъ?

луиза. Онъ остался.

вопланъ. Остался? А! такъ Блюмъ?..

луиза. Ну, да!

вопланъ. Да для чего-жь не сказали мнѣ этого прежде?

луиза. Отъ того, что не было время...

вопланъ. Ну, слава Богу, теперь кончено!.. А этого бѣднаго барона мнѣ право жаль! Въ открытомъ морь тогда, какъ за минуту... А вѣдь все надѣлалъ самъ Блюмъ, онъ посовѣтовалъ мнѣ вмѣшаться въ это!..

луиза. И ты сердился на него?..

вопланъ. О, нисколько! (беретъ за руку Блюма.) Я его истинно люблю, это мой самый вѣрный другъ и съ настоящей минуты сынъ самый любезный!.. (Луизъ.) Ну, скажи мнѣ теперь, точно ли это онъ, чтобъ опять не ошибиться?

луиза. (обнимая его.) Да, милый папа!

вопланъ, (къ Блюму, показывая на Луизу.) Она — ли?

блюмъ. Ахъ, Господи! Да къ чему-жь и спрашивать!

вопланъ. Ну, когда нѣтъ больше недоразумѣвій, то я васъ нынѣшній вечеръ и обвѣнчаю.

блюмъ и луиза. Боже мой! Какое счастье!..

вопланъ. Да, дѣти мои, теперь наше счастье несомнѣнно... (Блюму.) Ты будешь мужемъ! (къ Луизъ.) Ты женою, а я отцомъ самымъ счастливымъ!.. Но помните одно: въ — жизни надо быть очень осторожнымъ и осмотрительнымъ... часто мы затрудняемся тамъ, гдѣ нѣтъ никакихъ препятствій, вотъ напримеръ, какъ нынче — вся бѣда была отъ того, что плохо обвѣнчались.

К о н е ц ъ .

ПАНТЕОНЪ
ТЕАТРОВЪ.

МЩЕНИЕ.

Разсказъ Александра Дюма.

Долину Дофине, гдѣ возвышается Картезіанскій монастырь, можно сравнить съ самымъ мрачнымъ горнымъ проходомъ Швейцаріи. Тоже богатство природы; тѣже роскошныя растѣнія, тотъ же величественный видъ; только дорога, извиваясь также круто по скату горъ, какъ и въ Альпахъ, болѣе удобна и почти вездѣ имѣетъ около 4-хъ футовъ ширины. Въ продолженіе дня съ нами не встрѣтилось ни какой опасности и мы счастливо пролѣзли путь нашъ. Наконецъ, настала ночь съ жестокою бурей. На вопросъ, гдѣ бы намъ укрыться отъ наступающей грозы? проводникъ отвѣчалъ, что на дорогѣ нѣтъ ни одной хижины; Картезіанскій монастырь находился на полѣ дороги отъ насъ. И такъ должно было продолжать наше путешествіе.

Остальная дорога была ужасна: пошелъ дождь и темнота еще болѣе увеличилась. Наша спутница оперлась на руку проводника, Леморкъ взялъ мою и, мы пошли за ними, ширина дороги не позволяла намъ идти рядомъ. Направо находилась пропасть, глубины которой мы не знали; на днѣ ея клокоталъ ручей. Ночь была такъ темна, что мы не могли различить дороги, по которой шли, и только по временамъ молнія освѣщала предъ нами бѣлое платье нашей дамы, служившее намъ путеводителемъ. Прибавьте къ этому раскаты грома, повторяемые эхомъ и увеличивающіе шумъ. Все это можно было принять за предзнаменованіе страшнаго Суда.

Наконецъ, колоколъ возвѣстилъ намъ близость убѣжища. Спустя полъ-часа, молнія освѣтила предъ намъ въ нѣсколькихъ шагахъ величественныя, древнія стѣны Картезіанскаго монастыря. Внутри его, кромѣ звука колокола, небыло слышно ни малѣйшаго шума, ни въ одномъ изъ пятидесяти оконъ главнаго фасада небыло огня. Казалось, что этотъ древній монастырь былъ оставленъ людьми и населенъ нечистыми духами.

Мы позвонили, явился монахъ и предложилъ войти; но едва замѣтилъ онъ даму, бывшую съ нами, тотчасъ затворилъ ворота, какъ будто нечистая сила въ образѣ женщины, пришла посѣтить монастырь. Картезіанцамъ запрещено принимать путешественницъ. Однажды женщина была ввѣдена въ ихъ монастырь въ мужскомъ платьѣ и, они узнавъ потомъ, что правила ихъ нарушены, освятили всѣ комнаты и кельи, въ которыя она входила. Одно только разрѣшеніе Папы, можетъ открыть двери монастырскія врагу рода человѣческаго. Сама герцогиня Беррійская въ 1829 году, должна была прибѣгнуть къ этому средству, чтобы посѣтить Картезіанцевъ.

Мы были въ большомъ замѣшательствѣ, вдругъ двери снова отворились, явился монахъ съ фонаремъ и повѣлъ насъ во флигель, на разстояніи 50-ти шаговъ отъ монастыря, назначенный для принятія путешественницъ, которыя, незная строгихъ правилъ учениковъ св. Брюно, придуть просить гостепримства въ монастырь.

Никогда я не встрѣчалъ созданія болѣе въжливаго и смиреннаго, какъ Жанъ-Марія, бѣдный монахъ, служившій намъ проводникомъ. Обязанность его состояла въ томъ, чтобы принимать путешественниковъ, прислуживать имъ и показывать монастырь. Сперва онъ предложилъ намъ по нѣсколько ложекъ напитка, приготовляемаго монахами для отогрѣнія путниковъ, оцѣпенѣлыхъ отъ холода и дождя. Въ самомъ дѣлѣ, дѣйствіе этого напитка было могущественно: едва мы приняли его по нѣскольку капель, у насъ загло внутренность и мы, какъ сумасшедшіе, начали бѣгать по комнатамъ, прося воды. Я думаю, еслибы отцу Жанъ-Марія пришла мысль приблизить въ это время къ нашему рту свѣчу, мы извергли-бы пламя, какъ Какусъ.

Между тѣмъ, въ огромномъ очагѣ запылалъ огонь и столъ покрылся молокомъ, хлѣбомъ и масломъ. Картезіанцы не только сами всегда постятся, но даже и путешественниковъ заставляютъ слѣдовать ихъ примѣру.

Едва мы окончили нашъ умеренный ужинъ, забла-

говѣстили къ заутрени. Я спросилъ у отца Жанъ-Марія: могу-ли я ее слушать. Хлѣбъ и Слово Божіе равномѣрно принадлежать всѣмъ христіанамъ, отвѣчалъ онъ. Я пошелъ въ монастырь.

Быть можетъ, я принадлежу къ числу людей, на которыхъ вишніе предметы имѣютъ большое вліяніе; и мнѣ кажется, между этими предметами, въ особенности религіозные памятники, производятъ на меня сильное впечатлѣніе. Картезіанскій монастырь имѣетъ мрачный характеръ, жители его представляютъ единственный духовный орденъ: пощаженный во Франціи революціей. Здѣсь заключается все, что намъ осталось отъ вѣрованія нашихъ отцевъ. Въ странѣ невѣрія, это единственное убѣжище, гдѣ сохранилась религія. Въ XV вѣкѣ было 400 Картезіанцевъ, теперь не болѣе 27. И какъ въ продолженіи послѣднихъ шести лѣтъ, число ихъ неприбыло, кромѣ двухъ послушниковъ, перенесшихъ тягости испытанія, то очевидно, что по мѣрѣ того, какъ смерть будетъ опустошать кельи, орденъ все болѣе и болѣе будетъ клониться къ упадку. И ежели умершіе не будутъ замѣнены новоприбывшими, тогда самый младшій изъ братій, пережившій другихъ и чувствуя приближеніе смерти, запретъ изънутри дверь монастыря и живой ляжетъ въ могилу, имъ вырытую, ибо на другой день не будетъ человѣка, кто бы могъ его похоронить.

Я не принадлежу къ разряду путешественниковъ восхищающихся тѣмъ только, на что имъ укажетъ проводникъ, или тѣхъ, которые выказываютъ притворныя чувства при видѣ людей и мѣстностей, заранѣе увлекшихъ ихъ вниманіе. Нѣтъ! я вполне представилъ читателямъ мои впечатлѣнія. Быть можетъ разсказъ мой будетъ слабъ, но я пишу то, что самъ испыталъ. Въ концѣ готическаго, длиною въ 800 шаговъ, коридора вдругъ створилась дверь и въ ней показался картезіанецъ, съ бѣлою бородою, одѣтый по правиламъ св. Брюно въ платье, на которомъ восемь вѣковъ неизмѣнили ни одной складки; онъ шелъ важно и спокойно подъ сводами, закоптѣвшими отъ времени, среди слабаго свѣта, бросаемаго лампадою. Спереди и сзади была темнота. Никогда не испытывалъ я подобнаго ощущенія; никогда сердце мое не билось такъ сильно, какъ при этомъ видѣ. При его приближеніи ноги мои ослабли, я палъ на колѣна; онъ замѣтилъ меня, приблизился съ видомъ добродушія и, возложивъ на мою приклоненную голову руку, сказалъ: я благословляю тебя, сынъ мой, если ты въ-

руешь; и еще благословляю, когда ты и не вступишь. Пусть смѣется, кто хочетъ; но въ эту минуту, благословеніе это я неотдалъ бы за всѣ блага міра.

Когда онъ удалился, я приподнялся и пошелъ за нимъ въ церковь. Тамъ новое зрѣлище меня ожидало.

Все бѣдное общество, состоящее изъ 16 отцевъ и 11-ти братій, находилось въ небольшой церкви, внутренность которой тускло освѣщалась лампадой, прикрытой чернымъ покровомъ. Одинъ картезіанецъ служилъ заутреню, другіе слушали не сидя, не на колѣнахъ; но распростершись ницъ на мраморномъ полу. Отброшенные назадъ капишоны открывали ихъ голыя и обритыя головы. Тутъ были молодые люди и старики. Сюда они стеклись, влекомые различными чувствами: одни вѣрою, другіе несчастіемъ, тѣ страстями, тѣ, быть можетъ, преступленіемъ, у иныхъ виски бились, какъ будто огонь пылалъ въ ихъ жилахъ; другіе, казалось, едва чувствовали обращеніе остывшей крови — и всѣ они молились. О! я увѣренъ, исторія каждаго изъ этихъ людей была бы чрезвычайно занимательна.

При окончаніи заутрени, я попросилъ позволеніе осмотрѣть монастырь, желая его видѣть во время ночи и опасаясь, чтобы съ наступленіемъ дня неизмѣнилось настроеніе, въ которомъ я тогда находился.

Отецъ Жанъ-Марія взялъ лампаду, мнѣ предложилъ другую и мы начали нашъ осмотръ съ коридоровъ. Я уже сказалъ, что коридоры эти безконечны; длина ихъ равняется длинѣ церкви Св. Петра въ Римѣ. Въ нихъ находится 400 келій. Въ прежнія времена всѣ онѣ были заняты, теперь 373 пусты. Надъ каждою кельею начертана любимая мысль отшельника: его собственная, или заимствованная изъ какого нибудь св. писателя. Вотъ нѣсколько изъ нихъ, которыя мнѣ показались замѣчательными:

Amor qui semper ardes et nunquam extingueris.

Acuende me totum igne tuo.

Dans la solitude Dieu parle au coeur de l'homme.
Et dans le silence, l'homme parle au coeur de Dieu.

Fuge, late, tace!

A la faible raison garde-toi de te rendre,
 Dieu t'a fait pour l'aimer et non pour le comprendre.

—
 Une heure sonne, elle est déjà passée.

Мы вошли въ одну изъ келій. Монахъ, жившій въ ней, умеръ назадъ тому пять дней. Устройство келій одинаково: въ каждой находится по двѣ лѣстницы, одна для восхожденія въ верхній этажъ, другая для низхожденія. Въ верхнемъ этажѣ маленькій чердакъ, въ нижнемъ свѣтлая комната, близъ которой кабинетъ для занятій. Книга осталась открытою на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ монахъ читалъ ее въ послѣдній разъ. Это была исповѣдь св. Августина. Спальня смѣжна съ первою комнатою. Мебель, состояла изъ на-
 лоя, кровати съ соломеннымъ тюфякомъ, прикрытая про-
 стынею.

Въ нижнемъ этажѣ мастерская, съ орудіями токарными или слесарными. Каждый картезіанецъ можетъ ежедневно употребить два часа времени на какую нибудь ручную работу и часъ на обработываніе маленькаго садика, примыкающаго къ мастерской. Одно только это развлеченіе имъ и дозволяется.

Возвращаясь обратно, мы осмотрѣли главную залу. Тамъ висятъ портреты всѣхъ начальниковъ ордена, отъ св. Брюно, основателя, (*) умершаго въ 1101 до Инокентія Моссона, умершаго въ 1703 и отъ него до Іоанна-Баптиста Морса теперешняго начальника, рядъ портретовъ оканчивается. Въ 92 году, во время опустошенія монастырей, картезіанцы удалились изъ Франціи, каждый унесъ съ собою по портрету: потомъ они возвратились и принесли портреты; умершіе во время эмиграціи такъ распорядились, что залоги, имъ ввѣренныя, не затерялись. Теперь коллекція совершенно полна.

Оттуда мы пошли въ столовыя, ихъ двѣ: одна для братьей, другая для отцевъ. Картезіанцы ѣдятъ съ деревянныхъ тарелокъ и пьютъ изъ глиняныхъ сосудовъ съ двумя ручками, чтобы можно было поднимать обѣими руками, какъ это дѣлали первые христіане. Тарелки имѣютъ форму чернилицы: въ срединѣ находится супъ, по сторонамъ огородныя овощи и рыба, единственная пища имъ дозволенная.

(*) Основаніе ордена относится къ 1084 году.

Отець Жанъ-Марія спросилъ меня, нежелаю ли я осмотрѣть кладбище. Онъ думалъ, что ночь отклонитъ меня отъ этого намѣренія; но она еще болѣе подстрѣкала мое любопытство. Я принялъ предложеніе, но едва онъ отворилъ дверь въдушю на кладбище, какъ вдругъ останоуился, схватилъ меня за руку и указалъ на картезіанца, роющаго себѣ могилу. При этомъ видѣ я остался на время неподвиженъ, потомъ спросилъ тихо у моего проводника: могу ли я говорить съ этимъ человѣкомъ? — Ничто этому немѣшаетъ, отвѣчалъ онъ. Я просилъ его удалиться, если это возможно. Просьба моя принесла ему большое удовольствіе; онъ былъ чрезвычайно утомленъ. Оставшись одинъ, я не зналъ, какъ начать разговоръ съ гробоконателемъ; при моемъ приближеніи онъ замѣтилъ меня и, обратясь въ мою сторону, оперся на заступъ, ожидая моего вопроса. Замѣшательство мое увеличилось. Долже сохранять молчаніе было-бы смѣшно.

«Вы заняты, отецъ мой, сказалъ я ему, печальною работою въ такое позднее время; мнѣ кажется, что послѣ изнуренія тѣла и дневныхъ трудовъ, вамъ бы лучше употребить на отдыхъ, время, остающееся отъ вашихъ молитвъ, тѣмъ болѣе, отецъ мой, прибавилъ я съ улыбкою, видя, что онъ еще молодъ, вамъ не къ чему спѣшить вашею работою.

— Сынъ мой, сказалъ мнѣ монахъ печальнымъ голосомъ, здѣсь не всегда старики умираютъ первые, злѣе не по числу лѣтъ открывается могила, и когда моя будетъ вырыта, быть можетъ, Богъ благословитъ меня сойти въ нее.

— Извините меня, отецъ мой, сказалъ я, хотя въ душѣ я и набоженъ, но мало знакомъ съ правилами и святыми постановленіями. Я могу обмануться въ словахъ, но мнѣ кажется, что отчужденіе отъ міра, предписываемое вашимъ уставомъ, не должно влѣчь за собою желаніе оставить этотъ міръ.

— Человѣкъ воленъ въ своихъ дѣйствіяхъ; но не въ желаніяхъ, отвѣчалъ картезіанецъ.

— Ваше желаніе слишкомъ мрачно, отецъ мой.

— Оно согласно съ моимъ сердцемъ.

— Вы много страдали?

— Я страдаю всегда.

— Я думалъ, одна тишина господствуетъ въ этомъ жилище.

— Угрызеніе проникаетъ повсюду.

Я съ большимъ вниманіемъ началъ вглядываться въ

этого челоуѣка, и узналъ въ немъ того, котораго видѣлъ во время заутрени, разпростертаго на полу и плачущаго. Онъ меня также узналъ.

— Вы были сегодня у заутрени? сказалъ онъ.

— Если не ошибаюсь, недалеко отъ васъ, не правдали?

— Вы слышали мои стоны?

— Я видѣлъ, что вы плакали.

— Что вы подумали въ то время обо мнѣ?

— Что Богъ ежалился надъ вами, ибо онъ послалъ вамъ слезы.

— Да, я чувствую, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ мнѣ ниспосланы, страданія мои уменьшились.

— Не пробовали вы смягчить ваши печали, повѣряя ихъ кому нибудь изъ братій?

— Каждый здѣсь носить бремя, соразмѣрное силамъ, прибавьте постороннее горе и онъ изнеможетъ.

— Однакожь, это бы васъ облегчило.

— И я тоже думаю.

— Есть что-то такое, продолжалъ я, въ пожатіи руки, въ сердцѣ челоуѣка, сожалеющаго о насъ....

Я сжалъ ему руку; онъ отнялъ ее, скрестилъ объ на груди и глядѣлъ на меня, какъ будто желая въ глазахъ моихъ прочесть мои мысли.

— Участіе ли это, или нескромность? сказалъ онъ, отъ доброты ли это, или изъ пустаго любопытства?

Грудь моя сжалась.

— Вашу руку, отецъ мой, въ послѣдній разъ, и прощайте.

Я удалился.

— Послушайте, произнесъ онъ, останавливая меня. Если васъ Богъ привелъ ко мнѣ, я не отдаю васъ. Я былъ бы несправедливъ, еслибы отвергнулъ утѣшеніе, мнѣ предлагаемое. Вы слышали для несчастнаго то, что въ продолженіи шести лѣтъ никто ему недѣлалъ — вы ему пожалели руку — благодарю; вы ему сказали: для облегченія несчастій, должно ихъ повѣрить кому нибудь и, чрезъ это самое вызвались выслушать мои несчастія. Теперь, не прерывайте меня въ срединѣ разсказа и неговорите довольно! Слушайте до конца; я чувствую необходимость излить все, что такъ долго хранилось въ сердцѣ. Потомъ, когда я кончу мой разсказъ, тотчасъ отправляйтесь, нестараясь узнать моего имени, и не сказывая своего; вотъ все, что я отъ васъ требую.

Я общалъ. Мы съѣли на развалившемся памятникѣ одного изъ начальниковъ ордена. Картезіанецъ подперъ на время руками голову, при этомъ движеніи капишонъ упалъ назадъ. Предо мною былъ молодой человекъ, съ черною бороδοю и пылающими глазами; жизнь отшельника изсушила его; онъ былъ блѣденъ, это отнимало у него много красоты; но физіономія его выигрывала. Предо мною была голова Джаура, созданная моимъ воображеніемъ, при чтеніи стиховъ Лорда Байрона.

— Для васъ бесполезно, сказалъ онъ, знать въ какой странѣ я родился и жилъ. Происшествіе о которомъ я буду говорить случилось семь лѣтъ назадъ; тогда мнѣ было 24 года. Я происхожу отъ хорошей и богатой фамиліи. По выходѣ изъ училища я вступилъ въ свѣтъ, съ твердымъ характеромъ, съ пламенною головою, съ страстнымъ сердцемъ и съ убѣжденіемъ, что человеку съ рѣшительною волею и золотомъ ничто не въ силахъ долгое время сопротивляться. Первые мои успѣхи утвердили меня еще болѣе въ этомъ мнѣніи.

Въ началѣ весны 1825 года, генералъ М. купилъ помѣстье, сосѣднее съ помѣстьемъ моей матери. Генерала я встрѣчалъ въ обществѣ, когда онъ еще былъ холостой. Это былъ человекъ важный и суровый, привыкшій на полѣ сраженій считать людей за единицы, а женщинъ за нули. Я думалъ, что онъ женился на вдовѣ какого нибудь маршала, чтобы разсуждать съ нею о битвахъ при Маренго и Аустерлицѣ и мало ожидалъ удовольствія отъ этого сосѣдства.

Генералъ приѣхалъ къ моей матери съ визитомъ и представилъ ей свою жену. Она была божественное созданіе.

Вы, вѣрно знаете свѣтъ, знаете его смѣшные предрасудка, его правила чести, которыя заставляя почитать богатаго сосѣда, доставлять ему удовольствіе, позволяютъ похитить жену его — его блаженство. При видѣ г-жи М. я забылъ характеръ ея супруга, его 50 лѣтъ, славу, увѣщавшую его, когда мы еще были въ колыбели, 20 ранъ, имъ полученныхъ, когда мы еще питались молокомъ кормилицъ; я забылъ его преклонныя лѣта, его отчаянье, забылъ безчестіе, которымъ готовился отравить остатокъ славной его жизни. Я забылъ все, исключая одного — желанія обладать Каролиною.

Я уже сказалъ, что помѣстья генерала и моей матери были смѣжныя. Это послужило предлогомъ нашихъ частыхъ

свиданій. Генералъ подружился со мною и я, не благодарный къ дружбѣ старика, видѣлъ въ ней только средство для похищенія сердца его жены.

Каролина была беременна и генералъ гордился будущимъ своимъ наслѣдникомъ болѣе, чѣмъ выигранными имъ сраженіями. Онъ любилъ жену свою, какъ дочь. Она съ своей стороны была для него все, чѣмъ можетъ только быть жена; онъ ни въ чемъ не могъ упрекнуть ее, хотя и не былъ счастливъ. Я внимательно наблюдалъ это расположеніе чувствъ, и отъ меня, какъ отъ человека, заинтересованнаго, не скрылось ни малѣйшаго оттѣнка. Я увѣрился, что г-жа М. не любитъ своего мужа. Между тѣмъ, мнѣ казалось страннымъ, что она принимала мои услуги вѣжливо, но холодно. Она не искала встрѣчи со мною, равноуѣрно и не избѣгала ея; доказательство, что встрѣча эта не была ей пріятна, и не внушала опасенія. Глаза мои, безпрестанно обращенные на нее, встрѣчались съ ея глазами, когда случайно, за фортепіано или за работою, она ихъ поднимала. Мнѣ казалось, что взглядъ мой потерялъ тотъ могущественный блескъ, который прежде Каролины замѣчали нѣкоторыя женщины.

Такимъ образомъ прошло лѣто. Желанія мои обратились въ дѣйствительную любовь. Холодность Каролины была смертельнымъ вызовомъ, я принялъ его со всею горячностію моего характера. Недовѣрчивая улыбка, съ которою она принимала первыя слова моего объясненія, заставила меня замолчать. Я рѣшился писать къ ней. Вечеромъ я завернулъ письмо въ ея шитье и на другой день, говоря съ генераломъ, внимательно наблюдалъ, какъ она принималась за работу. Я видѣлъ, какъ она развернула ее, посмотрѣла на адресъ письма и безъ смущенія положила въ карманъ; только непримѣтная улыбка мелькнула на ея устахъ.

Въ продолженіе дня я замѣчалъ, что она желаетъ говорить со мною и всячески избѣгалъ ея. Вечеромъ она со многими дамами работала за круглымъ столомъ. Генералъ читалъ газеты, я сидѣлъ въ темномъ углу, откуда, не будучи примѣченъ, могъ наблюдать за нею. Каролина искала меня глазами въ залѣ и, наконецъ, подозвала къ себѣ.

—Сдѣлайте одолженіе, сказала она; нарисуйте мнѣ двѣ готическія буквы: С. и М. для моего платка.

—Съ большимъ удовольствіемъ.

—Но мнѣ нужно сейчасъ. Подите сюда; она попросила

одну даму, уступить мнѣ мѣсто; я сѣлъ; она дала мнѣ перо.

—Мнѣ надобно бумаги.

—Извольте, сказала она, предлагая письмо, завернутое въ англійскій конвертъ. Я думалъ, что это былъ отвѣтъ, хладнокровно открылъ конвертъ и узналъ мое письмо. Въ продолженіе этого времени, она встала и хотѣла уйти. Я ее остановилъ.

—Вы мнѣ дали, сударыня, письмо, адресованное на ваше имя, сказалъ я, протягивая къ ней руку. Для меня достаточно будетъ конверта, чтобы нарисовать вамъ буквы.

Она, видя, что супругъ ея поднялъ глаза, поспѣшно подошла ко мнѣ, взяла письмо изъ рукъ моихъ, посмотрѣла на адресъ и съ равнодушіемъ сказала:

—Ахъ, да! это письмо отъ маменьки.

Генераль снова началъ читать французскій вѣстникъ, я принялся рисовать; г-жа М. вышла.

Быть можетъ эти подробности вамъ наскучили, сказалъ мнѣ картезіанецъ, останавливаясь; и вы, быть можетъ, удивляетесь, слыша ихъ отъ человѣка, носящаго это платье и роюшаго себѣ могилу. Сердце послѣднее разстаетъ съ землею, память послѣ всего покидаетъ сердце.

—Эти подробности занимательны, сказалъ я, потому-что они истинны. Продолжайте.

—На другой день, генераль разбудилъ меня въ 6 часовъ утра; онъ былъ въ охотничьемъ платьѣ и предложилъ съ нимъ охотиться.

При первомъ видѣ, его нечаянное появленіе испугало меня; но его спокойствіе, голосъ, сохранившій всегдашнюю доброту, меня успокоили. Я принялъ предложеніе, и мы отправились.

Мы разсуждали объ различныхъ предметахъ. Прибывъ въ назначенное мѣсто—остановились, чтобы зарядить ружья.

Въ продолженіе этого занятія, генераль глядѣлъ на меня внимательно; взоръ этотъ смутилъ меня.

—О чемъ вы думаете, генераль? спросилъ я.

—Я думаю, отвѣчалъ онъ, что вы слишкомъ глупы, что влюбились въ мою жену.

Можете представить, какое дѣйствіе произвели на меня эти слова.

—Я, генераль? отвѣчалъ я съ удивленіемъ.

—Да, вы. Не думаете ли заператься?

—Генераль! я вамъ клянусь....

— Не лгите! Ложь непростительна благородному человѣку.

— Но кто вамъ сказалъ это?

— Кто? Вотъ славно. Разумѣется жена.

— Г-жа М.?

— Не скажете-ли вы, что она обманывается? Смотрите, вотъ письмо, которое вы вчера къ ней писали. Онъ показалъ мнѣ письмо. Потъ выступилъ у меня на лбу. Генераль, видя, что я не рѣшаюсь взять этого роковаго письма, скомкалъ его въ рукахъ и прибилъ имъ зарядъ.

Ковчивъ это, онъ положилъ мнѣ руку на плечо. Ужели все, что вы писали справедливо? сказалъ онъ. Таковы ли въ самомъ дѣлѣ ваши страданія, какъ вы ихъ описываете? Справедливо ли, что дни и ночи ваши отравлены? скажите мнѣ откровенно.

— Могъ ли бы я безъ этого оправдаться передъ вами?

— Хорошо, сынъ мой, продолжалъ онъ обыкновеннымъ голосомъ. Когда такъ, вамъ должно ѣхать, оставить насъ, путешествовать по Италиі или Германіи и не прежде возвратиться, пока не излечитесь.

Я протянулъ ему руку. Онъ сжалъ ее дружески.

— И такъ это рѣшено? сказалъ онъ.

— Да, генераль, я ѣду завтра.

— Если вы имѣете нужду въ деньгахъ или въ рекомендательныхъ письмахъ....

— Благодарю.

— Послушайте! не сердитесь на меня за это предложеніе. Я его вамъ дѣлаю, какъ сыну. Такъ вы отказываетесь? Хорошо! Отправимся на охоту и перестанемъ объ этомъ говорить.

Въ десяти шагахъ поднялась куропатка; генераль встрѣдился по ней и я видѣлъ мое письмо, дымившееся въ кустахъ.

Въ пять часовъ мы приблизились къ замку. Я хотѣлъ проститься съ генераломъ, но онъ пригласилъ меня къ себѣ.

— Господа, сказалъ онъ, войдя въ залу. Вотъ молодой человѣкъ, который пришелъ съ вами проститься, онъ завтра ѣдетъ въ Италию.

— Ахъ! неужели вы насъ оставляете? сказала Каролина, оставляя работу. Взоры наши встрѣтились; она спокойно выдержала двѣ или три секунды мой взглядъ и снова принялась за работу.

Всѣ разсуждали о столь неожиданномъ отъѣздѣ и уди-

влялись, что накануне я не говорилъ ничего объ немъ; но никто не угадалъ истинной причины.

Г-жа М. благосклонно пригласила меня отобѣдать.

Вечеромъ я простился со всѣми. Генераль проводилъ меня до дверей парка. Разставаясь съ нимъ, я чувствовалъ къ женѣ его болѣе ненависти, чѣмъ любви.

Я путешествовалъ цѣлый годъ. Видѣлъ Неаполь, Римъ, Венецію. Я удивлялся, чувствуя, что страсть, которую я считалъ вѣчною, день ото дня становилась слабѣе. Наконецъ, я привыкъ на нее смотрѣть, какъ на тысячи подобныхъ происшествій въ жизни молодаго человѣка, о которыхъ воспоминають только отъ времени до времени и наконецъ совершенно забываютъ.

Я возвратился во Францію. Прибывъ въ Гренобль, мы условились съ молодымъ человѣкомъ, съ которымъ познакомился я во Флоренціи, посѣтить Картезіанскій монастырь. И такъ я увидѣлъ домъ этотъ, въ которомъ живу уже шесть лѣтъ. И тогда я сказалъ Емануелю (имя моего товарища), что если бы я зналъ, во время моей любви, объ этомъ монастырѣ, я сдѣлался бы монахомъ.

Возвратясь въ Парижъ, я нашелъ моихъ прежнихъ знакомыхъ и возобновилъ жизнь, которую велъ до знакомства съ г-жею М. Мнѣ казалось, что все прошедшее было не болѣе, какъ сновидѣніе. Мать моя, послѣ моего отъѣзда изъ деревни, соскуча тамъ, продала ее и купила домъ въ Парижѣ.

Въ столицѣ я встрѣтился съ генераломъ; онъ былъ чрезвычайно мною доволенъ и предложилъ мнѣ засвидѣтельствовать мое почтеніе его женѣ. Я согласился, будучи увѣренъ въ моемъ равнодушіи; но войдя въ ея комнату, я почувствовалъ легкій трепеть. Генеральши не было дома. Волненіе мое было такъ маловажно, что я нисколько объ немъ не беспокоился.

Спустя нѣсколько дней, я встрѣтилъ генерала съ женою въ паркѣ, на поворотѣ одной аллеи. Избѣжать этой встрѣчи было бы неловко; незнаю, зачѣмъ боялся я встрѣтиться съ г-жею М.

Я приблизился къ нимъ. Каролина мнѣ показалась лучше, чѣмъ была предъ моимъ отъѣздомъ. Тогда она была въ началѣ беременности и это ее тяготило; между тѣмъ, теперь съ возвращеніемъ здоровья, возвратилась и свѣжесть.

Она мнѣ сказала благосклонно нѣсколько словъ, чего прежде не случалось; протянула ко мнѣ руку и я, при

прикосновеніи къ ней, почувствовалъ, что она дрожала въ моей рукѣ. Дрожь пробѣжала по моему тѣлу, я посмотрѣлъ на нее, она опустила голову. Я удержалъ мою лошадь и поѣхалъ возлѣ нея шагомъ.

Черезъ нѣсколько дней, генералъ съ женою хотѣлъ ѣхать въ деревню и пригласилъ меня посѣтить ихъ. Я отказался. Каролина обратилась ко мнѣ: пріѣзжайте, сказала она. До тѣхъ поръ, я не зналъ ея голоса; я ничего не отвѣчалъ и ѣхалъ въ глубокой задумчивости. Это не была уже та женщина, которую я видѣлъ назадъ тому годъ.

Она обратилась къ мужу.

—Онъ опасается соскучиться у насъ. Уполномочте его привезти съ собою одного или двухъ друзей, съ этимъ, быть можетъ, онъ согласится.

—Пожалуй, отвѣчалъ генералъ, онъ въ этомъ совершенно воленъ. Вы согласны? сказалъ онъ мнѣ.

—Благодарю, генералъ, сказала я, самъ не зная, что говорю; я далъ уже обѣщаніе....

—Кого же вы предпочли намъ? сказала Каролина; это забавно. Слова эти она сопровождала взглядомъ, за который годъ назадъ я отдалъ бы жизнь мою.

Я согласился.

Въ Парижѣ я часто встрѣчалъ того молодаго человѣка, съ которымъ познакомился во Флоренціи. Наканунѣ моего отъѣзда, онъ пришелъ ко мнѣ и спросилъ, куда я ѣду? Скрывать отъ него я не имѣлъ никакой причины. Ахъ! сказалъ онъ; это странно; надобно жъ случиться, что я не могу быть съ вами.

—Вы знаете генерала?

—Нѣтъ. Одинъ изъ моихъ друзей хотѣлъ меня представить ему, но уѣхалъ въ Нормандію, для полученія наслѣдства, доставшагося ему отъ какого-то дяди. Это тѣмъ болѣе для меня неприятно, что тамъ мы могли бы провести вмѣстѣ время чрезвычайно весело.

Тогда я вспомнилъ предложеніе генерала привезти съ собою одного изъ друзей.

—Желаете вы ѣхать со мною? сказалъ я Емануэлю.

—Имѣете ли вы позволеніе на это?

—О! безъ сомнѣнія.

—Въ такомъ случаѣ, я согласенъ.

—Хорошо! будьте готовы завтра въ 8 часовъ; я жду за вами.

Къ часу мы прибыли въ замокъ генерала. Дамы нахо-

дились въ паркѣ ; намъ указали мѣсто , гдѣ онъ прогуливались и мы тотчасъ ихъ отыскали.

Мнѣ казалось, что Каролина, примѣтивъ насъ , поблѣднѣла. Она сказала мнѣ нѣсколько словъ съ волненіемъ, въ чемъ я не могъ ошибиться. Генеральъ принялъ Емануеля дружески, но жена его съ холодностію.

—Видите-ли, сказала она мужу, указывая незамѣтно на Емануеля, они нуждались только въ нашемъ позволеніи. Впрочемъ, я ему вдвойнѣ благодарна.

Прежде, чѣмъ я успѣлъ отвѣчать ей, она обратилась къ другому и начала говорить съ нимъ.

Этотъ худой пріемъ былъ мгновеньемъ, и я ему болѣе радовался, чѣмъ печалился. За столомъ я сѣлъ подлѣ Каролины, въ ней неосталось ни малѣйшаго слѣда упрямаго расположенія. Она была прелестна.

Послѣ кофе, генеральъ предложилъ прогуляться въ паркѣ. Я предложилъ мою руку Каролинѣ, она ее приняла. Въ ней было какое-то безсиліе, расслабленіе, что италіянцы называютъ *morbidenza*, названіе невыразимое на нашемъ языкѣ.

Что касается до меня я былъ безъ ума отъ счастья. Страсть, для которой прежде нужно было цѣлый годъ, чтобъ усилиться; теперь, въ продолженіе одного дня зажгла мою душу. Никогда не любилъ я Каролину такъ пламенно, какъ теперь.

Въ слѣдующіе дни она не измѣнила со мною обращенія, только избѣгала разговора на одинъ. Въ этой предосторожности я видѣлъ новое доказательство ея слабости и еще болѣе возгордился.

Генеральъ долженъ былъ по одному дѣлу ѣхать въ Парижъ ; когда онъ сказалъ объ этомъ женѣ, мнѣ казалось, радость блеснула въ ея взорахъ ; и я сказалъ самъ себѣ : О! благодарю, Каролина, благодарю ! Это отсутствіе твоего мужа для тебя пріятно, потому что оно доставитъ тебѣ свободу. О! для насъ всѣ часы, всѣ минуты, всѣ секунды этого отсутствія.

Генеральъ уѣхалъ послѣ обѣда. Мы проводили его до конца аллеи. Каролина, при возвращеніи, по обыкновенію, оперлась на мою руку. Она едва могла держаться на ногахъ. Грудь ея тяжело волновалась, дыханіе было жгучее. Я ей говорилъ о моей любви, она не обижалась. Потомъ, когда уста ея запрещали мнѣ продолжать ; глаза ея были

такъ томны, что она не могла придать имъ выраженія, которое гарманировало бы съ словами.

Вечеръ прошелъ, какъ сонъ. Я не знаю, во что они играли, знаю только, что я былъ возлѣ нея, что при каждомъ ея движеніи, волосы ея касались моей щеки и моя рука двадцать разъ встрѣчала ея руку. Огонь пылалъ въ моихъ жилахъ.

Время было удалиться. Къ моему счастью не доставало только, чтобы Каролина произнесла тѣ слова, которыя я повторялъ ей 20 разъ шопотомъ: я люблю тебя, я люблю.... Весело и гордо вошелъ я въ мою комнату, какъ будто бы былъ царь всего міра. Завтра, завтра, быть можетъ, самое лучшее созданіе, самый лучший алмазь рудниковъ челоуѣчества, Каролина, будетъ моею. Вся радости неба и земли были въ этихъ двухъ словахъ.

Какъ безумный я ихъ повторялъ, ходя по комнатѣ... я задышался...

Я бросился въ постель, и не могъ спать; снова всталъ и отворилъ окно. Ночь была прелестная, небо блистало звѣздами, воздухъ былъ благовоненъ — все было прекрасно и счастливо, какъ и я. Счастіе неразлучно съ прекраснѣйш.

Я думалъ, что эта тишина, эта ночь, это молчаніе успокоятъ меня, тамъ находится тотъ паркъ, гдѣ мы ежедневно гуляли.... въ аллеяхъ я могъ отыскать слѣды ея маленькой ножки; я могъ облобызать мѣсто, гдѣ она сидѣла. Я бросился изъ комнаты.

На всемъ пространномъ фасадѣ замка, два окна были только освѣщены. Это была ея комната. Я прислонился къ дереву и устремилъ глаза на ея занавѣсы.

Я увидѣлъ ея тѣнь.... она еще не спитъ; быть можетъ, какъ меня, и ее беспокоитъ, сожигаетъ мысль о любви. О! Каролина, Каролина!

Она была неподвижна и, казалось, слушала; вдругъ бросилась къ двери, примыкающей почти къ окну. Другая тѣнь появилась подлѣ ея.... головы ихъ прикоснулись одна къ другой.... Свѣтъ исчезъ.... я вскрикнулъ.... грудь моя сжалась....

Я думалъ, что зрѣніе меня обмануло, я думалъ, что все это былъ—сонъ. Я остался неподвиженъ, устремя глаза на эти мрачныя занавѣски, которыхъ взоръ мой не могъ проникнуть.

Монахъ взялъ мою руку и сжалъ ее. Ахъ! сказалъ онъ мнѣ, ревновали ли вы когда?

—Вы ихъ убили? сказалъ я ему....

Онъ засмѣялся судорожно, прерывая смѣхъ вздохами; потомъ вдругъ приподнялся, скрестилъ руки на головѣ и нагнувшись назадъ, испустилъ невнятный крикъ.

Я всталъ и поддержалъ его.

—Посмотримъ, посмотримъ, сказалъ я ему, мужайтесь!

—Я такъ любилъ эту женщину!... за нее я отдалъ бы жизнь мою до послѣдняго издыханія, кровь до послѣдней капли, душу мою до послѣдней мысли!... Женщина эта погубила меня въ этомъ мѣрѣ и въ будущемъ, ибо я умру, думая о ней, а не о Богѣ. Въ продолженіе шести лѣтъ, какъ я заключилъ себя въ этотъ гробъ, надѣясь, что смерть, обитающая здѣсь, убьетъ мою любовь, не прошло дня, чтобы я не терзался на полу моей кельи; не было ночи, чтобы весь монастырь не слышалъ моихъ криковъ. Зачѣмъ терзанія тѣла не въ силахъ унять этого бѣшенства души? Онъ отдернулъ одежду и показалъ мнѣ подъ власяницу изтерзанную грудь.

—Посмотрите внимательно, сказалъ онъ мнѣ.

—И такъ вы ихъ убили! произнесъ я.

—О! я сдѣлалъ гораздо хуже, отвѣчалъ онъ. Одно средство оставалось, чтобы прояснить мои сомнѣнія — ждаъ, если возможно, до разсвѣта въ корридоръ, въ которомъ находилась дверь въ ея комнату и замѣтить, кто оттуда выйдетъ.

Незнаю, сколько времени ждалъ я. Отчаянье и радость не считаютъ часовъ. Востокъ заблѣлся, дверь отворилась, я услышалъ голосъ Королины и, хотя она говорила тихо, но эти слова не ускользнули отъ моего слуха.

— Прощай, мой милый Емануель, до завтра.

Потомъ дверь затворилась. Емануель прошелъ подлѣ меня; я незнаю, какъ онъ не услышалъ біенія моего сердца! о! Емануель! Емануель!

Я вошелъ въ свою комнату и упалъ на полъ, перебирая, ірискивая въ головѣ все роды мщенія. Я звалъ все адъ на помощь... и увѣренъ, что онъ услышалъ, внялъ моему колѣнію. Я остановился на одной мысли и казалось успокоился.

Меня позвали къ завтраку. Каролина стояла передъ зеркаломъ, переплетая свои волосы каприфолями. Я остановился подлѣ нея; вѣроятно, я былъ слишкомъ блѣденъ, ибо она замѣтя въ зеркалѣ мою голову подлѣ своей, вздрогнула и обратилась.

— Что съ вами? сказала она,

— Ничего—я худо спалъ.

— А что причиной вашей бессонницы? прибавила она, смѣясь.

— Письмо, полученное мною вчера вечеромъ и призывающее меня въ Парижъ.

— На долго?

— На день.

— День скоро пройдетъ.

— Это и годъ и часъ.

— Къ какому разряду вы причисляете вчерашній?..

— Между днями счастья, какъ и въ цѣлой жизни, есть предѣлъ, гдѣ счастье, немогши болѣе увеличиться, начинаетъ уменьшаться, Древніе, когда достигали этого предѣла, бросали какія нибудь драгоценности въ море, чтобы умилостивить злое божество. Думаю, что вчерашній день я поступилъ бы весьма хорошо, еслибы послѣдовалъ ихъ примѣру.

— Вы ребенокъ, сказала она, предлагая мнѣ руку, чтобы идти въ столовую. Емануеля небыло; онъ съ-утра отправился на охоту. О! они были слишкомъ осторожны, опасаясь даже взглядомъ измѣнить себя.

Послѣ завтрака, я попросилъ Каролину дать мнѣ адресъ музыкальнаго магазина, говоря, что желаю купить нѣкоторые романы. Она взяла лоскутокъ бумаги, написала адресъ и вручила мнѣ его. Этого только мнѣ и нужно было.

Вмѣсто того, чтобы взять экипажъ, я приказалъ осѣдлать лошадь; мнѣ нужно было спѣшить. Каролина вышла на крыльцо, посмотреть на мой отъѣздъ; до тѣхъ поръ, пока она могла меня видѣть, я вхалъ шагомъ; но едва достигъ перваго поворота, я пустилъ лошадь во весь опоръ и пролетѣлъ въ два часа десять миль.

Прибывши въ Парижъ, я пошелъ къ банкиру моей матери и взялъ у него 80,000 франковъ. Оттуда отправился я къ Емануелю на квартиру и спросилъ камердинера; мнѣ его прислали, я заперъ за нимъ дверь и сказалъ ему:

— Томъ! желаешь-ли имѣть 20 т. франковъ? Томъ выпучилъ на меня глаза.

— 20 т. франковъ! сказалъ онъ.

— Да, 20 тысячъ.

— Желаю-ли я ихъ имѣть? разумѣется—желаю.

— Быть можетъ, я ошибаюсь, продолжалъ я, но мнѣ

кажется, что ты за половину этой суммы сдѣлалъ бы дѣло, гораздо хуже того, которое я тебѣ предложу.

Томъ усмѣхнулся.

— Вы меня обезкураживаете, сказалъ онъ.

— Нѣтъ! я тебя знаю.

— И такъ говорите.

— Слушай!—Я вынулъ изъ кармана адресъ, данный мнѣ Каролиною, и показалъ ему. Господинъ твой получалъ письма этого почерка?

— Получалъ, сударь.

— Гдѣ они хранятся?

— Въ его письменномъ столѣ.

— Я желаю имѣть всѣ эти письма. Вотъ тебѣ 5,000 франковъ задатку, когда принесешь мнѣ письма, получишь остальные 15 тысячъ.

— Гдѣ я могу васъ сыскать?

— Я буду дома.

Черезъ часъ Томъ явился.

— Вотъ они, сказалъ онъ, подавая мнѣ пукъ писемъ.

Сравнивъ почерки и найдя ихъ одинаковыми я отщиталъ Тому 15 т. франковъ; и когда онъ ушелъ, заперъ за нимъ дверь. Цѣною золота достались мнѣ эти письма; теперь я отдалъ бы кровь мою, чтобы эти письма были писаны ко мнѣ.

Емануель любилъ Каролину уже два года. Онъ зналъ ее, когда она еще была дѣвицею. По выходѣ ея замужъ онъ уѣхалъ, получа отъ нея доказательство страстной любви. До сей поры трудность представиться генералу мѣшала имъ видѣться. Но однажды, какъ уже я сказалъ, я встрѣтилъ генерала съ женою въ лѣсу и она избрала меня для прикрытiя своей любви. И мнѣ было суждено свести ихъ. Это вниманiе, эти заботы, самая даже нѣжность ко мнѣ клонились только къ тому, чтобы отвести подозрѣнiе генерала, который послѣ признанiя, сдѣланнаго ему нѣкогда женою, немогъ и недоуженъ былъ меня опасаться.

— Вы видите, интрига была ведена искусно; и я былъ слишкомъ глупъ и недогадливъ. Но теперь наступила моя очередь.

Я написалъ къ Каролинѣ:

«Сударыня. Вчера въ 11-ть часовъ я былъ въ саду и видѣлъ, какъ Емануель вошелъ къ вамъ; сегодня въ четыре часа утра я былъ въ корридорѣ и видѣлъ, какъ онъ вышелъ

отъ васъ. Часть назадъ я купилъ за 20 т. фр. у Тома вашу переписку съ его господиномъ!»

Генералъ неранѣе двухъ или трехъ дней долженъ былъ возвратиться въ замокъ, и я былъ увѣренъ, что письмо мое не попадетъ въ его руки.

На другой день, въ 11-ть часовъ утра, Емануель, блѣдный и покрытый пылью, вошелъ ко мнѣ въ комнату. Онъ засталъ меня на кровати, такъ, какъ я легъ наканунѣ; ни на минуту немогъ я сомкнуть глазъ въ продолженіе всей ночи. Онъ подошелъ ко мнѣ.

— Вы безъ сомнѣнія знаете, что меня привело сюда? сказалъ онъ.

— Предполагаю; отвѣчалъ я.

— Вы имѣете письма, адресованныя ко мнѣ.

— Да.

— Вы должны мнѣ возвратить ихъ.

— Нѣтъ.

— Что вы думаете съ ними дѣлать?

— Это мое дѣло.

— Вы не согласны?

— Не согласенъ.

— Не принуждайте меня назвать васъ именемъ, которое вы заслужили.

— Вчера я былъ шпионъ; сегодня воръ; это я сказалъ самъ себѣ, прежде васъ.

— Но если я вамъ повторю?

— Это ваша добрая воля.

— И такъ, вы мнѣ дадите удовлетвореніе и безъ этого?

— Безъ сомнѣнія.

— Сію минуту?

— Тотъ — часъ.

— Но это будетъ дуэль безъ пощады, дуэль на смерть, я вамъ говорю напередъ.

— Надѣюсь, что вы мнѣ позволите сдѣлать мои распоряженія, они будутъ коротки. Я позвонилъ, вошелъ мой камердинеръ; это былъ человекъ испытанной честности, на котораго я могъ положиться.

— Иосифъ! я стрѣляюсь съ этимъ господиномъ и очень вѣроятно, что онъ убьетъ меня. Говоря это, — я подошелъ къ письменному столу и открылъ ящикъ. Тотчасъ, какъ найдешь меня мертвымъ, продолжалъ я, письма эти отнеси къ генералу М.; а 10 т. франковъ, что найдешь въ ящикѣ — твою; вотъ ключъ.

Я заперъ столъ и отдалъ ключъ Іосифу, который поклонясь вышелъ; тогда я обратился къ Емануелю.

— Теперь я къ вашимъ услугамъ, сказалъ я ему. Емануель былъ блѣденъ, какъ смерть; потъ выступилъ у него на лбу.

— Вашъ поступокъ безчестенъ, сказалъ онъ.

— Я это знаю.

— Онъ приблизился ко мнѣ.

— Послушайте, если вы меня убьете, возвратите, по крайней мѣрѣ, эти письма Каролинѣ.

— Это будетъ зависѣть отъ нея.

— Посмотримъ, что должна она сдѣлать, чтобы получить ихъ?

— Она должна сама придти за ними.

— Сюда?

— Да.

— Со мною?

— Одна.

— О! никогда.

— Не спѣшите отвѣчать за другихъ.

— Она на это несогласится.

— Быть можетъ. Возвратитесь въ замокъ и посоветуйтесь вмѣстѣ. Я вамъ даю три дня сроку.

Онъ немного подумалъ и бросился изъ комнаты.

На третій день Іосифъ доложилъ мнѣ, что женщина подъ вуалемъ желаетъ со мною говорить. Я приказалъ принять. Это была Каролина; я указалъ ей на стулъ, самъ остался, стоя передъ нею.

— Видите, сказала она, я пришла.

— Съ вашей стороны было бы неблагоразумно не придти.

— Я пришла, надѣясь на ваше снисхожденіе.

— Въ этомъ вы ошиблись.

— Вы не возвратите мнѣ эти несчастныя письма?

— Съ однимъ условіемъ.

— Съ какимъ?

— О! вы его отгадали.

Она завернула голову въ занавѣски окна, разстерявшись, какъ женщина въ отчаяніи. Она поняла по звуку моего голоса, что я неумолимъ.

— Послушайте, сударыня, продолжалъ я, мы оба играли въ занимательную игру: у васъ болѣе тонкости, у меня силы; я выигралъ партію, умѣйте-же ее проиграть.

Она вздрогнула и зарыдала.

— О! ваши слезы и отчаяніе не тронуть меня. Вы захотѣли изсушить мое сердце и успѣли въ этомъ.

— Но если я, сказала она дамъ клятву предъ алтаремъ никогда болѣе не видать Емануеля.

— Не клялись ли вы предъ алтаремъ быть вѣрными генералу?

— Какъ? неужели на этихъ только условіяхъ я могу получить мои письма?... ни золото, ни кровь...

— Ничто.

— Она освободила свою голову изъ занавѣски и устремила на меня взглядъ свой. Эта блѣдная головка, съ глазами полными гнѣва, съ разбросанными локонами, рисуясь на красной драпировкѣ, была превосходна.

— О! сказала она, сжавъ зубы: о! вашъ поступокъ жестокъ!

— А что вы скажете о вашемъ мужѣ? Я ѣздилъ цѣлый годъ, чтобы разсѣять мою любовь — и я достигъ этого, я возвратился во Францію, чувствуя къ вамъ одно уваженіе. Мои мученія прошли, неоставивъ послѣ себя слѣдовъ. Я искалъ другой любви; и снова васъ встрѣтилъ. Теперь уже не я, но вы искали меня. Вы разшевелили пепелъ моего сердца, дыханіемъ своимъ старались раздуть искру погасшаго огня. Потомъ, когда онъ снова запылалъ, когда вы видѣли его въ моемъ голосѣ, въ глазахъ, въ жилахъ къ чему я вамъ годился? къ чему былъ полезенъ? Чтобы ввести къ вамъ въ домъ челоуѣка, вами любимаго и подъ моимъ плащомъ скрыть вашу преступную связь. И я слѣпецъ! я это сдѣлалъ. Но и вы слѣпцы! вы не думали что мнѣ стоитъ только приподнять покровъ и весь міръ васъ увидать,.. Да, сударыня, отъ васъ зависитъ, чтобы я это сдѣлалъ или нѣтъ.

— Но, я васъ не люблю.

— Я и не требую отъ васъ любви.

— Это будетъ насиліе!

— Называйте, какъ вамъ угодно.

— О! вы не такъ жестоки, какъ притворяетесь! Вы скалитесь надъ женщиною, которая у ногъ вашихъ!—Она бросилась къ моимъ ногамъ.

— Имѣли ли вы сожалѣніе ко мнѣ, когда я былъ у вашихъ ногъ?

— Но я женщина, а вы мужчина.

— Развѣ я менѣе чувствовалъ?

— Я васъ умоляю, возвратите мнѣ эти письма, именемъ Бога! Именемъ любви, которую вы питали ко мнѣ.

— Она погасла.

— Именемъ того, что вамъ драгоценнѣе всего въ мірѣ!

— Я ничего не люблю болѣе.

— Хорошо! дѣлайте, что вамъ угодно съ этими письмами, сказала она поднимаясь, но ваши желанія неисполнятся. И она вышла изъ комнаты.

— Я вамъ даю сроку до 10 часовъ завтрашняго дня, кричалъ я ей вслѣдъ, пять минутъ долѣе и будетъ поздно.

На другой день, въ половинѣ десятаго Каролина вошла въ мою комнату.

— Вотъ я предъ вами, сказала она.

— Хорошо.

Спустя четверть часа я подошелъ къ письменному столу и, не выбирая, взялъ изъ него одно письмо и вручилъ ей..

— Какъ, сказала она, одно?

— Другія вы получите подобнымъ образомъ, сударыня; вы можете приходить за ними, когда вамъ угодно. —

— И она приходила? вскричалъ я, прерывая монаха.

— Два дня сряду.

— На третій день?

— Ее и Емануеля нашли мертвыми.

Ан. Климовичъ.

но въ свѣтъ, который и ее научить кокетству, покрайней мѣрѣ, теперь еще ей незнакому»

Такъ, или почти такъ, разговаривали между собою офицеры ***скаго полка, на другой день послѣ бала въ домѣ отца Машиньки, или Марьи Николаевны Самариной, составлявшей предметъ ихъ восторговъ. Николай Петровичъ Самаринъ былъ одинъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ въ уѣздѣ, гдѣ квартировалъ полкъ: онъ и самъ когда то служилъ въ военной службѣ, но вышелъ въ отставку, не дослуживъ до штабъ-офицерскихъ эполей, женился по сосѣдству, овдовѣлъ, отдалъ десятилѣтнюю дочь свою въ губернской пансіонъ, гдѣ она находилась урочные шесть лѣтъ, бывая дома въ лѣтніе каникулы. Николай Петровичъ ѣздилъ въ губернской городъ — брать ее изъ пансіона и самъ отвозилъ ее, что, впрочемъ, было для него очень кстати, потому что случалось какъ разъ во время лѣтней и осенней губернскихъ ярмарокъ. Это было самою дальнею повѣздкой Николая Петровича, потому что сосѣди его, къ которымъ иногда ѣзжалъ онъ, жили невдалекѣ отъ него — какойнибудь часъ, другой, ѣзды, не болѣе. Прочее время Николай Петровичъ хозяйничалъ, и хозяйничалъ славно, безъ лишнихъ затѣй, но за то съ вѣрнымъ расчетомъ и умѣньемъ пользоваться обстоятельствами. Жилъ онъ нерасточительно, но и не скупо, а разъ въ годъ задавалъ, какъ говорится, пиръ на весь міръ: это бывало обыкновенно 21-го ноября, въ день именинъ его дочери, — и день этотъ былъ изъ числа памятныхъ дней въ году для всего уѣзда. Въ этомъ году праздникъ былъ великолѣпнѣе всѣхъ предыдущихъ годовъ, потому что это былъ вмѣстѣ и день совершеннолѣтія именинницы. Шестнадцать лѣтъ — блистательная пора для дѣвушки вообще, а для хорошенькой въ особенности. А Машинька была, дѣйствительно, хороша собой: безъ особенныхъ характерическихъ прелестей, не будучи, даже, красавицею, какъ обыкновенно понимаютъ это слово, Машинька имѣла въ фizioноміи, въ фигурѣ, и въ самихъ позахъ что-то столь граціозно-наивное и вмѣстѣ привлекательно-пріятное, что невольно останавливался на ней

даже мимолетный взгляд... Особенно же очаровательна была Машинька на балъ... Балъ — это ея стихія... И точно, она веселилась такъ искренно, что не только бывала сама счастлива, но и другихъ счастливила своей веселостью... Пора безотчетнаго увлеченія, золотая пора, когда мы радуемся, не спрашивая самихъ себя, чему мы радуемся? — когда мы печалимся, не стыдясь нашей печали! — Дорожите этой порой, вы, которыхъ жизнь еще золотить она своимъ волшебнымъ цвѣтомъ... Очарованіе исчезнетъ — и вы ничѣмъ уже не возвратите ни одной минуты изъ этой обалтательной поры... Вообще, балъ этотъ былъ какъ всѣ балы. Въ частности-же, это былъ тотъ родъ баловъ, какіе даютъ наши зажиточные помѣщики, умѣющіе жить, въ свои семейные праздники. И здѣсь, какъ на всякомъ балѣ, много было усталыхъ ногъ и языковъ, много было несвободныхъ головъ и слишкомъ свободныхъ кармановъ, много было подавленныхъ и столько же разрушенныхъ надеждъ, много было несчастливенныхъ вниманіемъ фортуны; но не менѣе было огорченныхъ самолюбій и честолюбій, разбиженныхъ гордостей, подавленныхъ себлюбій!... Но и довольные и недовольные, сливаясь въ одну массу, были покрайней мѣрѣ всѣ довольны гостепріимствомъ хозяина... Всѣхъ же болѣе изъ гостей былъ въ восхищеніи отъ этаго бала... а вотъ сейчасъ узнаете!

Было уже за полночь; а дружеская бесѣда офицеровъ, изъ которой кое-что слышали вы въ началѣ этого разсказа, не умолкала. Перелегая отъ предмета къ предмету, она болѣе или менѣе сосредоточивалась на одномъ и томъ же пунктѣ: на похвалахъ «прелестной Машиньки», какъ называли ее офицеры. Шутки, остроты, легкія эпиграммы, лились рѣкою вмѣстѣ съ виномъ, порождавшемъ ихъ. Потокъ колкостей и дружескихъ насмѣшекъ наиболѣе обращался на одного изъ присутствовавшихъ, который не принималъ участія въ общей веселости, какъ бы погруженный въ размышленіе о чемъ-то сильно занимавшемъ его. Это былъ Владиміръ Андреевичъ Радиславскій.

«Что же милой Владиміръ, неужели въ самомъ дѣлѣ

тебѣ такъ приглянулась эта голубоокая, что ты и не товарищ намъ? Ты вѣдь былъ славный малой... Впрочемъ, Амуръ и Вакхъ не въ разладѣ. Пей!.. Ну, тостъ, прелестной Машинькѣ!» провозгласилъ одинъ изъ его товарищей, Александръ Сергѣевичъ Лазуринъ.

Мечтатель, опорожнивъ предложенный ему бокаль, замѣтилъ однакожь, что болѣе пить не станетъ; — и вскорѣ удалился изъ общества товарищей, которые, увлекшись новой интересной матеріей дружеской бесѣды, незамѣтили его ухода.

Нужно ли досказывать?

И онъ любовь узналъ душой

Съ ея небесною отрадой,

Съ ея мучительной тоской!

Любовь точь-въ-точь духовное электричество: мгновенно, какъ оно, любовь дѣйствуетъ на душу нашу и съ такою жъ силой, какъ электричество на тѣлесный организмъ нашъ. Проводниками бываютъ сердце и глаза. Юная душа, чуждая предразсудковъ, эгоизма и мелкихъ мірскихъ страстишекъ самобытною личнаго сознанія, носить въ себѣ зародышъ этой могучей, благотворной, но вмѣстѣ и опаснѣйшей силы: одиень взглядъ милой, одно выраженіе страсти кипучей — и душа, исполненная этого огня небеснаго, не принадлежитъ уже себѣ; личность ея терлется въ сознаніи победы надъ собой другой личностію. Вотъ любовь, и обыкновенно любовь первал!

Во все продолженіе вечера Владиміръ слышалъ отъ Машиньки лишь нѣсколько самыхъ обыкновенныхъ балныхъ фразъ; но взглядъ ея огненныхъ глазъ, какимъ сопровождались они, но ея голосъ, выразившій ихъ, слишкомъ быстро и сильно зажгли въ душѣ Владиміра тотъ животворный огонь, который былъ у него первою любовью. Но это было болѣе нежели любовь: совершенное уничтоженіе его личности, мгновенно переселившей всѣ заветныя его думы, весь пылъ его чувствъ, всю самобытность его характера въ ощущеніе любви — этотъ

привѣтъ небесъ, улыбка ангеловъ чистой душѣ ювоши... И какъ сладка была для него эта улыбка, какъ горько всякое сомнѣніе во взаимности! Но то и другое непреложный удѣлъ любви: то и другое испыталь Владиміръ въ равной степени.

Прошла уже недѣля отъ роковаго для Владиміра вечера, а сердце его не имѣло привѣта. Но онъ былъ, этотъ привѣтъ: и какъ мила въ невинной простотѣ своей была онъ, невѣдомый Владиміру!...

Вотъ что писала Машинька къ подругѣ своей, дочери одного значительнаго чиновника въ губернскомъ городѣ:

«О, почему ты не съ нами, милая Вѣринька; почему ты не могла быть свидѣтельницей восторговъ самыхъ чистыхъ, самыхъ безкорыстныхъ вѣрной твоей подруги? — Чувствую, что радость моя разцвѣла бы еще больше отъ твоего присутствія. — Никогда еще не встрѣчала я такъ печально дня моего ангела, какъ третьяго дни, зная, что ты далеко отъ меня, мой ангельчикъ; но и никогда я не оканчивала его такъ весело, какъ въ этотъ разъ. Прости меня, подруга души моей; прости меня хоть за мою къ тебѣ откровенность: въ эти минуты я позабыла даже о тебѣ, добрая Вѣринька. Теперь ты можешь представить себѣ, каково мнѣ было... Да, я была болѣе, нежели счастлива: но какъ мгновенно было мое счастье!... Не стану тебѣ на этотъ разъ описывать ни самаго бала, ни моего наряда (о, какъ бы ты любовалась мною, моя милочка: я право, сама себя не узнавала, глядя въ зеркало); довольно тебѣ знать, что сверхъ всегдашнихъ гостей нашихъ на этомъ праздникѣ, у насъ было столько офицеровъ стоящаго по сосѣдству ***скаго полка, столько говорю тебѣ, какъ я еще въ жизнь мою не видала... И ты удивишься! представь себѣ, я только танцевала съ двумя или тремя (и то для приличія); а на другихъ и не глядѣла, хотя всѣ они были одинъ другаго лучше и мои подруги безпрестанно бѣсались, когда видѣли, что они подходили ангажиро-

вать прежде меня и только послѣ моего отказа просили ихъ. — Писать ли далѣе? Боюсь, что не сумѣю объяснить всего, что мнѣ хотѣлось бы рассказать тебѣ.. Попытаюсь, однакожь: авось удастся мнѣ сдѣлать тебя также счастливою чужимъ счастьемъ, (нѣтъ оно тебѣ не чужое), какъ я полна своимъ блаженствомъ?...

«Отчего я такъ мало танцевала съ военными нашими гостями? — Это оттого, моя милая, что я хотѣла танцевать только съ однимъ изъ нихъ; и эготъ одинъ замѣнилъ на то время тебѣ, моя душечка... Незнаю отъ чего, а онъ съ перваго взгляда поправился мнѣ, какъ будго родной! и вотъ я танцевала, танцевала... все съ нимъ. Право я столько танцевала, что еслибъ это было съ другими, я не выдержала бы и половины; но съ нимъ мнѣ было такъ легко, такъ пріятно, что я жалѣла, отчего такъ скоро оканчивался танецъ. Онъ говорилъ со мною очень мало, не потому, чтобы онъ не умѣлъ говорить дѣльно; нѣтъ, изъ немногихъ словъ его я замѣтила, что онъ едва ли не умнѣе былъ всѣхъ нашихъ гостей: думаю, что на первой разъ онъ не посмѣлъ говорить со мною много. Ахъ, когдабъ мнѣ случилось еще съ нимъ свидѣться... Я даже незнаю его фамиліи. Но я знаю его зовутъ — Владиміръ... Слышишь моя душечка, его зовутъ Владиміромъ: вѣдь это имя и твоего брата; гдѣ-то онъ умница?... Я думаю, что и онъ уже теперь таковъ. Помнишь ли, какъ онъ бывало каждое утро приносилъ мнѣ цвѣты изъ вашей оранжереи: кого-то теперь дарить онъ цвѣтами? Но довольно. — Извини меня за мою болтовню; можетъ быть, я и наскучила тебѣ... Но кому-жь могу я высказать душу мою, какъ не тебѣ, милая Вѣринька? И горе пополамъ легче, а радости дѣлимья бываютъ блаженствомъ. Дай Богъ, чтобы ты всегда была такъ счастлива, какъ я теперь... Прости, ангелъ мой, и помни счастливую подругу твою М. С.»

Однажды вечеромъ уединенно въ своей комнатѣ сидѣла Машинька, съ книгой въ рукахъ, ожидая съ часу

на часъ пріѣзда отца, уже два дня уѣхавшаго въ уѣздный городъ. Снѣгъ хлопьями билъ въ окно и на дворъ еще не въ пору, было уже темно; душа Машиньки гармонировала съ мрачною природою: то сладкія, то горькія думы о немъ попеременно смѣнялись еще горестнѣйшими думами о себѣ самой. — «Да это онъ — думала про себя Машинька — онъ, давно знакомый мнѣ, милый образъ — онъ, единственная мечта моего воображенія: это онъ, обѣтованный судьбою царь души моей; я знаю его давно уже, я его не впервые вижу. Помню, что когда мы, бывало, гадаемъ на свѣткахъ въ зеркаль, всегда представлялся мнѣ онъ, я свыклась съ нимъ, онъ мнѣ родной; вотъ почему я его перваго замѣтила и отличила отъ другихъ. Еще наканунѣ дня моего ангела видѣлся мнѣ во снѣ какой-то какъ бы знакомый мужчина: я никакъ не могла припомнить, гдѣ его видѣла, но увѣрена была, что онъ мнѣ извѣстенъ; теперь я знаю, это былъ онъ, точно онъ. Да, сердце мое узнало его; оно узнало бы его всегда и вездѣ.» Погруженная въ мысли, Машинька вырвала изъ рукъ книгу и очнувшись осторожно подняла ее и начала пристально разсматривать развернувшіеся листки. Нѣсколько минутъ оставалась она въ сладкомъ забытій и потомъ, сказавъ: «Боже! неужели это таинственный отвѣтъ небесъ на мои загадочныя мечты?» прочла слѣдующее:

То воля неба; я твоя!
Вся жизнь моя была залогомъ
Свиданья вѣрнаго съ тобой;
Я знаю; ты мнѣ посланъ Богомъ,
До гроба ты хранитель мой...
Ты въ сновидѣньяхъ мнѣ являлся,
Незримый, ты мнѣ былъ ужъ милъ,
Твой чудный взглядъ меня томилъ,
Въ душѣ твоей голосъ раздавался,
Давно... нѣтъ, это былъ не сонъ!
Ты чуть вошелъ, я вмгъ узнала,
Вся обомлѣла, запылала
И въ мысляхъ молвила: вотъ онъ!
Не правда! я тебя слышала:

Ты говорил со мной въ тиши,
 Когда я бѣднымъ помогала,
 Или молитвой услаждала
 Тоску волнуемой души!
 И въ это самое мгновенье
 Не ты ли, милое видѣнье,
 Въ прозрачной темнотѣ мелькнулъ,
 Приникнулъ тихо къ изголовью?
 Не тыль съ отрадой и любовью
 Слова надежды мнѣ шепнулъ?
 Кто ты: мой ангелъ ли хранитель,
 Или коварный искунитель?
 Мои сомнѣнья разрѣши.
 Быть можетъ, это все пустое,
 Обманъ неопытной души!
 И суждено совѣсьмъ иное...

Машинька читала предъ тѣмъ третью главу Онегина; нечаянно выпавшая изъ рукъ книга развернулась на письмѣ Татьяны къ Онегину: и Машинька прочла то, что такъ удачно согласовалось съ теперешними ея мыслями.— Это все сдѣлалось случайно... Да точно случайно... Мы всегда называемъ случаемъ все необыкновенное: это самый лучший способъ оправдывать свое невѣдѣніе и разгадывать непонятное. Какъ бы то ни было, а этотъ случай рѣшилъ судьбу Машиньки.

Продолжительное безмолвіе.— И вдругъ Машинька слышитъ шумъ въѣхавшихъ на дворъ саней... Сердце сильно забилося въ ней: сердце въшунь... Поспѣшно выскакиваетъ она изъ своей комнаты; перебѣгаетъ одну, другую; съ восторгомъ кричитъ: «папинька, папинька!»... И въ самомъ дѣлѣ, Николай Петровичъ Самаринъ медленно входилъ въ залу, поддерживаемый Радиславскимъ. Машинька поблѣднѣла; но тотчасъ же румянецъ вспыхнулъ на щекахъ ея и слезы брызнули изъ глазъ. Здѣсь были три различныя ощущенія, выразившіяся столь гармонически въ одномъ моментѣ: блѣдность равно принадлежала чувству страха и удивленія, невольный румянецъ былъ обличителемъ сердечной тревоги; слезы высказали третье чувство — дѣтскую любовь... Юная душа, незна-

комая еще съ притворствомъ, столь же живо выражаетъ свои ощущенія, какъ скоро принимаетъ ихъ..

Николай Петровичъ, возвращаясь изъ города, былъ уже не далеко отъ деревни своей, какъ мгновенно наступившая темнота и мятель сбили его съ дороги: слѣдъ безпрестанно замѣтася былъ вновь прибавлявшимся снѣгомъ и лошади, фыркая и пятясь назадъ, не шли. Потомъ вдругъ понесли — и сани очутились вполонину опрокинутыми надъ глубокимъ оврагомъ. Услія одного человѣка были бы здѣсь совершенно напрасны. Но Providѣніе подало руку помощи — и орудіемъ былъ нашъ герой. Въ то самое время, какъ сани опрокинулись, послышался не вдалекѣ звукъ почтового колокольчика. Черезъ нѣсколько минутъ, Николай Петровичъ, высвобожденный изъ подъ саней, былъ на рукахъ Радиславскаго.

«Позвольте узнать, кому обязанъ я своимъ спасеніемъ?» говорилъ Николай Петровичъ, оправившись отъ слабости, произведенной въ немъ болѣе обморокомъ отъ испуга, нежели дѣйствительнымъ ушибомъ.

Назвавъ свою фамилію, Радиславскій замѣтилъ, что имѣлъ удовольствіе быть въ его домѣ дней десять назадъ на семейномъ праздникѣ, вмѣстѣ съ прочими товарищами своими; потомъ прибавилъ, что по порученію своего начальства былъ откомандированъ въ губернской городъ и теперь возвращался..

Радиславскій... думала Машинька: слава и любовь родныхъ сестры; любовь рождаетъ славу; а отъ слзы любовь блеститъ тысячью радужныхъ красокъ. — И чего не передумала здѣсь Машинька? — Каждое слово Владиміра было взвѣшиваемо его на вѣсахъ сердца и каждая мысль его отражалась въ душѣ ея такъ чисто и ярко, какъ лучъ солнца отражается въ кристалъ водѣ.

Владиміръ сказалъ Машинькѣ только нѣсколько словъ; но при прощаньи они были уже такъ близки, такъ хорошо понимали другъ друга, какъ будто были знакомы нѣсколько лѣтъ: любовь считаетъ годы днями и истинное сочувствіе находится въ неопредѣленной пропорціи съ знаками обычнаго размѣна вѣжливостей.

Выѣзжая изъ дому Николая Петровича, Радиславскій получилъ приглашеніе — бывать почаще... Счастливецъ!

Какой жертвы не принесъ бы онъ за то, что такъ неожиданно доставила ему теперь судьба?

Въ одинъ вечеръ рождественскихъ святокъ у Николая Петровича Самарина собралось небольшое общество, какъ говорится *свои*. Прекрасный полъ составляли здѣсь только сосѣдка Федосія Васильевна Печерицина — уѣздная барыня приличной полноты, съ своею дочкой Эмилией, какъ она ее называла, хотя она была просто Маланья — жеманною дѣвой, перешагнувшей уже за черту, за которую не выбираютъ жениховъ, но ищутъ ихъ. — Изъ мужчинъ, на первомъ планѣ рисовался ближайшій сосѣдъ и домашній человекъ Виссаріонъ Михайловичъ Широкопольскій, Статскій Совѣтникъ и кавалеръ, а что всего важнѣе, владѣтель тысячи незаложенныхъ душъ и нѣсколькихъ сотенъ тысячь наличнаго капитала, одна изъ тѣхъ фигуръ «кочекъ», о которыхъ Державинъ говорить въ своемъ диамантѣ на счастье. До известнаго времени онъ игралъ роль Молчалина; изворотясь же разнаго рода путями, и обезпечивъ себя во всемъ и на всегда, онъ покоился на лаврахъ, вполне деля свой эгоизмъ, когорый въ провинціальномъ кругу, нестѣсняемый условіями высшаго общества, требующими непремѣнныхъ уступокъ личнаго я общему я цѣлой массы, могъ свободно развернуться, опираясь на преимущества богатства, чиновности и какихъ то связей въ столицѣ — привилегій, дававшихъ Виссаріону Михайловичу почетъ среди людей, которые безпрестанно имѣли или могли имѣть къ нему надобность. Онъ ненавидѣлъ и презиралъ людей и запрошедшее свое предъ ними и настоящее ихъ предъ нимъ — униженіе. Съ тѣми, которые имѣли до него дѣло, онъ поступалъ точно также, какъ нѣкогда поступали съ нимъ его благодѣтели и покровители. Предъ равными себѣ онъ отличался самобытною характера, который кое-какъ составилъ себѣ по идеалу, какой ему казался болѣе къ лицу. Не имѣя никакого убѣжденія, онъ между тѣмъ старался выказывать какъ будто собственный, оригинальный образъ мыслей,

употребляя для того кое-какой запас свѣдѣній, уловленныхъ, пріобрѣтенныхъ или по наслышкѣ замѣченныхъ, которыми любилъ иногда и пощеголять, но, разумѣется, лишь съ тѣмъ, съ кѣмъ не боялся себя окомирометировать. При образованныхъ же людяхъ новаго поколѣнія, онъ хранилъ эффектное молчаніе; лишь изрѣдка бросая фразу въ родѣ того, что практика важнѣе теоріи, что опытность всегда беретъ верхъ надъ всякой ученостью. Моральныя сентенціи, расточаемыя имъ обильно, и рѣшительно противурѣчащія настоящему его образу жизни, давали ему право быть строгимъ въ сужденіяхъ о другихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предупреждали для большинства догадки на счетъ кое-какихъ слабыхъ сторонъ его нравственности. Кто зналъ его покороче извинялъ ему охотно многое на основаніи глубоко укоренившася, правила, по которому то, что считается ничѣмъ и даже едва ли неблаговиднымъ для человека, перешагнувшаго уже за сорокъ лѣтъ и имѣющаго какой нибудь высокоблагородный чинъ, никакъ не прощается и даже вмѣняется въ преступленіе человеку моложе этихъ лѣтъ и въ рангъ благородія. И онъ жилъ пришваючи: потому что такъ жили и живутъ многіе, подобные ему. Этотъ-то Виссаріонъ Михайловичъ съ мадамъ Печерициной и самъ хозяинъ съ четвертою фигурой вистовали. Эта четвертая фигура былъ Засѣдатель Уезднаго Суда Алексѣй Яковлевичъ Похлебкинъ, низенькій, лысенъкій человекъ, съ круглымъ, лоснящимся фіолетовымъ лицомъ, съ улыбкой весьма двусмысленною, съ пальцами, такими длинными и гибкими, что они вѣрно были способны не для картъ только, но и для чего нибудь другаго. Лазуринъ, товарищъ Радиславскаго, ухаживалъ за мадемоазель Печерициной, потому что ему нечего было болѣе дѣлать. — А самъ Радиславскій занималъ позицію въ залѣ у фортепьяно съ Машинькой tête à tête.

Сначала Машинька играла мотивы изъ любимыхъ оперъ Владимира; потомъ уступила ему мѣсто, и Владимиръ, по просьбѣ Машиньки, спѣлъ любимый ея романсъ. Въ антрактахъ они говорили о томъ, о сѣмъ; но разговоръ у нихъ какъ то не клеился и прерывался на двухъ

трехъ фразакъ... Послѣ взаимнаго, довольно продолжительнаго, молчанія, Владиміръ, какъ бы потрясенный мгновенно какимъ то магическимъ прикосновеніемъ, сдѣлалъ нѣсколько акордовъ, взоръ его одушевился, и онъ запѣлъ нѣзвѣстный романсъ Дельвига.

Не говори: любовь пройдетъ,
О томъ забыть твой другъ желаетъ;
Въ ея онъ вѣчность уповаешь,
Ей въ жертву счастье отдаетъ.

Видно было, что онъ пѣлъ отъ полноты сердечной; прекрасная, правильная его физиономія отбѣялась нѣжною томностью, черные его глаза горѣли огнемъ неземнаго чувства; но съ послѣднимъ куплетомъ:

Любви дни краткіе даны,
Но мнѣ не зрѣть ее остылой;
Я съ ней умру, какъ звукъ увылой
Внезапно порванной струны.

Физиономія его приняла какое-то торжественно—печальное выраженіе, слезы сверкали на глазахъ, и онъ, какъ бы усталый, погрузился въ самозабвеніе... Машинька, склонивъ голову на руку, также, казалось, о чемъ то думала, тогда какъ взоръ ея былъ неподвижно прикованъ къ прекрасному пѣвцу... Роковое мгновеніе! должно было чему-то совершиться.—Владиміръ, будто устыдясь своего забытья, старался принять спокойный видъ и, улыбаясь, обратился къ Машинькѣ съ вопросомъ.

—О чемъ вы такъ задумались, Марья Александровна?
—«Разгадываю вашъ ромакъ, отвѣчала она.

—Развѣ онъ для васъ такъ загадоченъ?»

«Конечно, нѣтъ, если не придавать ему болѣе значенія, чѣмъ обыкновенной пѣснь... Но вы пѣли съ такимъ выраженіемъ, какъ-бы эти звуки шли изъ души вашей!.. Я хотѣла по нимъ разгадать тайну вашей души. Извините, я женщина—любопытна по природѣ.»

—Въ вашемъ присутствіи не трудно увлечься: я точно забылся на минуту... Душа заговорила вѣлухъ... Вы подстергли меня: мнѣ совѣстно за мою неосторожность,

Но не смейтесь надо мною: кто порою не живет своей внутренней жизнью? Моя задумчивая дума дорога мнѣ потому, что она моя: для другихъ она не стоитъ быть предметомъ простаго любопытства..

«Зачѣмъ обижаете вы меня своею недовѣрчивостію; зачѣмъ таите отъ меня ваше душевное сокровище?... Или вы думаете, что я не могу понять васъ, или вы почитаете меня недостойною своей откровенности? О, если бы я могла передать вамъ хоть малѣйшую часть того, что у меня на душѣ: можетъ быть я выиграла - бы въ вашемъ мѣннн... Но мы больше чувствуемъ, нежели говоримъ...»

Самый обыкновенный наборъ словъ свѣтскаго разговора и отблескъ самыхъ высокихъ чувствъ можетъ быть вмѣстѣ на языкѣ женщины: здѣсь нѣтъ промежутка. У мужчины напротивъ. Это потому, что воображеніе женщины воспримчиво для впечатлѣній самыхъ противоположныхъ; воображеніе мужчины не такъ скоро поддается вліянію вѣтшихъ впечатлѣній, но за то, получивъ однажды, удерживаетъ ихъ навсегда.

— Повторите, о, повторите то, что вы сказали, — говорилъ Владиміръ, устремляя на Машиньку испытующій взглядъ: позвольте мнѣ вслушаться, не ошибся ли я? —

«Злой человекъ: такъ молодъ и такъ недовѣрчивъ!» быстро прервала Машинька и слезы навернулись на глаза ея, но она умѣла скрыть ихъ.

— Машинька, милая Машинька! — шептала Владиміръ, такъ я не ошибся въ васъ. Не даромъ сердце мое внушало, что мы близки другъ другу. — Ни вы! ни я не знали чувствъ одинъ другаго; но они у насъ были общія. Богъ свелъ насъ вмѣстѣ и теперь одинъ Онъ можетъ разлучить насъ. Любовь наша вѣчна, не правда ли?

Машинька молчала.

— Скажите одно слово «да», и я буду блаженнѣйшимъ изъ смертныхъ. — Но вы молчите, вы боитесь вымолвить роковое слово. Произнесите его, я буду въ состояніи выслушать и противное: лучше минута рѣши-

тельного удара, нежели безконечность мучительного сомнѣнія. — Да, или нѣтъ?

«Да» тихо прошептала Машинька, и быстро ускользнула отъ Владиміра въ гостиную.

Скоро гости разъѣхались. Гостиная опустѣла.

Машинька далеко за полночь не смыкала глазъ!...

Сладкое сознаніе настоящаго блаженства и тревожная мечта о томъ, что сулитъ ей будущее, волновали ея сердце, въ которой совершалось теперь важное психическое явленіе, разъ въ жизни посѣщающее души, еще не свыкшіяся съ суетою.

А Владиміръ? — Онъ былъ теперь весь любовь. Всѣ чувства души его поглощены были этимъ всеильнымъ чувствомъ. — Ни мѣсто, ни время не существовали для его быстрокрылаго воображенія, въ которомъ живописными узорами рисовались сладостныя ощущенія перваго убѣжденія во взаимности. Это убѣжденіе было слишкомъ сильно, чтобы уничтожить всякое сомнѣніе. — И вотъ почему слѣдующій разговоръ былъ только легкимъ, мимолетнымъ облакомъ на душѣ Владиміра, не оставившимъ по себѣ никакого слѣда.

«А что, Владиміръ, не сбылось ли предсказаніе мое?» говорилъ Лазуринъ Радиславскому, когда они уѣхали въ своей комнатѣ, возвратившись изъ дома Николая Петровича. «Кажется, ты оставилъ сегодняшній вечеръ въ пріятномъ расположеніи духа.»

— Да, Александръ, вѣрно какойнибудь добрый геній нашептывалъ тебѣ вѣщія слова, когда ты говорилъ, мнѣ сегодня поутру, что разгадка моихъ тревожныхъ думъ близка... Какъ я счастливъ!.. она моя, моя на вѣки!.. это ужъ не мечта... Нѣтъ, я слышалъ, она подтвердила это... О милый другъ! какъ отрадна первая увѣренность въ томъ, что мы любимы!

«Умѣрь свои восторги, мой добрый Владиміръ! когда я пророчилъ то, что сбылось съ тобой сегодня, я говорилъ навѣрное... Это сдѣлалось потому, что такъ должно быть, что немогло быть иначе... Но вѣдь ты помнишь поговорку нашего, блаженной памяти, учителя латыни «конецъ дѣло вѣнчаетъ»... Любовь таже игра: пока не будешь у цѣли, не довѣрай судьбѣ... Пусть умъ сторо-

жить твое сердце... Женщины дѣйствуютъ по инстинкту: и потому также легко измѣняютъ, какъ и предаются чувству. Гораздо труднѣе поддержать страсть, нежели возбудить ее... Владиміръ! умѣй владѣть собою столько, чтобы быть всегда выше страсти, на случай, еслибъ инстинктъ той, которая составляетъ ея предметъ, привалъ противное направленіе... Иначе ты можешь дорого заплатить за свое слишкомъ высокое мнѣніе о сердцѣ женщины...

— Холодный скептикъ! Ты вѣчно съ своими сомнѣніями... Ты никогда не любишь, если можешь вести такой расчетъ на чувство, которое сближаетъ насъ съ небомъ.

«Любишь, и говорю по опыту: и единственно правиламъ моей философіи обязанъ, что всегда выходилъ побѣдителемъ изъ борьбы моего сердечнаго увлеченія съ внѣшними обстоятельствами... Безстрашно встрѣчу и новые опыты, если судьбѣ угодно будетъ еще испытывать меня. Но, кажется, пора наградить меня за мое долготерпѣніе. О, когдабъ ужъ скорѣй достигъ обѣтованнаго берега, гдѣ кончаются все наши сердечныя тревоженія... тамъ, въ прекрасномъ союзѣ души нашей съ родственной душою... Владиміръ! у меня сердце не кусокъ камня; я такъ же жилъ и скажу болѣе — еще хочу жить: и оттого хочу, что умѣлъ сохранить мои душевныя силы также свѣжими, какими были онѣ при первомъ развитіи... Я впрочемъ, говорю тебѣ все это по долгу дружбы, а не для того, чтобы смущать тебя подозрѣніями: излишняя недовѣрчивость и полная довѣренности равно опасны... Я всегда, однакожъ, лучше желалъ бы быть добрымъ пророкомъ, особенно въ отношеніи тебя, другъ мой, вотъ хоть бы такъ, какъ сегодня.

Слова Лазурина, какъ ни противорѣчили душевному состоянію Владиміра, заставили его нѣсколько призадуматься. Но не надолго: сердце заговорило въ немъ такъ громко, что заглушило голосъ ума... Воспоминаніе послѣднихъ словъ Машиньки вскорѣ разсѣяло остатокъ грусти, на мгновеніе заренившейся въ его ду-

шу и обычная мечта опять убаюкала Владиміра своимъ сладкимъ вѣяніемъ.

Есть поэзія въ разлукѣ влюбленныхъ. О, въ высочайшей степени поэтична та послѣдняя минута ихъ свиданія, когда они не говорятъ другъ другу ничего, только смотрятъ прямо въ глаза одинъ другому, и потому эти глаза, полные слезъ, обращаются къ небу и опять взаимно встрѣчаются... Ежели любовь наша земная дѣйствительно лучъ любви божественной; то какъ ярко сіяетъ этотъ лучъ небесный въ ту минуту, какъ обличаетъ тогда любовь свое святое происхожденіе этимъ таинственнымъ соединеніемъ земли съ небомъ!...

Владиміръ и Машинька вполне испытали всю сладость и всю горечь такой поэзіи.

***
скій полкъ, по назначенію начальства, долженъ былъ спѣшить въ дѣйствующую армію. Радиславскій и Лазуринъ праздновали въ домѣ Николая Петровича Самарина встрѣчу новаго года, а на другой день должны были выступить въ походъ.

Баль кипѣлъ изетупленнымъ весельемъ, какъ будто присутствовавшіе думали забыться въ этомъ обольстительномъ упоеніи. Танцующія пары торопились насытиться своимъ удовольствіемъ, будто они веселятся въ послѣдній разъ, игроки быстро опустошали карманы одинъ другаго, какъ бы стараясь довольно наиграться въ послѣдній часъ текущаго года; а тамъ, буйная вакханалія пѣнистымъ бокаломъ запивала горькую мысль, что такъ-же пройдутъ десятки годовъ и ни чей дружескій привѣтъ не освятитъ ихъ памяти, которая будетъ нищею всепоглощающаго забвенія. Владиміръ также спѣшилъ насладиться настоящимъ своимъ блаженствомъ—торжествомъ искренней любви, недовѣряя, что это не въ послѣдній разъ. Хорошо, что еще могъ онъ сомнѣваться. Есть состояніе самозабвенія, когда никакая мысль не возникаетъ въ душѣ, обьятой одною мыслию безотчетнаго мгновеннаго наслажденія, для котораго нѣтъ ни прошед-

шаго, ни будущаго, которое грозно и мгновенно, какъ молнія, котораго область—настоящее. Впрочемъ, не въ вѣрности своей милой сомнѣвался онъ: кто любить-вѣрить. Нѣтъ, онъ ставилъ жизнь на карту случая; а кто знаетъ свой предѣлъ?..

Оставалось уже нѣсколько минутъ до роковаго удара часовъ. Уединенно отъ всѣхъ, сидѣли въ диванной Владиміръ и Машинька. Эти немногія минуты были единственными, которыя они могли удѣлить собственно для себя изъ всего этого сладко-мучительнаго для нихъ вечера. Глаза Машиньки были полны слезъ; глаза Владиміра отъвѣтились невыразимою тоскою, смѣшанною съ свойственною ему силой побуждать внутреннія движенія души мнимымъ наружнымъ спокойствіемъ. Съ боязнію посмотрѣвъ Владиміръ на злобщую стрѣлку; потомъ, обратясь къ Машинькѣ, тихимъ, но выразительнымъ голосомъ, сказалъ ей: еще нѣсколько мгновений — и будущность разстелегъ предъ нами свою темную даль!

«Чему быть, того не миновать» отвѣчала Машинька...

Здѣсь начало бить 12 часовъ. Громъ музыки, шумныя привѣтствія вторили бою. Владиміръ, блѣдный, неподвижный, Машинька съ слезами на глазахъ, съ руками, сложенными на груди, стояли безмолвно другъ предъ другомъ. Но вдругъ, какъ бы вдохновенная какою-то торжественной рѣшимостью, Машинька подала руку Владиміру: онъ осыпалъ ее поцѣлуями — и счастливыя разстались на долго,...

Надолго! — Но есть-ли для истинной любви время? Оно есть; только это время составлено изъ мгновений, соединенныхъ тайнымъ союзомъ пераздѣльности, для которой нѣтъ счету, для которой мигъ и столѣтія идутъ заодно на вѣсахъ сердца.

Теперь Владиміръ съ самимъ собою. Это необходимое состояніе нашего духа. Здѣсь, безъ обольстительныхъ личинъ видимости, разсматриваемъ мы прошелшее, повѣряемъ настоящее и даже — прозираемъ въ будущее. Если бы не было такихъ минутъ самоиспытанія, человекъ скоро бы превратился въ машину и пересталъ бы быть существомъ разумно свободнымъ.

— Да, я счастливъ, я очень счастливъ — думалъ

про себя Владиміръ—мнѣ ли жаловаться на судьбу свою, мнѣ ли, для котораго жизнь и любовь—одно? Она любитъ меня такъ вѣжно, такъ просто, такъ невинно, такъ очаровательно. Это не жеманство гостиныхъ, не пошлое кокетство, не желаніе нравиться, предметомъ котораго бываетъ великій встрѣчный любезникъ; это не притворство опытной въ любовныхъ интригахъ светской дѣвушки: нѣтъ, это именно та нервобытная, небесная любовь, которая при нашемъ рожденіи предопредѣляется намъ Провидѣніемъ. Оно само освящаетъ такой союзъ двухъ душъ; оно руководитъ имъ и указываетъ пути его стремленію.. Вѣрюсь же вполне этому святому путеводителю: и на пирѣ смерти онъ сохранитъ меня, ежели нужно это для моего счастья, или заранѣе переселитъ меня туда, гдѣ блаженство вѣчно, гдѣ нѣтъ непостоянства и измѣны.. Но какія это мрачныя мысли налетаютъ на мою душу?—Нѣтъ, этого быть не можетъ, вѣдь она не въ шутку обѣщала любить меня, не шутя и я клялся ей быть вѣрнымъ до могилы.. Лучше смерть, нежели разочарованіе.. Нѣтъ, я спокоенъ; я даже радуюсь этой разлукѣ: она будетъ очистительною жертвою, принесенною отъ любви нашей Провидѣнію за всѣ наши земные помыслы и даже за теперешнее мое сомнѣніе. И какъ свята, какъ высока будетъ эта жертва!

Долго еще мечталъ Владиміръ; долго еще мысли его бродили въ очарованномъ лабиринтѣ, созданномъ собственнымъ его воображеніемъ.—Бѣдный Владиміръ! Какъ онъ сладко заблуждался!.. Онъ любилъ Машиньку идеальной страстью, и по себѣ судилъ о ней, но какъ далеко была она отъ его эксцентрической любви! Обыкновенное увлеченіе тѣхъ лѣтъ, когда женщина впервые ощущаетъ порывы сердечныхъ чувствъ было ея удѣломъ: она любила его, какъ могла любить въ свои лѣта, не сердцемъ, а глазами, такъ сказать *наглядно*, т. е. онъ только ей нравился.

Письмо къ Машинькѣ подруги ея Вѣрочки.

Вотъ и новый годъ, а тебя нѣтъ-какъ-нѣтъ, милая

Маша; а я все ожидала тебя къ праздникамъ.. Я право начинаю сердиться на твоего Владимира.. Но какая ты странная, ма сѣбе, не ужели ты до такой степени предалась одному чувству, что оно уничтожило весь прочій? Въ такомъ случаѣ, я очень опасуюсь за твою любовь, страсть исключительная ненадежна; она истребляетъ, или сама истребляется также скоро, какъ родилась.. Надо любить такъ, чтобы въ сердцѣ нашемъ еще оставалось столько любви, чтобы она могла быть со временемъ источникомъ нашего счастья на всю жизнь.. Осушивъ залпомъ чашу наслажденія, мы рискуемъ впередъ навсегда мучиться жаждой, безъ возможности утолить ее, если судьба назначила намъ только разъ вкусить этотъ нектаръ. Берегись, не сожигай по напрасну свѣтильника своего сердца; онъ угаснетъ — и уже ни чѣмъ не воспламенишь его: мракъ на всю жизнь..

«Впрочемъ, у меня есть надежда тебя скоро увидѣть: полки уходятъ въ походъ; навѣрное отправятся и ваши гости... Тогда ты не останешься же въ деревнѣ, хоть для того, чтобы не умереть со скуки: могу представить, что въ такомъ случаѣ будетъ для тебя одиночество... Здесь же, ожидаетъ тебя участіе вѣрной дружбы и много разнообразныхъ удовольствій, которыя займутъ тебя, или по крайней мѣрѣ, сократятъ время, которое безъ того будетъ казаться для тебя вѣчностью; я знаю васъ, пылкія головы!

«О себѣ не скажу ничего: я счастлива, потому что довольна... Право, по моему, это самый вѣрный родъ счастья... Одного недостасть мнѣ, тебя, милая подруга души моей. Надѣюсь, что ты не заставишь меня долго ожидать себя...»

Вскорѣ подруги свидѣлись... Николай Петровичъ, по заведенному обычаю отцовъ, у которыхъ дочери невѣсты, долгомъ почелъ провести зиму въ губернскомъ городѣ... Машинька веселилась: она любила танцовать — и танцевала каждый день... Какъ нарочно, это была одна изъ самыхъ веселыхъ зимъ въ городѣ: все вече-

ра въ недѣль были разобраны... Скучать ей рѣшительно нѣкогда было, и если она призадумывалась о чемъ нибудь, то развѣ утромъ, пока не успѣла сдѣлать свой туалетъ, а тамъ... но день молодой дѣвушки коротокъ...

Съ возвращеніемъ въ деревню Машинька въ своемъ одиночествѣ сначала жила воспоминаніемъ весело-проведеннаго времени, потомъ, мало по малу, забывая о немъ, стала живѣе чувствовать свое одиночество, а тутъ уже недалеко и до скуки. — Но судьба, сжалившись надъ нею, избавила ее отъ этой недоброй гостьи, давъ работу ея мыслямъ.

Однажды Николай Петровичъ и Виссаріонъ Михайловичъ, бесѣдуя между собою о разныхъ предметахъ сельскаго хозяйства, коснулись, между прочимъ, выгоды семейной жизни, и заключили свою бесѣду такимъ силлогизмомъ, котораго слѣдствіе должна была рѣшить Машинька.

О, силлогизмъ важное дѣло! И вся причина счастья и несчастья нашего есть только слѣдствіе, которое судьба выводитъ изъ силлогизма жизни нашей. Да и что такое самая ваша жизнь, какъ не великій нравственный силлогизмъ, изъ котораго рождается отвѣтъ на вопросъ: что мы и чѣмъ могли быть? Но какъ любовь не терпитъ ничего положительнаго, то ей неподатна діалектика. Бѣда, если она вмѣшается въ дѣло сердца: тогда прямо пиши пропало...

Машинька, когда до нея дошло дѣло, вывѣла такое слѣдствіе: «Папа предлагаетъ мнѣ въ женихи Староврова. Правда, мнѣ онъ не слишкомъ нравится... Но папа говоритъ, что это составитъ мнѣ самую выгодную партію: онъ лучше меня знаетъ»... Разумѣется, къ этой причинѣ, или вѣрнѣе предлогу, ея рѣшимости присоединилась и мысль, что сотни тысячъ Виссаріона Михайловича сулятъ ей самую обольстительную перспективу свѣтской жизни, а въ деревнѣ жить такъ скучно...

Въ числѣ смертельно раненыхъ на штурмъ Варшавскою арміею былъ и Радиславскій.

У постели умирающаго сидѣлъ Лазуринъ.

— Слава Богу, жертва принесена (говорилъ Владиміръ): я у пристани; скоро настанетъ для меня вѣчность... Теперь, когда между мною и землею должно исчезнуть всякое отношеніе, теперь не слѣдовало бы уже осквернять воспоминаніями суетными этихъ немногихъ чистыхъ минутъ приготовленія духа къ великому переходу въ прежнюю его отчизну. Но пусть это будетъ послѣднею данью землѣ отъ земнороднаго; пусть это будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и очистительною жертвою совѣсти моею, которая должна сбросить съ себя все бремя тѣлнн.

Онъ продолжалъ: — Я любилъ и люблю Машиньку всею полнотою моего сердца; любовь и жизнь для меня одно неразрывное цѣлое: такой любви не переживаютъ... и я, быть можетъ, умираю кстати, чтобы не испытать разочарованія... Какъ бы то ни было, я вѣрю въ тайную связь міра дольнаго съ міромъ замогильнымъ... И тамъ душа моя будетъ сочувствовать ей!... Я буду раздѣлять ея счастье, также, какъ и ея горе. Но обо мнѣ, быть можетъ, забытомъ ею, обо мнѣ желалъ бы я, чтобы она узнала только въ такомъ случаѣ, если чувства ея ко мнѣ не измѣнились, если воспоминаніе обо мнѣ будетъ для нея бальзамомъ утѣшенія: тогда пусть она узнаетъ, что умирая, я благословлялъ ее за тѣ немногія минуты блаженства, которыми подарила меня любовь ея... Если же она счастлива инымъ счастьемъ, если воспоминаніе обо мнѣ можетъ быть для нея отравой, для чего смущать ея счастье воспоминаніемъ прошедшаго, невозвратимаго?... Прошу тебя, Александръ, исполни этотъ предсмертный завѣтъ твоего друга...

Голосъ Владиміра ослабѣлъ, взоръ помутился, холодная рука его съ судорожнымъ движеніемъ сжимала руку товарища; онъ говорилъ почти шепотомъ и прерывисто: Ты вѣрный спутникъ мой въ этой жизни, ты провожаешь меня теперь и туда... въ страну вѣчнаго покоя... Благодарю тебя... Я не даромъ жилъ въ этомъ мірѣ: любовь и дружба освятили ее; она была полна... Теперь я готовъ, готовъ!...

Усиліе говорить истощило Владиміра. Скоро его

не стало... Провидѣніе избавило его отъ разочарованія.

Лѣтомъ 1832 года, въ Широкопольи, имѣніи Виссаріона Михайловича, сидѣлъ онъ въ гостинной у окна и лѣнивымъ взоромъ слѣдилъ различныя перемѣны облаковъ, разнообразно мѣнявшихся съ каждою перемѣною лучей заходящаго солнца. На лицѣ его, холодно безжизненно, въ глазахъ его, устремленныхъ на одинъ предметъ и какъ бы избѣгавшихъ встрѣчи со всемъ его окружающимъ, въ самомъ положеніи тѣла, выражавшемъ усталость не отъ трудовъ, но отъ долговременнаго бездѣйствія, отражалась та суровая апатія, которая есть неизбѣжное состояніе людей, рано отжившихъ или вовсе не жившихъ, людей или злоупотребившихъ жизнью, или невоспользовавшихся ею. — На диванѣ, прислонившись въ уголь, живописно покоилась Марья Николаевна Широкопольская, съ книгой въ рукахъ, которая, однакожъ, мало занимала ее, между тѣмъ, какъ во взорахъ ея отражалось какое-то разсѣянное самозабвеніе, а на устахъ блуждала ироническая улыбка.

Когда молва о женитьбѣ Широкопольскаго на дочери помѣщика Самарина проникнула во все углы туземнаго провинціального міра, все любители и любительницы вѣшиваться въ чужія дѣла, были въ недоумѣніи о причинѣ такой рѣшимости Виссаріона Михайловича. Все знали его образъ мыслей на этотъ счетъ, и потому готовы были скорѣй ожидать его смерти, нежели женитьбы. Но что было загадкой для всехъ вѣстовщиковъ и вѣстовщицъ ***ской губерніи, сдѣлалось въ самомъ дѣлѣ очень просто. Въ одно время, когда мысли Виссаріона Михайловича наиболѣе были сосредоточены на идеи эклезіаста: «суета суетствій» и настроеніе души его было самое элегическое, онъ получаетъ письмо отъ племянника своего, сына родной сестры, молодого человѣка, служившаго въ арміи, о которомъ онъ давно не слышалъ ничего, такъ-какъ вообще родственныя отношенія мало шевелили его чувствительность. Письмо это заключало

ни болѣе, ни менѣе какъ просьбу о денежномъ вспоможеніи. Просьбу эту онъ исполнилъ; а между тѣмъ дума, зародившаяся въ умъ его отъ этого обстоятельства, частенько заставляла его повторять обычный припѣвъ эгоистовъ, поздно взглянувшихъ впередъ: — «Да, имя мое исчезнетъ вмѣстѣ со мною, и все что приобрѣлъ я такимъ трудомъ и усиліями, кому достанется?» — Какъ всегда, когда ему дѣлалось скучно, Виссаріонъ Михайловичъ отправился къ Николаю Петровичу, развлечься. А по волѣ судьбы дѣло сладилось само собою. . . . Вѣдь Николай Петровичъ и Виссаріонъ Михайловичъ были сосѣди, мѣжа съ мѣжой, такъ тутъ и думать долго нечего было. . . . И событіе это торжествовала вся губернія: потому что тутъ ужъ было изъ-за-чего развернуться Николаю Петровичу.

Скоро послѣ свадьбы супруги перѣехали на осень и зиму въ Губернскій городъ. — Когда очарованіе медоваго мѣсяца мало по малу начинало ослабѣвать, Марья Николаевна, не находи въ себѣ никакой привязанности къ своему супругу, а въ немъ довольно безкорыстной любви, чтобъ привязать къ себѣ ту, которую избралъ онъ въ спутницы жизни, — со всѣмъ пыломъ юношеской горячности бросилась въ этотъ омутъ медленной, хоть и сладкой отравы, — въ свѣтскую жизнь и съ жадностію пила по каплямъ весь ядъ ея утѣхъ. — Виссаріонъ Михайловичъ не могъ не предугадать своей участи, и потому переносилъ ее съ стоическимъ хладнокровіемъ: такіе характеры столько же тверды въ самыхъ рѣшительныхъ случаяхъ жизни, сколько иногда малодушны при мелочахъ, почему нибудь на нихъ сильно подѣйствовавшихъ.

Весной они перѣехали въ деревню, и жизнь ихъ приняла еще болѣе грустное направленіе. Виссаріонъ Михайловичъ утро проводилъ въ полѣ, послѣ обѣда отдыхалъ, а вечеромъ трактовалъ съ прикащикомъ, да читалъ газеты и журналы, которые разъ въ недѣлю, именно по субботамъ, привозились изъ уѣзднаго города. . . . Теперь тоже была суббота и Виссаріонъ Михайловичъ нетерпѣливо ждалъ посланнаго за почтой.

Наконецъ, онъ явился и въ числѣ пакетовъ: подаль

конвертець на имя Марьи Николаевны. Поспѣшно разломавъ печать, она бросилась въ свою комнату, напечатывая: «отъ нея, отъ моей милой Вѣриньки.» Да, это точно было письмо къ Марьѣ Николаевнѣ отъ подруги ея Вѣриньки, теперь мадамъ Лазуриной. — Коротко и ясно: ратный товарищъ Радиславскаго, известный намъ Лазуринъ, пользуясь послѣ компаніи отпускомъ, въ исполненіе послѣдней воли своего друга посѣтилъ тѣ мѣста, гдѣ началось дѣйствіе нашей повѣсти. Это было зимой, когда Марія Николаевна Широкопольская роскошно блистала на горизонтѣ губернскаго большаго свѣта. Онъ легко возобновилъ съ нею старое знакомство и въ ея домѣ познакомился и сблизился съ Вѣринькой: сходство характеровъ и судьба сдѣлали остальное. — Теперь, эта счастливая чета была за нѣсколько сотъ верстъ: потому что полкъ, въ которомъ служилъ Лазуринъ, квартировалъ въ другой губерніи.

«О никогда, мой милой, мой добрый другъ (писала Вѣринька), никогда въ былу самыхъ пламенныхъ мечтаний не думала я быть такъ счастливой, какъ я счастлива теперь... И я смѣло могу повторить это, не опасаясь — какъ говорятъ — сглазить своего счастья, не боясь принять мгновеннаго обольщенія чувствъ за настоящую дѣйствительность... Нѣтъ, отнынѣ счастье мое прочно: потому что оно теперь неразрывно связано съ цѣлью и назначеніемъ моей жизни. Минута перваго убѣжденія въ этомъ еще такъ свѣжа, что я, пиша эти строки, чувствую, какъ лицо мое горитъ и сердце бьется... А тогда!... О, мой Александръ! если правда, что умирають отъ полноты блаженства, я удивляюсь, какъ я пережила ту минуту, когда впервые ввѣрила тебѣ нашу тайну!... И съ кѣмъ же послѣ него, какъ не съ тобой, подруга души моей, могу подѣлиться я моимъ восторгомъ? — Восторгомъ, который принадлежитъ столько же настоящему, сколько и будущему: потому что всѣ мои мечты сосредоточены теперь на судьбѣ той новой жизни, которая бьется во мнѣ, кромѣ моей собственной... Чувствую, что немогу вполнѣ высказать тебѣ всего, чѣмъ полна душа моя; но я увѣрена, что ты поймешь меня, что ты порадуешься моему счастью и вмѣстѣ со мною будешь

молить небо о благополучном осуществлении надежды, залогом которой отнынѣ живу и...»

Идея счастья заразительна... Искра брошена: пламя вспыхнуло... Марія Николаевна поняла, чего ей недоставало: чувство взяло верхъ надъ обольщеніемъ суетности... Съ этихъ поръ отрицательная сторона мнимаго ея счастья превратилась въ положительную совершеннаго разочарованія... Теперь участь ея уже опредѣлена... И слѣдствіемъ перваго убѣжденія въ этомъ, была между ней и Виссаріономъ Михайловичемъ такъ называемая семейная сцена, принадлежащая къ той темной сторонѣ домашней жизни, которая неописывается, потому что хорошо извѣстна каждому по опыту, или по наслышкѣ...

Остальное понятно безъ разказа.

ЮМОРИСТИКА.

СУДЬБА ПРОВИНЦИАЛЬНАГО АКТЕРА.

Позвольте рекомендовать себя вашей чести.

Я, нижеподписавшійся, провинціальный актеръ, и притомъ еще комическій. Я играю роли простачковъ—дурачковъ, а въ драмахъ имѣю претензію на роли *тирановъ*, и признаюсь, въ этихъ роляхъ я не разъ доводилъ публику до слезъ (отъ смѣха). «Какое бестія тиранъ?» Чудеса!—говорила благосклонная публика. Въ роляхъ молодыхъ людей (мнѣ 25-ть лѣтъ) ни къ черту! Понимаете?... это мой репертуаръ. Далѣе, позвольте довести до свѣдѣнія, *щобъ не было пени* (ясно видите, я мало-роюсь), что я учился у дьячка. Если я не знаю правописанія (въ чемъ сознаюсь и покорнѣйше прошу г-на редактора помочь мнѣ), извините, или не взыщите: тѣ, которые у дьячковъ кончаютъ курсъ премудрости, никогда не изучаютъ грамматики и даже мало кто знаетъ, что она существуетъ на свѣтъ, даже въ изданіяхъ г-на Греча. У дьячка классы раздѣляются по задачъ и страницамъ азбуки: кто больше выучилъ страницъ, тотъ имѣетъ право сидѣть за столомъ *первымъ*, считаясь ученикомъ перваго класса (число классовъ не опредѣлено, а считаются они по числу учениковъ). Кто начинаетъ только *азы да буки*, тотъ именуется *нижній классъ* и возсѣдаетъ на послѣднемъ мѣстѣ за столомъ, или на лавкѣ у порога. Курсъ наукъ у дьячка кон-

чается съ окончаніемъ *часослова*, или смотря по обстоятельствамъ, зависящимъ иногда отъ профессора, а иногда отъ чадлюбивыхъ родителей, на половинѣ *часослова*, у молитвы: «Гласомъ моимъ къ Господу возвахъ». Ну, да это не здѣсь, а въ другомъ мѣстѣ и въ другой разъ, если угодно, я объясню подробнѣе; а теперь къ дѣлу, и къ вамъ особенно, мои собратья, актеры провинціальныхъ театровъ.

Недавно прочелъ я въ 11-й книжкѣ Репертуара и Пантеона статью *Ипполита Бублика*, подъ рубрикою: *Физиологія провинціальныхъ театровъ*. Признаюсь откровенно, что статья эта обрадовала меня до такой степени, что я, нижеподписавшійся, въ тотъ же день счелъ за нужное выпить рюмочку-другую березовой настойки, которую я употребляю только при торжественныхъ оказіяхъ. Не имѣя чести знать лично господина Бублика, я однако-жъ полагаю, что онъ, то есть, *Ипполитъ Бубликъ*, человекъ весьма замѣчательный, какъ писатель вообще, и какъ физиологъ провинціальныхъ театровъ въ особенности. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите съ какою дипломатическою точностію описалъ онъ господа антрепренеровъ, или говоря проще, держателей провинціальныхъ театровъ.

Но, не смотря на эту дипломатическую точность, быть можетъ, найдутся люди, которые будутъ увѣрять, что *Ипполитъ Бубликъ* — существо несуществующее, то есть, мнѣ, и что физиологія его не совсѣмъ вѣрна, относительно избраннаго имъ предмета; по моему мнѣнію, его можно упрекнуть только въ одномъ недостаткѣ, а именно: для чего онъ, при всей своей ловкости и умѣннн описывать свѣтъ и людей, не развилъ сюжета своего подробнѣе: напримѣръ, описывая провинціальныхъ актеровъ вообще, для чего онъ не показалъ ихъ въ особенности? Провинціальный актеръ такое существо, которое вполне достойно сожалѣнія и слѣдовательно, публичной гласности. Можно сказать утвердительно, что весьма не многіе понимаютъ ту разницу, которая заключается между актеромъ столичнымъ и актеромъ провинціальнымъ. Для того, чтобъ объяснить эту разницу, я считаю за нужное представить читателямъ краткій очеркъ исторіи моей жизни, которая да послужитъ призмой жрецамъ провинціальной Талии и Мельпомены.

И такъ, слушайте!

Я родился въ Украинѣ, то есть, въ странѣ арбузовъ и дынь,

в тому подобныя усладительныя овощи. Родители мои были люди не слишкомъ богатые, но и не бѣдные. Кроме хаты и бурой коровы, у насъ была еще мукомольная мельница. Сказано выше, что я учился у дьячка. Способности мои въ наукахъ развивались весьма медленно, потому что лекціи моего профессора казались мнѣ до того темными, что и самъ дьячокъ не могъ объяснить мнѣ, чему именно онъ учитъ. Любимое занятіе мое было — проводить время на бакчѣ, между кавунами (арбузами) и гарбузами (тыквами). Бывало, лишь только взойдетъ солнышко, я тотчасъ же и побѣгу въ поле, напѣвая пѣсенку:

Подкатись ко мнѣ
Золотой арбузь!
Я возьму тебя
Въ ручки бѣлыя,
И покушаю
Вмѣсто булочки:
Надоѣла мнѣ
Она мягкая!...

Прошу читателей замѣтить, что пѣсенка эта сочинена моимъ дядюшкой, который, по словамъ дьячка, подавалъ большія надежды въ пѣнопольнѣй увеселительномъ. Позже, когда я подросъ, то и самъ сталъ упражняться по этой части, то есть, въ сочиненіи пѣсень. Для того, чтобъ показать читателямъ, сколько во мнѣ самобытнаго дарованія, я считаю за нужное выписать одну пѣсенку, которую недавно сочинилъ. Вотъ она:

Гремить звонокъ, и тройка мчится
Вдоль по дорогѣ столбовой.
И что-то чудное мнѣ снится,
Когда настанетъ часъ ночной.
Но мой ящикъ — другое дѣло!
Про очи дѣвъ онъ не поетъ;
За то какъ гонить — бойко, смѣло,
Хоть поручиться — не заснетъ!
Ахъ; можетъ быть, ему судьбою
Прожить безъ пѣсень суждено;
Или женою молодою,
Быть можетъ, брошенъ онъ давно!

Или... но для чего догадки?

Отъ нихъ не лучше будетъ мнѣ.

О вы безхвостыя лошадки!

Меня везите къ сторонѣ....

Туда, въ тотъ край, гдѣ я впервые

Любовь и счастье узналъ:

Тамъ ждутъ меня мои родные,

Тамъ ждетъ меня мой идеалъ!

Изъ этой пьески читатели могутъ видѣть, что и я человекъ не простой — тоже стихи пишу и притомъ модные! Но объ этомъ подробнѣе я поговорю въ другой разъ, а теперь буду продолжать исторію моей жизни.

Когда я подросъ, заботливые объ образованіи ума и сердца родители опредѣлили меня въ Семинарію, въ той валежалъ, чтобы въ послѣдствіи сдѣлать изъ меня церковно-служителя. Но надежды ихъ не сбылись: вмѣсто этого, я сдѣлался актеромъ! Это случилось вотъ какъ:

Однажды мы (то есть, я и товарищи мои, которые также обучались въ Семинаріи) отправились на охоту за дупелями. Прошу замѣтить, что всѣ мы были люди молодые и забубенные, то есть, любили *покуралесить*. Отошелши отъ городу верстъ пять, или шесть, мы присѣли подъ деревомъ, чтобы отдохнуть и выпить настоечки. Не знаю навѣрное, долго ли мы сидѣли и много ли пили; но пошло только то, что дупелей не изловили, а *драку учинили*. Въ это время провѣзжалъ мимо насъ одинъ изъ учителей. Увидѣвъ насъ въ такомъ упоительномъ порядкѣ, онъ вылезъ изъ своего тарантаса и подошелъ къ намъ, провзнося какую-то поучительную рѣчь, въ которой воспрещалось пять вино, а *тѣмъ паче драку учиняти*. Сначала, мы слушали его равнодушно, но когда онъ объявилъ, что съ этихъ поръ не будетъ пускать насъ гулять мѣсяца три, или четыре, тогда терпѣніе наше лопнуло, и мы учинили противъ краснорѣчиваго наставника поголовное ополченіе.

На другой день всѣмъ намъ приказано было оставить Семинарію, потому что мы, по словамъ наставниковъ, къ *дальнѣйшему развитію умственныхъ способностей пригодными не оказались*. Тѣ изъ насъ, которые имѣли деньги, отправились къ родителямъ, или къ знакомымъ; а тѣ, у которыхъ почти ничего

не было, стали думать о томъ, какъ бы отыскать по выгоднѣе мѣстечко. Я принадлежалъ къ числу послѣднихъ.

Въ это время въ нашъ городъ прѣхалъ одинъ изъ тѣхъ содержателей провинціальныхъ театровъ, которые безъ церемоніи называютъ себя *геніями первой масти*, а актеровъ, которые находятся у нихъ въ труппѣ, ставятъ выше Тальмы и Гаррика, а ужъ о Каратыгинахъ и говорить нечего. Такая почестъ актерамъ, то есть, громкія титулы ихъ, чрезвычайно подѣйствовали на мои слабыя нервы: я только о томъ и думалъ, какъ бы стяжать славу, вообще и деньги въ особенности, и попасть въ геніи, то есть, въ актеры къ этому *геніальному антрепренеру*. Только одно казалось мнѣ немного страннымъ, а именно то, что въ труппѣ этого антрепренера почти все актеры были — таланты первокласные; даже плотникъ, который приколачивалъ къ стѣнамъ кулисы, именовался не иначе, какъ *искуснымъ механикомъ и самороднымъ машинистомъ*.

Наконецъ, послѣ долгихъ усилій и чрезъ протекцію одного знакомаго, *геніальный содержатель театровъ* принялъ меня въ свою труппу и въ тотъ же день пожаловалъ въ геніи! Видите ли — и я былъ геніемъ, и еще у кого — у геніальнаго механика. Въ то время казалось мнѣ, что весь свѣтъ смотрѣлъ на меня, какъ на человека, который самъ по себѣ не человекъ, а особа, имѣющая все права на особенное удивленіе современниковъ и совершенное почтеніе потомства. Но, увы!... будучи геніемъ, я верька смотрѣлъ съ завистью на какого нибудь скромнаго ремесленника, который трудами своими достаетъ себѣ насущный хлѣбъ и живетъ, хотя не совсемъ весело, но спокойно. Я увѣренъ, что много найдется такихъ людей, которые смотрятъ на *актерство*, какъ на ремесло весьма легкое и прибыльное. Эти люди обыкновенно воображаютъ, что, поступивъ въ актеры, они поправятъ свое состояніе и даже обезпечатъ тѣмъ свою будущность. Нѣтъ, господа! Вы ошибаетесь, ошибаетесь жестоко! Знаете ли, что провинціальный актеръ — человекъ потерянный въ полномъ смыслѣ этого слова. Занимаясь актерствомъ, онъ мало-по-малу забываетъ свои прежнія способности дѣлать что нибудь полезное себѣ и обществу; физическія силы его истощаются, потому что онъ,

Гдѣ не допьеть, гдѣ не доѣстъ,
То есть: несетъ тяжелый крестъ!

Не подумайте, читатели, что я вападаю на провинціальныхъ актеровъ и пишу объ нихъ нелѣпости. Я, нижеподписавшійся, самъ честь имѣлъ находиться въ званіи актера около десяти лѣтъ, и признаюсь вамъ откровенно, что въ это время столько перенесъ я бѣдъ и гоненій, сколько не переносилъ ни одинъ герой въ трагедіяхъ Шекспира. *Геніальный содержатель провинціального театра* поступилъ со мною хуже, чѣмъ Шейлокъ, который хотѣлъ у займодавца своего вырвать фунтъ мяса за то только, что тотъ не успѣлъ заплатить ему деньги къ сроку. Этотъ *геніальный содержатель* обласкалъ меня, какъ лисица, и насылилъ мнѣ всего съ три короба, а на самомъ дѣлѣ оказалось, что я былъ обманутъ имъ такъ, какъ обманываетъ человекъ, у котораго совѣсть спряталась въ пятки, стыда ради. Чтобы доказать читателямъ, что я говорю правду, приведу здѣсь для примѣра одно изъ тѣхъ объявленій, которые вышеозначенный *геніальный содержатель* разсылаетъ по городамъ, въ которыхъ намѣревается играть. По этому объявленію читатели сами могутъ судить, сколько у геніальнаго содержателя ума и умѣнья заманивать въ западную свѣтъ в людей.

ОБЪЯВЛЕНІЕ (*).

«Содержатель Русской Драматической, Оперной и Водевильной труппы г-нъ Л. Ю. М. дворянинъ, недавно прибывшій въ сей городъ съ труппою русскихъ артистовъ, посвятившій себя съ самаго младенчества въ вѣчные и всенижайшіе рабы храму Талии и Мельпомены, упражняющійся въ ономъ храмѣ высокими и полезными драматическими искусствомъ болѣе 20 лѣтъ и пріобрѣтшій на горизонтъ славы ярко — блестящую извѣстность, какъ актеръ; а болѣе какъ Антрепренеръ рачительный и усердный къ своей обязанности, понимающій сцену, какъ свои пять пальцевъ, дававшій подъ управленіемъ своимъ труппою русскихъ актеровъ во многихъ городахъ России, т. е. Россійской Имперіи многія представленія, состоящая изъ многихъ печальныхъ драмъ, мело-драмъ, трагедій, трагикомедій, высокихъ комедій, простыхъ комедій, русскихъ народныхъ представленій и малороссійскихъ пьесъ, оперъ разныхъ загра-

(*) Афиша эта подлинная и списана съ дипломатическою точностію.

ничныхъ: испанскихъ, итальянскихъ и нѣмецкихъ, каковы напр. Цампу ужаснаго Морскаго разбойника, Фра-Дяволо, тоже не меньше ужаснаго и притомъ любезнаго разбойника и тому подобныхъ разбойниковъ; русскихъ оперъ веселыхъ и довольно эффектныхъ, какъ-то: Ямъ, Аскольдова могилъ и другихъ, все отличныхъ, дѣлавшихъ много шуму и производившихъ большой фуроръ по всей Россіи, какъ на столичныхъ, такъ и на провинціальныхъ сценахъ; оперъ малороссійскихъ, смѣшныхъ до нельзя, уморительныхъ до слезъ; оперетокъ-водевилей: русскихъ благородныхъ и простыхъ национальныхъ; и переведенныхъ съ французскаго разныхъ сочинителей; интермедій потѣшныхъ до умора!... И пантомимъ ужасно страшныхъ и невыразимо смѣшныхъ, каковы напр.: Разбойники въ перенейскихъ горахъ, наводящіе ужасъ и невольный страхъ! И другіе не меньше ужасные: Разбойники вогемакскихъ лѣсовъ, соч. безсмертнаго Швллера, здѣ по примѣру знаменитаго и извѣстнаго всей Европѣ нѣмецкаго артиста г-на Кунста, имѣвшаго счастье въ недавнемъ времени получить за игру С. Петербургской образованной публики одобрение, самъ содержатель театра выполняетъ двѣ главныя роли: Карла и Франца, графъ Мооръ. Также пантомима: Три обманутыхъ любовника или Коварство подлпвалы и проч. и проч. и проч. Таковыми отборными представленіями, содержатель театра заслужилъ, какъ выше сказано, во многихъ городахъ губернскихъ и уездныхъ, равно и на ярмаркахъ ярко блестящую славу и повсемѣстно извѣстную извѣстность, тѣмъ болѣе, что бывши болѣе 15-ти лѣтъ содержателемъ Русской труппы, всегда и вездѣ всеусердно и неустанно старался доставлять почтеннѣйшей публикѣ полное удовольствіе въ изисномъ, чрезъ что и получалъ всегда отъ начальства словесно и письменно благодарность и разныя похвалы. Нынѣ прибывъ въ сей городъ и объявляя о себѣ какъ слѣдуетъ, г-нъ содержатель честь имѣетъ присовокупить, что труппа у него сформирована съ большимъ чувствомъ, толкомъ и вниманіемъ. Артисты единъ во единъ, — мастера на всѣ штуки, одинъ другаго не выдастъ; про артистокъ же и говорить нечего. Всѣ воспитаны въ послѣднемъ вкусѣ, одѣваются по послѣдней модѣ. Четыре изъ нихъ натурально ни въ чемъ не уступятъ извѣстной актрисѣ Сурмиловой (что въ Синиикинѣ), а остальные всѣ безъ исключенія нѣжны, чувствительны и красавицы собой, ростъ, по-

ходка, словомъ, фигурка—загляденье! Въ особенности есть одна молодая еще артистка д-ца Л....., подающая большія надежды къ огромнѣйшему успѣху и ожидающей ее славы, она недавно поступила во храмъ Талли и Мельпомены и уже развернула свои способности. Съ большимъ чувствомъ, не безъ труда, однакожь, выдержала два дебюта въ тяжелой драмѣ и въ нѣсколькихъ водевиляхъ и чудо, что за душа, что за манера.... Публика осталась ея широко чрезвычайно довольна и въ знакъ своего удовольствія оказала любимицу своей немолкаемо-единодушными аплодисиментами и громогласно — дружными безъ счета вызовами. О чемъ умолчать предъ новою публикою, со стороны содержателя было бы непростительно — грѣшно!.... Больше потѣшу, что она еще такъ молода и неопытна, а видѣтъ природный даръ къ искусству, въ которомъ самъ содержатель большой знатокъ и ручается, что подъ его управленіемъ юная артистка дойдетъ до своей цѣли и выйдетъ изъ нея чудная актриса!.. Она неподражаема въ роляхъ: КАСПАРА въ драмѣ КАСПАРЪ—ГАУЗЕРЪ и АНЕСЫ въ драмѣ ОТЕЦЪ и ДОЧЬ, ОБДОВСКАГО. Съ чувствомъ выполняетъ роль КУПЕЧЕСКОЙ ДОЧКИ; а ЛИЗА въ СИНЧИКВѢ выше совершенства!!! Словомъ, содержатель театра смѣетъ увѣрить почтеннѣйшую публику, что теперешняя труппа его сформирована изъ самыхъ лучшихъ и отборныхъ сюжетовъ во всѣхъ отношеніяхъ, почему прежде времени льститъ себя надеждою, что почтеннѣйшая публика вполне останется довольна и благодарна ему содержателю, какъ мудрому, неусыпно-прилежному, старательно-рачительному и тонко-знающему свое дѣло распорядителю и режиссеру. При этомъ не упуская изъ виду, и-нѣ содержатель имѣетъ честь также довести до свѣдѣній почтеннѣйшей публики, что кромѣ выше-писаннаго при труппѣ его имѣется также высокой степени искусства балетъ, не говоря о всѣхъ, въ особенности рекомендуетъ и-жу П.... Это молодая танцовщица, солистка, неопытной красоты, въ танцахъ граціозна до неимовѣрности, неподражаемо—мило и очаровательно танцуетъ: КЛЮЧУ, СОЛО ИЗЪ ГИТАНЫ, ПА-ДЕ-ДЕ съ шалью; а ужъ на цыганскій танецъ—выше вдохновенія—злодѣйка просто, какихъ и свѣтъ не родитъ, т. е. прелесть!... Въ заключеніе содержатель театра имѣетъ честь объяснить, что на обставку пьесъ по предположенному репертуару, онъ употребитъ всевозможное стараніе, не щадя доволь-

но значительныхъ ему издержекъ; дабы чрезъ то имѣть полный успѣхъ, въ чемъ онъ нисколько не сомнѣвается. Главная его цѣль доставить почтеннѣйшей публикѣ возможность, въ теперешніе длинные вечера провести время въ полномъ удовольствіи и насладиться минутами вдохновенія талантливыхъ артистовъ, за что почтеннѣйшая публика, оцѣня вполне труды и заботливость ея-на содержателя, не оставитъ безъ вниманія посвѣщеніемъ его спектаклей, въ чемъ именно состоитъ его интересъ, чтобы заслужить какъ похвалу начальства, такъ и одобреніе публики, съ присовокупленіемъ для него болѣе извѣстности и болѣе славы; а всего главнѣе болѣе способовъ и средствъ къ продолженію этого благороднаго занятія, которое по многимъ отношеніямъ служитъ вліяніемъ, какъ къ образованію и просвѣщенію общества или обществу, такъ равно довольно рѣзкою чертою отличается и промышленностію для города. Содержатель театра, питаясь искрою надежды и лучемъ сіянія славы; долгомъ также считаетъ во всеуслышаніе возвыстись, что труппою его съ удивительнымъ превосходствомъ выполняются волшебныя оперы, ужасающія всѣ члены зрителя и приводящія его въ бурный трепетъ и трепетный энтузіазмъ. Оперы эти слѣдующаго содержанія: Русалки въ четыре части, Волшебный стрѣлокъ, Волшебное дьявольское наставленіе, Чортовъ камень, Чортова мельница, Чортовъ колпачекъ, Чортова шапочка, и тому подобная чертовщина и все въ ужасныхъ видахъ и неимоверныхъ, выше дивныхъ, во мнovenіе ока превращеніяхъ и чудесахъ невыразимыхъ! съ великолѣпными спектаклями по столичному, потому что машины и полеты выше гениальности — уподобляются съ полетомъ стрѣлы, туго — натянутой и пушечной отчаянно-звѣрскимъ и глазомъ-вѣрнымъ башикирцемъ; а декорации написаны художественно, выше всякой похвалы — сравненія и подобія, которымъ не сыщете даже и въ древнихъ. Г. содержатель театра, какъ страстный любитель всего изящнаго, не имѣетъ твердости духа умолчать также и о своемъ талантѣ и потому всенижайше проситъ почтеннѣйшую публику обратить вниманіе на сіи послѣднія строки: Труды долговременныхъ изысканій и страданій въ юдоли актерства и артистическаго, дали ему способъ ознакомиться и понять въ тонкости лучшее — искусственное, изучить вполне духъ поэзіи — упражняясь аллегорически!

Онъ дивно понялъ Шекспира, объяснилъ уже Шиллера; свѣдущъ о генияхъ: Коцебу, Мольера и другихъ французскихъ, итальянскихъ и римскихъ писателей, потому и репертуаръ его удивительно разнообразенъ и неизменно наполняеми. Въ роли Короля Лира, въ трагедіи того же имени, онъ выше гениальности, невѣдаеиъ и столичному артисту. Въ роли Роджерио въ Уголино, потягиваетъ съ кльмъ угодно. Вообще характеры: хитрыхъ, коварныхъ, лжелюбивыхъ и заколнвшихъ въ тиранствѣ, онъ выполняетъ неподражаемо. Онъ отличителенъ на роли, требующія большой жестификаціи, гармонической интонаціи, привлекательной акцентаціи.... Дикція и мимическое выраженіе у него идетъ какъ по маслу. Въ операхъ поетъ басовыя партіи и неподражаемо выполняетъ Цампу, Робертъ — Дьявола, Неизвѣстнаго въ «Аскольдовой могилѣ», Сусанина, въ—«Жизнь за Царя», графа—Рудольфа, въ «Нѣвѣсть лунатикъ», Сержанта въ «Швейцарской хижинѣ» и другія первыя въ операхъ роли, словомъ, Моцартъ, Оберъ, Бетховенъ, Мейербергъ и прочіе другіе знаменитые итальянскіе и германскіе композиторы у него въ памяти, какъ $2 \times 2 = 4$. что называется наизусть!.... Въ водевиляхъ, г. содержатель иногда занимаетъ роли любовниковъ и выполняетъ по точной методѣ артиста Императорскихъ театровъ г-на Максимова 1, зачѣмъ онъ нарочно пздилъ въ столичный городъ Санктпетербургъ, идъ имѣлъ удовольствіе познакомиться со всеми великими артистами и угощалъ ихъ обьдомъ. Сверхъ всего вышеобъявленнаго, г. содержатель театра въ большихъ и разнохарактерныхъ дивертисиментахъ, поетъ прекрасно пьсенки и романсы, въ особенности съ чувствомъ и душею Червую шаль в Сомнѣніе, т. е. Уймитеиъ волненія страсти, слова Кукольника, музыка Глики, извѣстныхъ русскихъ писателей, заслужившихъ уже себя право быть бессмертными, одинъ въ исторіи литературы и поэзіи, а другой въ исторіи музыки. Онъ же г. содержатель съ большимъ искусствомъ и проворствомъ танцуетъ козацька и неподражаемо пляшетъ въ Макарьевской ярмаркѣ по-цыгански, что въ непродолжительномъ времени постарается доказать на дѣль. Ноябрь 12. дня 1847. года.

ОСОБАЯ СТАТЬЯ ПО ПУНКТАМЪ.

1. «Въ костюмахъ при театральномъ гардеробѣ, какъ муж-

скихъ, такъ и женскихъ, недостатка нѣтъ, сдѣланы со вкусомъ, изъ дорогой парчи, атласа, бархата и тому подобныхъ дорогихъ матерій, знаменитыми портными на заказъ, по рисункамъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ націй, за 840 лѣтъ до нашихъ временъ. 2. Бутафорная часть также въ исправности. 3. Библіотека можетъ считаться первою изъ всѣхъ провинціальныхъ театровъ въ Россіи. 4. Прислуга на своихъ мѣстахъ, въ должномъ почтеніи и уваженіи къ *почтеннѣйшей* публикѣ. 5. Кассиръ, буде обсчитаетъ посѣтителя на 5 к. серб., штрафуется полумьсячнымъ жалованьемъ. 6. Оркестръ музыки при театрѣ, хотя сборный, но составленъ изъ лучшихъ артистовъ и состоитъ изъ держора, тонко-знающаго свое дѣло, играющаго безъ изытій на всѣхъ рѣшительно инструментахъ, бывшаго два года въ упражненіи по сему предмету за границей, трехъ скрипачей, одного флейтиста, одного кларнетиста и одного віолончелиста, недостаетъ волторны, контрабаса и литавры, что со временемъ г. содержатель театра постарается пополнить, впрочемъ, въ случаѣ нужды, віолончелистъ играетъ превосходно на волторнѣ и контрабасѣ, а вмѣсто литавры, при необходимости можно будетъ взять барабанщика съ барабаномъ изъ гарнизонныхъ солдатъ по наряду; и 7. Если окажутся желающіе брать уроки отъ г. содержателя театра въ драматическомъ искусствѣ и пѣніи или отъ держора въ искусствѣ музыки, на какихъ бы то ни было инструментахъ, потому что оный держоръ нанятъ съ условіемъ давать уроки постороннимъ лицамъ, съ платою въ пользу г-на содержателя, то таковыхъ особъ покорнѣе просить обращаться прямо къ нему содержателю. Въ заключеніе сего седьмого пункта, сей особой статьи, г. содержатель, предославляя все вышеписанное на разсмотрѣніе и судъ образованной здѣшней публики, съ истиннымъ къ ней почтеніемъ и всеусердною преданностію готовый на исполненіе самаго меньшаго ея требованія, имѣетъ честь ожидать отъ нея мпловстваго къ нему вниманія.

Примѣчаніе: а) Съ открытіемъ театра дано будетъ въ первый разъ: *Коварство и любовь*, трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ по отдѣленіямъ соч. Шиллера; за оною послѣдуетъ *Аскольдова могила*, большая опера въ 4-хъ дѣйствіяхъ съ перемѣнами, — музыка г-на Верстовскаго, за оною *Синичкинъ провинціальный актеръ или пройдоха всего свѣта*. Водевиль въ 5-ти дѣйствіяхъ соч. г.

Ленского, за оною *Трынь-брынь* или *чертовъ мѣхъ на дьявольской подкладкѣ*, большая волшебная опера въ 7-ми дѣйствіяхъ, 18-ти перемѣнахъ и 25-ти картинахъ съ новыми: *декораціями, машинами, полетами, превращеніями, борьбою черта съ дьяволомъ и великолѣпнымъ спектаклемъ при освѣщеніи бенгальскаго огня. Въ заключеніе машинистъ здѣшней труппы отрубитъ топоромъ голову одной молоденькой актрисѣ или желающему изъ Гг. посьтителей, чего дамы недолжны бояться, потому что это штука Пинети. б.) Управляющій театромъ покорнѣе проситъ Гг. посьтителей, при входѣ въ театръ предъавлять имѣющіеся у нихъ въ кресла билеты капельдинеру, для того, что у каждаго билета будетъ имъ отрываемъ уголь съ №, а билеты будутъ оставаться у Гг. посьтителей и притомъ въ антрактахъ при входѣ оныя предъавлять ему же капельдинеру. с.) Во избѣжаніе безпорядка Гг. посьтители должны занимать мѣста не иначе, какъ по имѣющимся у нихъ на билетахъ нумерамъ. д.) Куреніе сигаръ и трубокъ въ зданіи театра, равно и входъ за кулисы, лицамъ къ театру непринадлежащимъ, воспрещается. и е.) Театръ будетъ чистъ и тепелъ.*

Какое содержатель? Да это чародѣй, говоря его словами, *выше всякой похвалы*, которому сравненія и подобія *не сыщите даже и въ древнихъ*. Нестану я описывать исполненія артистами и *геніальными* машинами всѣхъ объявленныхъ выше г-мъ антрапренеромъ пьесъ, потому, что это дѣло не мое, хотя однако я частенько и не безъ удовольствія перечитываю мои краткія замѣтки о такихъ чудесахъ. Время двухъ-годичнаго моего служенія у этого *дивнаго* содержателя, *геніальнаго* механика, дало возможность мнѣ и самому полурочиться и надвинуть на его *дивныя* штуки, о которыхъ, если угольно будетъ Редакціи «Пантеова», я вышлю извлеченіе изъ моихъ замѣтокъ; а теперь дѣло вотъ въ чемъ. Къ вамъ опять зываю: *Братья, други, люди русскіе*, провинціальныя актеры, которые еще незнаютъ этого *дивнаго* содержателя, *геніальнаго* механика и если Богъ приведетъ кому изъ васъ увидѣть подобное объявленіе (они у него бывають всегда и вездѣ на одинъ покровъ!) старайтесь даже не встречатся съ этимъ *дивнымъ* содержателемъ; а если Богъ накажетъ за грѣхи, и вы сойдетесь съ подобнымъ *геніальнымъ* механикомъ, невѣрьте этому *мудрому, неусыпно-прилежному, старательно — рачительному* и тонко-

знающему свое дѣло распорядителю и режиссеру. Онъ въ полномъ смыслѣ *геніальный механикъ* и чародѣй небывалый до сего времени нигдѣ, *даже и въ древнихъ*. Онъ васъ обворожить, право обворожить, засыплетъ ласками, увидится передъ вами до того, что вы покраснѣете, — вамъ станетъ совѣстно, а ему это ни почемъ, надастъ вамъ обѣщаній, сколько хотите, *даже въ изышествахъ* противъ вашего желанія, выпроситъ у васъ денегъ — непременно выпроситъ по его выраженію: *на оборотѣ театральномъ, для общей нашей пользы*, впрочемъ узнаетъ прежде, есть-ли они у васъ? — есть — выпроситъ, вѣтъ — и просить нестанетъ. *Дивный содержатель! Геніальный механикъ!* Если потомъ вы изъявите нужду въ деньгахъ, онъ не откажетъ, дастъ вамъ двугривенный на чай, пяти — алтынный на табачекъ и гривенникъ на разные расходы, (въ кабакѣ, въ провинціи эго ничего, *даже и геніямъ* дозволяется.) Да сверхъ того, при такихъ полученіяхъ, любимымъ артистамъ, не въ счетъ жалованья, выдается *рюмка водки*. Послѣ такого полученія вы не просите больше денегъ по его словамъ *до лучшаго времени, пока Богъ дастъ дѣла поправятся*, а у него при всей его аккуратности, и неусыпномъ стараніи дѣла вѣчно въ дурномъ положеніи. Вы сколько угодно служите ему, онъ будетъ все обѣщать за ваше терпѣніе вознаградить васъ вдвое при возможности, *когда дѣла Богъ дастъ поправятся*. Вы вѣрите... ждете... ждете... проживаете все, что есть у васъ, деньги и платье, и все ждете, *пока Богъ дастъ дѣла поправятся*; дѣла же все въ одномъ в томъ же положеніи, а васъ, какъ говорится, за носъ водятъ. Наконецъ, проживши все и накоптылявши на шею долговъ вы настоятельно просите расчета, васъ опять *дивный содержатель, геніальный механикъ* утѣшаетъ надеждою въ будущемъ, увѣряетъ въ своей честности, клянется такими же страшными и ужасными клятвами, какъ его трагедіи, этого мало, прибавляетъ вамъ жалованья и даетъ т. е. не даетъ, а обѣщаетъ не въ счетъ условленнаго *еще* бенефисъ. Вы опять вѣрите, и опять ждете и опять просите расчета... и опять тоже слышите... Что остается дѣлать? У васъ терпѣнія недостаетъ, вы идете просить на этого *дивнаго содержателя, геніальнаго механика*. Вамъ отвѣчаютъ: «*Не первые вы просите, много почище васъ было и то ничего не взяли.*» Вы опять просите и опять вамъ говорятъ: «*Полиція не для того учреждена, чтобы разбирать*

однихъ актеровъ съ ихъ содержателемъ; здѣсь и безъ васъ много дѣла.» Вы вздохнете, плюнете на всѣхъ дивныхъ и не дивныхъ, гениальныхъ и не гениальныхъ механиковъ и уйдете, (если есть средства:) куда глаза глядятъ или куда судьба укажетъ, хорошо, если вы уйдете, а чего добраго и пѣшечкомъ пройдетесь, что не только со мной, но и со многими изъ братіи моей случилось. Теперь Гг. судите о добродѣтели подобныхъ *гениальныхъ* людей. Я болѣе двухъ лѣтъ служу на провинціальной сценѣ претерпѣвалъ, переносилъ всѣ нужды и все ждалъ по увѣреніямъ гениальнаго механика—антрепренера *пока Богъ дастъ дѣла поправятся.* Наконецъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ сего года, во время выборовъ, Богъ дамъ дѣла действительно поправились. Дивный гений съ деньгами. Вотъ нашъ дивный гений:

Сталъ и гордъ, и важень, и смѣсивъ,
Объщавій онъ не помнитъ — клятвы всѣ забылъ.

Спустя нѣсколько времени, я опредѣлялся въ другую труппу, которою управлялъ содержатель далеко не такъ гениальный, какъ первый. Но и тутъ счастье не благопріятствовало мнѣ, потому что новый антрепренеръ былъ такой человекъ, который самъ находился *въ тискахъ...* а когда человекъ находится въ тискахъ, тогда нечего думать о счастьи: дай Богъ свлы только выкарабкаться изъ нихъ. Сверхъ того, на новой сценѣ случилось со мной еще такое несчастье, которое заставило меня навсегда оставить службу у Талии и Мельпомены.

Однажды, въ какой-то драмѣ, я игралъ роль главнаго героя. Въ пятомъ актѣ пьеса требовала, чтобы герой, то есть я, провалился сквозь землю. Это бы еще ничего, но вотъ бѣда: механизмъ сцены, на которой я игралъ, былъ устроенъ такъ искусно, что я полетѣлъ со сцены подъ полъ верхъ ногами, и очутился подъ поломъ ни живъ, ни мертвъ, и почитаю еще за счастье, что переломилъ только одну ногу, да вышибъ глазъ! Что дѣлать, безъ драматической фигуры никакъ не обойдется на провинціальной сценѣ!

Такимъ образомъ, сдѣлавшись *актеромъ инвалидомъ*, я принужденъ былъ у того же содержателя театровъ занять должность ламповщика, и, какъ говоритъ Исполить Бубликъ, *былъ существо самое безвредное и простодушное, способное только*

разливать свѣтъ на темный мѣръ провинціальныхъ сценъ и гасить лампы.

Наконецъ, терзавіе мое мало-по-малу истощилось. Еще нѣсколько времени — и со мною случилось бы Богъ знаетъ что; скажу проще: я близокъ былъ къ сумасшествію. Но судьба угодно было не допустить меня до этого испытанія, быть можетъ, послѣдняго, и едва ли не самаго ужаснаго. Нѣтъ, благое Провидѣніе хотѣло, чтобы я получилъ отъ дядюшки наследство и хоть сколько нибудь насладился жизнью.....

Получивъ деньги, я въ тотъ-же день отправился на родину къ своей матушкѣ. Дорогою я вздохнулъ свободно и перекрестился, какъ человекъ, кончившій все земное..... А колокольчикъ звѣнелъ грустно и уныло! и въ то время, какъ ямщикъ напѣвалъ какую-то пѣсню, мнѣ казалось, что я уже въ Украинѣ..... Вотъ хата, въ которой провелъ я лучшіе дни моего дѣтства; а вотъ и садъ, въ которомъ рвалъ я вишни. На крыльцѣ стоитъ старушка и какъ будто кого-то ждетъ: это ты, моя матуся. Родная! прими блуднаго сына въ родительскія объятія и обрадуй его своею любовью!..

Вотъ вамъ судьба провинціальнаго актера. Не подумайте, что я описывалъ вещи, какихъ не случается на свѣтѣ. Нѣтъ, это случилось не только со мною, но было со многими, подобными мнѣ. Пусть исторія моей жизни послужитъ примѣромъ тѣмъ господамъ, которые добровольно обрекаютъ себя на званіе генія-актера, въ трупкахъ гениальныхъ механиковъ!

Актеръ Осина — Бутъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

АНДАЛУЗСКАЯ СЕРЕНАДА. (*)

Смокнулъ дальній шумъ столицы,
Вътеръ свещеть межъ вѣтвей;
Въ небѣ проблески зарницы,
Давить сонъ мой зенницы....
Другъ! впусти меня скорѣй!

Надъ скалами твои бродятъ,
Меркнутъ звѣзды на тверди;
Огоньки въ болотахъ всходятъ,
Сильфы игры ужъ заводятъ....
Дѣва! въ домъ меня введи!

Огопри мнѣ дверь скорѣе:
Холодъ члены костенить,
Тучи близки, громъ слышнѣе,
Сердце бьется все страшнѣе....
Чу!... подземный хоръ гудить!

(*) Переводъ изъ испанской народной драмы.

Или нѣтъ мнѣ упованья?
 Что такъ долго медлишь ты?
 Или жгучія страданья,
 Красоты твоей созданья,
 Для тебя однѣ мечты?

Подъ полночные удары,
 Надъ могильной тишиной,
 Предъ лицомъ Небесной кары,
 Я клянусь разсѣять чары,
 Овладевша душой!

Разорву любви оковы,
 И опять свободенъ я!
 Ахъ! оставь свой нравъ суровый!
 Дай ожить мнѣ жизнью новой
 У привѣтнаго огня!

Знаешь башню надъ скалою?
 Слышишь бездны дальній рѣвъ?
 Тамъ, гдѣ съ дикою совою
 Крякчетъ воронъ надъ волною....
 Тамъ я брошусь въ черный зѣвъ!

И безгробнымъ привидѣнемъ
 Стукну въ полночь у дверей....
 Не спасешься ты молениемъ....
 Не смягчусь я сожалѣнемъ....
 Ахъ.... впусти меня скорѣй!

О. Кош.

ЗАВѢТНОЕ ОКНО.

Когда запоетъ соловей
И небо звѣздами блеснетъ
И мѣсяцъ, сквозь сѣтку вѣтвей,
Въ окно къ тебѣ лучъ свой пошлетъ,
Безмолвный, тогда я брожу
Въ саду твоємъ темномъ съ тоской,
И взоромъ съ окна не свожу,
Открытаго на ночь тобой.
И грустный завидую я:
И въ небѣ блестящимъ звѣздамъ,
И пѣснѣ ночной соловья,
И мѣсяца блѣднымъ лучамъ.
Та пѣсня, чаруя мечты,
Течетъ къ тебѣ въ душу струей;
Любуется блескомъ звѣзды
Твой взоръ полуночной порой;
И кинувъ свои небеса,
Ласкаютъ, цѣлуютъ въ ночи
И грудь, и уста, и глаза
Луны золотые лучи.
И страстныхъ я пѣсень хочу:
Я въ звукъ обратился бѣ живой,
Прильнулъ къ твоему бы плечу,
Какъ мѣсяца лучъ золотой,
И въ душу твою, красота,
Глубоко бѣ я пѣснью запалъ,
А грудь, и глаза, и уста
Я все бѣ цѣловалъ, цѣловалъ...

Н. Грековъ.

ПРОСТИ, ПРОСТИ!

Прости, прости, о ты, кого такъ много,
 Такъ искренно, такъ долго я любилъ,
 И не суди безчеловѣчно — строго
 Того, кто здѣсь тобою только жилъ!

Прости, прости!

Прости, прости — навѣки можеть — статься;
 Быть можеть, намъ не свидѣться съ тобой:
 Чужой для всѣхъ, пойду я вѣкъ скитаться
 Изъ края въ край бездомнымъ сиротой.

Прости, прости!

Прости, прости! но знай, что за тобою
 Послѣдую повсюду мыслью я,
 И какъ умру, почти хотя слезою
 Мой бѣдный прахъ, жестокое дитя!

Прости, прости!

Д. Суиковъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОЧЕРКИ

АЛЕССАНДРО МАНЗОНИ.

(Статья 2-жи Дюпенъ.)

Morte, tu mi darai fama e riposo! (Смерть, ты мнѣ доставишь славу и покой!) говорилъ Фосколо, въ одномъ изъ своихъ грустныхъ сонетовъ. Манзонни не нужно ждать этой награды отъ будущихъ поколѣній; онъ получилъ ее отъ современниковъ, безъ искательства, безъ стараній, благодаря одному своему таланту и личному характеру. Явится ли нѣсколько суровая критика — ему не нужно искать защитниковъ; всѣ принимаютъ ее за свое личное дѣло, за оскорбленіе, нанесенное всему народу; и между тѣмъ, какъ почитатели его единодушно возстаютъ на варвара, дерзнувшаго не раздѣлять ихъ мнѣнія, самъ поэтъ спокойно и безпристрастно разсматриваетъ критику. Онъ самъ гдѣ-то простолюдно высказалъ, какъ онъ дорожитъ общимъ мнѣніемъ: «Талантъ, говоритъ онъ, никогда не бываетъ увѣренъ въ себя самомъ; ему нужно внѣшнее подтвержденіе силъ, которыя онъ подзрѣваетъ въ себя. Пренебреженіе огорчаетъ его, а непризнаніе почти неминуемо ведетъ его къ сомнѣнію въ себя.» Изъ этого не должно однако же заключать, чтобы талантъ передъ общимъ мнѣніемъ отрекался отъ своей

личной самостоятельности. Обнимая вопросъ со всѣхъ сторонъ, онъ скоро оправляется отъ мгновеннаго смущенія, сознается въ своихъ пораженіяхъ, видитъ свои слабыя стороны, но видитъ въ тоже время и свои сильныя стороны, понимаетъ, что, наконецъ, онъ долженъ остаться побѣдителемъ.

Одинъ только разъ, по поводу первой своей драмы — «Графъ Карманьола,» Манзони отвѣчалъ своимъ критикамъ прекраснымъ *письмомъ о единствѣ времени и мѣста съ трагедіи*, посвященнымъ ученому профессору Форіелю, который его и напечаталъ; но и это письмо онъ написалъ не столько въ защиту своего произведенія, сколько для изложенія новыхъ понятій о драмѣ, которыя онъ старался ввести въ итальянскую литературу. Самъ старикъ Гёте, въ то время, забывъ свои семьдесятъ лѣтъ и съ жаромъ заступился за молодого поэта противъ нападеній одного итальянскаго и другаго англійскаго рецензентовъ. Видя, съ какимъ гнѣвомъ онъ возстаетъ на отзывъ англійскаго журнала, утверждавшаго, что «*графъ Карманьола*» слабое произведеніе,» можно бы подумать, что дѣло идетъ о немъ самомъ. И то правда, что онъ былъ задѣтъ за живое. Разбирая передъ тѣмъ эту драму, онъ заключилъ свою статью слѣдующими словами: «Разсмотрѣвъ съ добросовѣстною строгостью эту драму, мы убѣдились, что поэтъ мастерски исполнилъ предпринятое имъ дѣло.» Многіе, разумѣется, не могли безусловно согласиться съ этимъ слишкомъ милостивымъ сужденіемъ знаменитаго критика; въ томъ числѣ и самъ Манзони, какъ потому, что онъ, подобно всякому человѣку, одаренному великимъ дарованіемъ, стремится къ высокому, никогда недосягаемому идеалу, такъ и по врожденной ему скромности.

Скромность, дѣйствительно, отличительная черта Манзони. Онъ такъ боится извѣстности, что никто не могъ его уговорить снять съ себя портретъ для печати; потому-то, ни одинъ изъ печатанныхъ его портретовъ непохожъ; черты схвачены, но ни въ одномъ нѣтъ его фizioноміи; нѣтъ того ума, того простодушія, кротости, прямоты, которыя одушевляютъ его прекрасныя, римскія черты, и которыя могутъ вполне оцѣнить только

самые близкіе его друзья; потому - что только въ дружеской бесѣдѣ онъ является весь, каковъ онъ есть. Бесѣда его всегда любопытна и занимательна, потому что онъ многое изучалъ, и изучалъ основательно; его замѣчанія и наблюденія остроумны и оригинальны; и онъ каждого обверожитъ своею обходительностію и любезностію. Иногда, въ началѣ разговора, онъ нѣсколько заикается, подобно Торквату Тассу; но когда онъ разговорится, этотъ недостатокъ исчезаетъ, и рѣчь его чрезвычайно пріятна. Въ дополненіе его вѣшняго описанія, скажемъ, что онъ небольшого роста и довольно худощавъ.

При скромномъ характерѣ Манзони и его любви къ тихой семейной жизни, весьма естественно, что нельзя составить его подробной біографіи. Извѣстно только, что онъ родился въ Миланѣ, въ 1784 году, и за исключеніемъ трехъ или четырехъ лѣтъ, прожитыхъ въ Парижѣ, и нѣсколькихъ непродолжительныхъ поѣздокъ въ разные части Италіи, провелъ всю свою жизнь въ Миланѣ. Отецъ его былъ человѣкъ безъ всякаго образованія, назывался графомъ Манзони, но сынъ совсѣмъ откинулъ это титуло. Образованіемъ своимъ онъ обязанъ своей матери, дочери знаменитого юриста Беккаріи, и другу ея, Карло Имбошати. Онъ никогда не занималъ никакой общественной должности, и даже избѣгалъ всего, что бы могло дать ему политическое вліаніе въ отечествѣ. Одни его литературныя произведенія останутся памятникомъ его желанія добра человечеству и родинѣ. Для того, кто пойметъ ихъ, въ нихъ выражается чисто италіанская душа, но сдерживаемая благоразуміемъ и вѣрною оцѣнкою обстоятельствъ. Другіе увлекаются мечтами; Манзони же никогда. Онъ избралъ своею постоянною, священною цѣлью внутреннее совершенство; къ нему одному направлена вся дѣятельность его многолѣтней жизни. Онъ былъ свидѣтелемъ огромныхъ переворотовъ, совершившихся въ нашъ вѣкъ, но никогда не вмѣшивался въ нихъ; многія благородныя попытки, на его глазахъ, кончились смертію или изгнаніемъ; нѣтъ сомнѣнія, что и его душа основывалась на нихъ; но онъ понималъ, что эти порывы ни къ чему не поведутъ, кромѣ новыхъ бѣдствій, и удержался отъ борьбы, забывая,

что въ этихъ бѣдствіяхъ заключался зародышъ будущаго. Не должно, однакожъ, подозрѣвать его въ равнодушіи или себялюбіи. Манзони также былъ бы способенъ умереть; ему понятенъ энтузіазмъ самоотверженія; но онъ не положитъ добровольно головы безъ пользы для начатаго дѣла и не умретъ спокойно въ бесполезной кровавой встрѣчѣ, какаѣ бы не предстояла ему отъ того слава. Сердце его слишкомъ проникнуто уваженіемъ къ неприкосновенности жизни каждаго человѣка, и ненавистью къ убійству. Не онъ ли говоритъ въ книгѣ своей *Sulla morale catolica*: «Крови одного человѣка, пролитой его ближнимъ, уже слишкомъ много на весь вѣкъ и на всю землю!» А въ другомъ мѣстѣ той же книги, спрашивалъ, что должно дѣлать, чтобы оставаться въ мирѣ съ людьми, отвѣчаетъ: «Любить ихъ и умирать за нихъ!» *Amar li e morire*. Повторимъ слова Сентъ-Бѣва о Сильвіо-Пеллико: «Можно быть христіаниномъ сохраняя въ жилахъ своихъ остатокъ крови Маккавеевъ.» Да, громкое возстаніе противъ убійства, есть право и обязанность, отъ которой никто не можетъ отрекаться.

Чтожь удивительнаго, если имя Манзони не раздалось среди именъ столькихъ храбрыхъ? Можно ли винить его за любовь къ мирной свободѣ? Какъ и всякое нѣжное, любящее существо, онъ любитъ спокойную красоту растительной природы; многимъ поэтамъ она доставляла развлеченіе и отдохновеніе. У Давте много мѣстъ, доказывающихъ, что онъ часто любовался сельскою природою. Лопе-де-Вега съ восторгомъ говоритъ о своемъ садикѣ, въ которомъ было только одно померанцовое дерево, двѣ виноградныя лозы, кустъ розановъ и нѣсколько цвѣтовъ. Аріостъ и Декартъ все свои свободныя часы посвящали цвѣтамъ. Извѣстно, что Гёте, самъ поливалъ свои розы.

Манзони имѣетъ ту же страсть къ садоводству, и преимущественно къ разведенію рѣдкихъ, экзотическихъ деревь. Какъ скоро наступитъ весна, онъ оставляетъ свой Миланскій садикъ и отиравается съ семействомъ на свою дачу въ *Брузульо*, гдѣ проводитъ лѣто среди своей богатой плантаціи, откуда на горизонтѣ видны послѣд-

ніе уступы Альпъ, внушившіе ему столько поэтическихъ строкъ.

Почти всѣ поэты изливали въ своихъ стихахъ что-либо изъ своихъ заветныхъ чувствъ. Самъ старикъ Микель — Анжело высказалъ въ сонетѣ свое религиозное, грустное презрѣніе къ художнической славы; это было невольное выраженіе той глубокой тоски, которая съ того дня не оставляла его. Шекспиръ въ своихъ сонетахъ излилъ все блаженство и скорби своей любви. Въ наше время, Альфіери и Фосколо описали намъ цвѣтъ своего лица, волосъ, свои черты, всѣ особенности своихъ физиогномій. Въ стихахъ Манзони не найдете слѣдовъ ни его личности, ни его жизни; хотя бы многое могъ онъ сказать о своей матери, достойной дочери знаменитаго Беккарини, о своей первой женѣ, (1) Генриеттѣ, Луизѣ Блондель, которая перешла по убѣжденію изъ протестантскаго вѣроисповѣданія въ католическое, и своимъ примѣромъ, возвратила религиозное вѣрованіе въ сердце мужа; онъ передалъ только потомству имя ея, посвятивъ ея памяти свою прекрасную драму *Адельки*; могъ бы онъ говорить о своихъ двухъ дочеряхъ, похищенныхъ смертью въ цвѣтущемъ возрастѣ! Всѣ свои радости и скорби онъ высказываетъ только въ письмахъ, которыя едва ли когда выдутъ изъ круга искреннихъ друзей, къ которымъ писаны.

Единственное стихотвореніе Манзони на семейное событіе, есть стихотвореніе *На смерть Карла Имбонати*, его первое произведеніе. Карло Имбонати былъ другъ его матери и его воспитатель; Манзони лишился его въ такихъ лѣтахъ, когда смерть сильно потрясаетъ душу, потому-что человекъ не успѣлъ еще съ нею свыкнуться. Однакоже характеръ молодого поэта не позволилъ ему высказать то, что онъ чувствовалъ; вмѣсто того, чтобы излить въ стихотвореніи свою душу, онъ вспомнилъ Данте и подражалъ ему. Это стихотвореніе изобличаетъ молодого человека, который ищетъ затѣйливой формы для своего вдохновенія, пытается свои силы въ искусствѣ, который не понималъ еще божественна-

(1) Вторая жена Манзони, урожденная графиня Стампа. —

го смысла поэзи. Къ чему вводить Эвтерпу, Эрато и Талию въ надгробную пѣснь XIX вѣка? Въ немногихъ словахъ св. Августина, оплакивающаго молодаго друга, котораго онъ даже не называетъ, несравненно болѣе поэзи, чѣмъ въ длинной пѣснѣ Манзони съ его классическими воспоминаніями и холоднымъ дантовскимъ видѣніемъ. «Я не узнавалъ себя, говоритъ св. Августинъ, и душа моя, на безпрерывные вопросы мои: о чемъ скорбишь ты такъ безмѣрно, что смущаетъ тебя такъ сильно, ничего не могла отвѣчать мнѣ.»

Поэма *Урація* послѣдовавшая за стихотвореніемъ, «*На смерть Илбонати*,» есть также дань неопытнаго таланта вкусу времени; она составлена совершенно по образцамъ XVIII вѣка. Послѣ нея только начинается самостоятельная дѣятельность Манзони.

Чѣмъ болѣе вникаешь въ произведенія Манзони, тѣмъ болѣе находишь въ нихъ слѣды мощнаго ума, сознающаго прекрасное и стремящагося достигнуть крайнихъ предѣловъ своей силы. Онъ добросовѣстно изучалъ своихъ предшественниковъ; глубоко познакомился съ древностью, съ средними и съ новѣйшими вѣками; съ умершими и съ живыми. Возьмемъ, на-примѣръ, его языкъ; сколько требовалось проницательности, самыхъ разнообразныхъ изслѣдованій, врожденнаго чутья, оригинальности, чтобы создать его! Видно, что писатель изучилъ и библейскихъ пророковъ, и Виргилія, и Данте, и Боккачіо, и давно забытыхъ, старинныхъ поэтовъ Италіи, и народъ. Иногда встрѣчаются въ немъ также слѣды новыхъ вліяній. Найдя языкъ своего времени бѣднымъ, слабымъ, лишеннымъ своей народной физиогноміи, утратившимъ множество выразительныхъ словъ и оборотовъ, онъ возвратилъ ему все, что отняли у него нерадѣніе и раболѣпство.

Петрарка, передъ самою своею смертію, въ 1374 году, не смотря на изнуреніе, въ которое ввергли его труды, болѣзни и лѣта, перевелъ на латинскій языкъ *Гризельду* Боккачіо, потому что народный языкъ, на которомъ писалъ авторъ *Декамерона*, затруднялъ многихъ ученыхъ людей. Этотъ народный языкъ, который всѣ сколько-нибудь образованные люди презирали, какъ

нѣчто низкое и искаженное, занесенное варварами; этотъ языкъ, котораго не могъ облагородить даже гений Данта, и на которомъ Петрарка писалъ одиѣ свои любовныя пѣсни, считая его недостойнымъ серьезныхъ сочиненій, и даже писемъ, сталъ мало по малу языкомъ историковъ, мыслителей и даже ученыхъ. Какъ языкъ живой, онъ не могъ получить опредѣленной, постоянной формы: напротивъ, итальянскій языкъ чрезвычайно удобно принимаетъ нововведенія. Каждый могучій талантъ оставляетъ на немъ печать своего образованія, своей личности, своего творческаго вдохновенія. Это почва, гнущающаяся однообразной обработкой, и принимающая всякіе посѣвы, и родные и иноземные.

Слѣдовательно Манзони имѣлъ полное право внести въ этотъ языкъ свѣжіе элементы юности и красоты. Благоговѣя передъ полнымъ очаровательной гармоніи языкомъ Монти, онъ однакоже не увлекся своимъ сочувствіемъ, а остался самостоятеленъ. Если можно въ чемъ либо упрекнуть языкъ Манзони, то развѣ только въ излишнемъ совершенствѣ. Иногда недосмотры и небрежности бываютъ очаровательныѣ и выразительныѣ многихъ изобрѣтеній искусства. Языкъ Манзони есть великій даръ, за который Италия будетъ ему вѣчно благодарна. Его лирической поэзіи нельзя судить хладнокровно; она всегда переполнена чувствомъ и вдохновеніемъ. Въ размѣрахъ ея столько выразительности и свободы, въ оборотахъ столько одушевленія, въ образахъ столько богатства и жизни; въ ней столько бываетъ величія и грусти, она такъ глубоко проникаетъ въ душу, такъ роднится со всѣми ея радостями и скорбями, что можетъ быть никогда не найдется равной ей лирики. Сначала дивишься простотѣ средствъ, употребляемыхъ поэтомъ; но въ этой простотѣ и заключается тайна ихъ силы.

Все въ жизни Манзони способствовало его успѣху. Ничто не стѣсняло полнаго развитія его способностей. Съ поэтическимъ дарованіемъ соединяетъ онъ знатность происхожденія, богатство, возможность свободно располагать своимъ временемъ. Мы уже говорили, что отецъ его былъ графъ, что мать его, Юлія Беккарія, дочь того знаменитаго Беккарія, который вліяніемъ своихъ со-

чиненій, уничтожилъ пытку въ Италіи, и занялъ такое высокое мѣсто въ исторіи уголовного законодательства всей Европы. Родился онъ, подобно Эсхилу и Шекспиру, на межѣ двухъ вѣковъ, среди кровавой борьбы отживавшаго вѣка съ новымъ порядкомъ вещей. Онъ видѣлъ, почти въ одно время, послѣднія неистовства стараго французскаго общества и ихъ ужасную казнь; видѣлъ, какъ мечты новѣйшей философій обратились въ факты; какъ произволъ смѣнялъ свободу, величаясь ея именемъ; какъ за тѣмъ военный деспотизмъ попраля людей и идеи, пробудилъ міръ изъ дремоты, воспламенилъ его жаждою крови, и погибъ отъ собственнаго неистовства; какъ изъ безмолвнаго хаоса падшихъ вѣрованій, возникло подобно привидѣнію общее сомнѣніе, надъ которымъ однакоже скоро возпарило вѣрованіе въ будущее и въ человѣческій разумъ.

Словомъ, Манзони нашель внутри и вокругъ себя всѣ условія величія и славы. Даже для драмъ своихъ не пуждался онъ ни въ покровителяхъ, ни въ благосклонности публики; онъ могъ создавать и писать ихъ, не думая о тѣхъ заботахъ, которыя такъ часто сковываютъ гений; ибо онъ писалъ ихъ не для театра, и онѣ никогда не были играны. «Публика намъ платить, говорилъ Лопе-де-Вега съ горечью; слѣдовательно мы должны писать нелюбимости для ея потѣхи. Я заключилъ уговоръ съ бѣдностью, чтобы торговать стихами.» И онъ поставилъ для потѣхи публики нѣсколько сотенъ пьесъ. Шекспиръ также не избѣжалъ этого ига публики. Сколько разъ, долженъ онъ былъ поддѣлываться подъ образъ мыслей и языкъ Елисаветы и ея двора, чтобы снискать ихъ милостивое вниманіе! А Пьеръ Корнейль? Кто не знаетъ какъ онъ надъ каждымъ своимъ произведеніемъ задумывался, понравится ли кардиналу, и Академіи? Сколько разъ онъ перечитывалъ и передѣлывалъ свои пьесы, сковывалъ полетъ своего гениа, чтобы не лишиться скромной пенсіи, которою онъ прокармливалъ жену и дѣтей? Кто не читалъ съ негодованіемъ его предисловія, которыхъ покорный, почти раболѣпный языкъ, одинъ спасалъ дерзкую непокорность его стиховъ? «Вы облагородили искусство, — говоритъ онъ кардиналу, — вмѣсто того, что-

бы стараться нравиться публикѣ, какъ насъ учили предшественники, вы позволили намъ искать одного вашего удовольствія и одобренія.» Манзони не испыталъ этихъ мукъ; онъ былъ также свободенъ, какъ Альфиери. Спрашивается, лучше ли онъ уснѣлъ своихъ предшественниковъ?

Онъ самъ изложилъ свои мысли объ искусствѣ въ своемъ знаменитомъ письмѣ, которое основательностью и независимостью сужденій, ясностью взгляда, тонкостью и благородствомъ насмѣлки, и многими другими качествами, ставитъ автора на ряду съ самыми замѣчательными критиками. Можно бы пожелать въ немъ побольше страсти, побольше энтузіазма, нѣсколько гордой строптивости. Лопе-де-Вега, внушившій ему слѣдующія слова: «когда я хочу писать комедію, я зазираю все правила подъ три замка.» У итальянскаго критика никогда не встрѣтите короткой, бичующей фразы; никогда не встрѣтите взрывовъ презрѣнія или восторга, всегда у него правильный анализъ, въ самыхъ умеренныхъ выраженіяхъ. Логическая послѣдовательность Манзони почти не допускаетъ противорѣчій. Притомъ, въ его спокойной, ученой манерѣ есть что то, такое увлекательное, что читатель слѣдитъ за нимъ шагъ за шагомъ, съ возрастающимъ любопытствомъ. Не соглашаясь иногда съ его заключеніями, онъ всегда принужденъ отдавать справедливость его уму.

Прежде всего поэтъ свергаетъ иго единства времени, которое до него строго соблюдалось въ Италіи. «Природа, говоритъ онъ, не стѣсняется временемъ для дѣйствія; она беретъ болѣе или менѣе времени, смотря по надобности.» За тѣмъ отвергаетъ онъ единство мѣста, не одобряя всѣхъ причудъ Лопе-де-Веги, онъ тѣмъ не менѣе требуетъ въ этомъ отношеніи совершенной независимости. Здравый умъ его не можетъ также допустить наперсниковъ, и читатель не можетъ также не смѣяться съ нимъ вмѣстѣ надъ этими существами, которые совершенно отказались отъ своей личности, довольны своимъ ничтожествомъ, и мудрствуютъ среди бури страстей.» Послѣ такого сужденія, очевидно, что онъ не могъ прибѣгать къ нимъ самъ. Отвергая повѣствовательную фор-

му для изложенія, онъ требуетъ, чтобы дѣйствіе начиналось съ самою драмою. Несмотря на соблазнительный примѣръ Шекспира, онъ не принимаетъ сліянія различныхъ родовъ драматической поэзіи. Отступленіе отъ истины въ исторической драмѣ по его понятіямъ противорѣчитъ здравому смыслу; поэтъ не долженъ исправлять природы, замѣняя дѣйствительное вымысломъ. Замѣчательны слова его противъ употребленія самоубійства, какъ драматическаго средства. Употребленіе этого средства, говоритъ онъ, имѣетъ слѣдствіемъ недоумѣніе, овладѣвающее большею частью душъ, когда они видятъ въ дѣйствительной жизни многихъ великихъ людей, которыхъ величайшія бѣдствія не побуждаютъ къ самоубійству.

Для пользы самаго искусства, онъ считаетъ необходимымъ способствовать развитію нравственной силы, съ помощью которой человекъ покоряетъ и судитъ страсти. По этому онъ назначилъ себѣ цѣлью, держать зрителя въ состояніи свободнаго созерцанія, внушать ему ко всѣмъ этимъ страданіямъ «одно снисхожденіе, рождающееся не изъ утомленія или презрѣнія, а изъ разума и любви.» Онъ тщательно избѣгаетъ всякаго положенія, могущаго пробудить вредное сочувствіе. Такимъ образомъ, онъ не позволитъ себѣ представить Ромео, вздыхающаго подъ балкономъ Джульетты, и обмѣнивающаго съ нею страстныя клятвы любви; не представитъ упонительной ночи, мгновенно разгоняемой пѣніемъ жаворонка. Онъ съ одинакимъ стараніемъ избѣгаетъ дѣвственныхъ образовъ Макса и Теклы, съ ихъ мечтательною любовью, какъ и нечистыхъ образовъ древней Клитемнестры или Федры. Онъ умѣетъ цѣнить Дездемону, Офелію, простодушную Гретхенъ, но имъ нѣтъ мѣста въ его драмахъ; ихъ грудь слишкомъ исполнена бурь. Не допускаетъ онъ также леди Макбетъ, или гордыхъ героинь Корнелья. Ему нужна женщина скромная въ своей любви, какъ Шекспирова Порція; да и ту онъ вводитъ въ свои драмы только какъ постороннее украшеніе, какъ эпизодъ.

Манзони не отрицаетъ, подобно Сократу въ Плато-

новой *Республикѣ*, кровожадныхъ и корыстолюбивыхъ дѣйстви сыновъ боговъ и богинь; онъ не скажетъ: «Все это вымыселъ.» Но его строгій, разборчивый вкусъ, его высокія понятія о правомъ, его стремленіе къ нравственности средствъ и цѣли, боязнь его возмутить совѣсть неистовыми или низкими зрѣлищами, дѣлаютъ его неспособнымъ къ изображенію нѣкоторыхъ характеровъ и дѣйстви. Словомъ его характеръ и понятія его объ искусствѣ не позволили ему дойти до полной драматической истины. *Графъ Карманьола* и *Адельки* прекрасныя созданія, но слишкомъ отзываются душою автора.

Первобытные поэты имѣютъ то преимущество передъ поэтами болѣе цивилизованнаго вѣка, что они не утрачиваютъ слѣдовъ отжившихъ людей, а идутъ по нимъ съ любовью; они представляютъ ихъ такими, какими они сохранились въ преданіи; но стараются исправлять ихъ, замѣнять природу дѣйствительную, природою искусственною, сблизить ихъ съ нашимъ вѣкомъ. Въ истинѣ заключается тайна ихъ вѣчнаго, неослабнаго дѣйствія на умы; поученіе, которое поэты-артисты производятъ съ такимъ усиленіемъ, у нихъ изливается само собою, изъ изображенія того, что было. Доказательствомъ можетъ служить Эсхиль.

Но возвратимся къ нашему поэту. Всѣ рѣчи его лицъ вполне удовлетворительны для разсудка. Каждое лицо, какъ явится съ перваго раза, развивается въ ряды ясныхъ, послѣдовательныхъ мыслей, составляющихъ совершенное цѣлое. Отсюда происходитъ иногда недостатокъ дѣйствія. Страсть, съ ея безпрестанными повтореніями и противорѣчіями, съ ея буйствомъ и врожденнымъ, вдохновеннымъ краснорѣчіемъ; страсть, этотъ мощный двигатель, которымъ такъ хорошо умѣли пользоваться Эсхиль, Шекспиръ, Шиллеръ и Корнейль, не участвуетъ въ драмахъ Манзони. Всѣ его лица дѣйствуютъ по заученнымъ правиламъ. Можно сказать напередъ, что они станутъ дѣлать, на что они могутъ рѣшиться; потому что они въ высшей степени послѣдовательны и вѣрны себѣ. Дайте имъ нѣсколько мгновеній, чтобы обдумать свое положеніе, они рѣшатся, и

уже не отступятся отъ своего рѣшенія, хотя бы оно вело ихъ къ подлости.

Ни одно изъ его лицъ не знаетъ тѣхъ душевныхъ бурь, которыя однимъ ударомъ измѣняютъ всѣ обстоятельства, которыя ограничиваютъ самыя недавнія, самыя дорогія чувства одною памятью, какъ будто онѣ существуютъ только въ прошедшемъ, и не должны участвовать въ настоящей жизни; бурь, послѣ которыхъ человѣкъ чуждается и пугается самого себя. Такой переворотъ цѣлыми вѣками отдѣляетъ настоящее отъ прошедшаго. Человѣкъ будто погибъ въ бурь, и возродился новымъ существомъ, обреченнымъ на безуміе и страданіе. Такимъ является Софокловъ Эдипъ, по открытіи своего преступленія; таковъ Гамлетъ въ своемъ сумасшествіи; таковъ Отелло, жаждущій крови; такова Гретьенъ, гнушающаяся собственной любви.

Сочувствіе къ чудесному, затаенное природою въ сердцѣ человѣка, этотъ источникъ таинственныхъ, страшныхъ впечатлѣній, также неизвѣстенъ Манзони. Онъ сочувствуетъ одному истинному, и отступаетъ отъ него только въ мелочахъ. Древній міръ, какимъ его создало суевѣріе необразованныхъ народовъ; хроники, съ ихъ чудесными разказами о великанахъ, чертяхъ, безпокойныхъ мертвецахъ, возвращающихся повидаться съ живыми, также не допускаются въ его драмы; онъ ищетъ одной истины. Его врожденная прямота не позволяетъ ему останавливаться ни на какой лжи. Онъ не создалъ бы Эменидъ, ни тѣни отца Гамлетова, или Банко. Шекспиръ почерпнулъ ихъ не изъ хроники, а изъ современныхъ вѣрованій. Манзони не избралъ бы также Мефистофеля. Впрочемъ, надо замѣтить, что таинственность вовсе не въ характеръ Италіи.

Въ драмахъ его недостаетъ также движенія, жизни; сцены, по большей части, слишкомъ несвязны между собою. Никогда въ нихъ не найдете тревожнаго ожиданія; поэтъ не возбуждаетъ въ васъ ни надежды, ни страха; никогда сердце читателя не бьется предчувствіемъ гонимаго событія. Вообще приготовленіе драматическаго эффекта есть одна изъ тайнъ, невѣдомыхъ Манзони.

Не знаемъ, не приписать ли это отсутствію воспламеняющаго вліянія публики.

До выхода большихъ произведеній, составляющихъ славу Манзони, онъ издалъ нѣсколько *духовныхъ пѣсенъ* (1810 г.): *Слава Богородицы, Рождество, Воскресеніе и Страсти Іисуса Христа*. Впослѣдствіи, онъ написалъ еще одну, *Вознесеніе Христа*. Все это гимны теплой вѣры, красоты, юности и жизни. Каждый имѣетъ свою особую поэтическую форму. За тѣмъ явилась его книга *о католической морали* (*Osservazioni sulla morale catolica*), въ 1819 году.

Манзони было тридцать шесть лѣтъ, когда онъ издалъ первую свою драму, *Графъ Карманьола* (*Il conte di Carmagnola*), которую онъ посвятилъ ученому профессору Форіелю. Это было въ 1820 году, черезъ годъ послѣ блистательнаго успѣха *Франчески да Римини* Сильвіо Пеллико.

Съ самаго начала драмы, начальникъ кондотьеровъ, Карманьола являетъ свой высокій характеръ. Онъ говоритъ Венеціанскому сенату рѣчь, которая дышетъ прямою, справедливою и любовью къ чести. Эта рѣчь превосходна, не смотря на тщательную ея отдѣлку, она никогда не впадаетъ въ риторство. Самъ Титъ-Лавій не могъ бы вложить лучшей рѣчи въ уста своихъ старыхъ римлянъ. Но гдѣ тутъ выразительная грубоватость, неровная, смѣлая рѣчь воина тѣхъ вѣковъ, а еще болѣе кондотьера? Только въ прямодушіи его узнается человекъ, не состарѣвшійся при дворѣ. Одну только характерическую черту сохранилъ авторъ въ Карманьолѣ: его презрѣніе ко всякой мѣрѣ предосторожности; хотя бы отъ нея зависѣла самая жизнь его.

Сцена ссоры вождей непріятельскихъ армій прекрасно обрисована; все въ этихъ людяхъ полно истины: ихъ грубая фазіономія, ихъ рѣзкій, выразительный языкъ, взаимное ихъ недовѣріе, оправданное ихъ положеніемъ. Сегодня они вмѣстѣ сражаются, а завтра, нѣкоторые изъ нихъ, пожалуй, продадутъ свою кровь и вѣрность тому, кто дастъ больше. Отечества они не знаютъ. Каждое осторожное слово возбуждаетъ ихъ подозрѣніе; кто осмѣлился его произнести, тотчасъ объяв-

лется трусомъ или предателемъ. Пергола и Торелло, боясь козней со стороны Карманьолы, совѣтуютъ не давать рѣшительнаго сраженія. Со всѣхъ сторонъ раздаются крики негодованія; всѣ возстаютъ на умныхъ вождей, Фортебраччо, Малатеста, мужикъ Фривческо Сфорца, котораго ожидала смерть въ рѣкъ, и котораго сынъ, почти такой же мужикъ, долженъ былъ наследовать дому Висконти и быть родоначальникомъ новой династїи миланскихъ герцоговъ. Пергола повторяетъ свой совѣтъ, не давая сраженія; видя со всѣхъ сторонъ сопротивленіе, онъ восклицаетъ: «О, Карманьола, ты предугадалъ, что пылъ молодыхъ восторжествуетъ надъ благоразумною осторожностью стариковъ!» Фортебраччо смотритъ на него съ презрѣніемъ, и говоритъ: «Да, осторожность—доблесть стариковъ; она растетъ съ годами, растетъ, растетъ, пока не разрастется въ»... Во что же? договаривай, подхватываетъ Пергола.—«Въ трусость, когда ты требуешь, чтобы я досказалъ;» отвѣчаетъ Фортебраччо спокойно. Старый воинъ не даетъ оскорбителю пощечины, а отвѣтствуетъ ему съ глубокою горестью: «Ты это говоришь воину, который двадцать разъ сражался и побивалъ врага, прежде еще, чѣмъ глаза твои увидѣли знамя! И ты первый говоришь это!» Тутъ онъ въ свою очередь требуетъ сраженія; оно ему нужно, чтобы снять подозрѣніе съ своей чести. «Уступи мнѣ мѣсто, гдѣ ты долженъ сражаться, говоритъ онъ Фортебраччо! Я непременно долженъ занять мѣсто, гдѣ бы другъ и недругъ видѣли, что я не...» Слово трусъ не можетъ сорваться съ устъ оскорбленнаго старика. «Ты понимаешь!» говоритъ онъ. Фортебраччо старается загладить свое необдуманное слово. «Не будемъ же болѣе откладывать!» говоритъ Малатеста; «Богъ за храбраго!»

Карманьола готовится къ побѣдѣ. Онъ въ восторгѣ; наконецъ, онъ отомститъ Филиппу-Маріи Висконти, онъ не можетъ забыть того дня, когда онъ вышелъ изъ Милана, прогнанный своимъ повелителемъ, осмѣлиный всѣмъ народомъ. «Ты это вспомнишь, говорилъ я тогда, увидишь меня еще, неблагодарный; но увидишь кондотьеромъ, вождемъ твоихъ враговъ! Да, я это говорилъ; тогда это была одна мечта, мечта внушенная жаждою ме-

сти; нынѣ мечта сбылась. Мы съ тобою лицомъ къ лицу; сердце бьется въ груди; и чувствую приближеніе ча-са битвы». Минутное безпокойство западаетъ въ его душу: «А если я . . .» Но онъ тотчасъ же успокоивается: «Нѣтъ, побѣда моя!» Это слово стоитъ слова Цезаря, застигнутого бурейю на легкомъ челнокѣ.

Сраженіе началось. Тутъ хоръ возглашаетъ, полный дивной красоты и тоски, плачь надъ италянцемъ, гибнувшимъ отъ руки своего брата итальянца :

«Кто лютый врагъ, занесшій войну въ нашу прекрасную страну? И кто онъ, поклявшійся спасти родную землю или умереть за нее?

«Одной земли дѣти—они оба, говорятъ однимъ языкомъ. Чужеземецъ называетъ ихъ братьями; одно происхожденіе высказывается на лицѣ того и другаго. Эта страна, отдѣленная природою отъ всѣхъ другихъ, стѣсненная между Альпами и моремъ, эта страна, орошенная теперь ихъ кровью, вскормила обонхъ.

«И зачѣмъ они бьются? Они сами того не знаютъ. Сошлись они оба безъ гнѣва, чтобы убить или умереть. Продались вождю, который самъ продался другому, и бьются, не спрашивая за что.»

Карманьола доврчиво возвращается въ Венецію. А Сенать между тѣмъ рѣшила его гибель. Сдѣлаемъ здѣсь одно замѣчаніе. Манзони, въ своемъ прекрасномъ письмѣ, доказалъ неоспоримо, что Венеціанскій Сенать умертвилъ Карманьолу не потому, что боялся его, а потому, что слава, гений и побѣды его затмѣвали славу республики. «Сенать, говоритъ онъ, такъ жаждаль политическаго уваженія, что безъ труда рѣшался на преступленіе, не для сохраненія своего могущества, а просто, для поддержанія общаго мнѣнія о своемъ могуществѣ.» Это дѣйствительно было причиною смерти Карманьолы. Если бы онъ обратилъ свое оружіе противъ Венеціи, онъ не могъ бы долго бороться съ нею. Чего могла Венеція опасаться отъ горсти сорванцовъ, какъ бы уменъ ни былъ ихъ предводитель? Но эта мысль, на которую началъ самъ Манзони, и которую онъ такъ мастерски развилъ въ своемъ письмѣ, едва обозначена въ его драмѣ;

Сенать его просто боятся Карманьолы, какъ и въ исторіи.

Хотя читатель знаетъ тайну замышляемаго Сенатомъ убійства, онъ спокойно слѣдуетъ за Карманьолою въ Совѣтъ Десяти, куда онъ идетъ ночью, не подозрѣвая ожидающей его участи. Въ этой сценѣ, когда Карманьола является предъ своихъ судей, авторъ задумывалъ много поразительныхъ красотъ, но ослабилъ ихъ тѣмъ, что не умѣлъ ихъ подготовить; только удивительный талантъ его и истина въ подробностяхъ поддержали сцену. Эти сенаторы безъ личности, безъ громкаго имени, безъ всякой черты, отличающей ихъ другъ отъ друга, прекрасное олицетвореніе идеи сената, единой и вѣчной. Совѣтъ молчитъ; только одинъ изъ *Десяти* встаетъ и отъ имени всѣхъ своихъ собратьевъ, обвиняетъ вождя. Кончивъ свою обвинительную рѣчь, онъ умолкаетъ, и вся послѣдующая сцена происходитъ между однимъ дожемъ и Карманьолою. Узнавъ, что его обвиняютъ въ измѣнѣ, онъ требуетъ, чтобы ему указали его измѣну. «Сейчасъ узнаешь отъ тайнаго судилища, отвѣчаетъ дожъ.—Я отвергаю тайное судилище, восклицаетъ вождь, что я для васъ дѣлалъ, было совершено передъ лицомъ солнца, и я не хочу отдавать отчета въ предательскомъ мракѣ. Одинъ воинъ можетъ судить воина. Я хочу оправдываться только передъ тѣмъ, кто можетъ судить меня, хочу, чтобы весь міръ слышалъ мое оправданіе и видѣлъ . . .» Дожъ прерываетъ его хладнокровно: «Для тебя прошло время *хотѣть*.»—Какъ! насиліе! стража, ко мнѣ!» Но дожъ призываетъ свою стражу, и съ тѣмъ же безстрастнымъ лицомъ, съ тою же холодною, но непоколебимою волею говоритъ: «Отнынѣ вотъ твой стража.» Карманьола смущается; но оправившись снова отъ пораженія, онъ старается напугать предателей, представивъ имъ послѣдствія ихъ вѣроломства. Благородная душа его не вѣрить подлости; онъ все приписываетъ недоразумѣнію, ошибкѣ, въ которую вовлекаетъ сенаторовъ какойнибудь сильный врагъ. «Вы не можете вѣрить моей измѣнѣ. Еще время одуматься.» Но дожъ тѣмъ же холоднымъ тономъ разрушаетъ послѣднюю его надежду. «Уже поздно!» говоритъ онъ.

Мысль умереть, безъ возможности защищаться, терзаетъ война въ тюрьмѣ. «О широкія поля! о свѣтлое солнце! о звукъ оружія и очарованіе опасности! звукъ трубы! крики сражающихся! о мой борзый конь! сладко было-бы мнѣ умереть посреди васъ!»

Эти слова полны той-же грустной прелести, какъ прощаніе Отелло со всѣмъ, что онъ любилъ, когда онъ убѣждается, что Дездемона ему измѣнила. «Отнынѣ прости навѣкъ спокойствіе души, простите, храбрыя рати, и вы гордые вожди, полагающіе всю доблесть свою въ слово-любіи! Простите, простите, ржущіе кони, веселья трубы, барабаны, возбуждающія мужество въ сердцахъ война, царскія знамена! прости все, что составляетъ гордость, богатство и роскошь славнаго похода!... Отелло свершилъ свое дѣло!»

Карманьола, какъ обреченный на смерть христіанинъ, проситъ, чтобы послѣдній часъ его не былъ смущаемъ ни какою человѣческою страстью. Свиданіе его съ женою и дочерью довольно холодно и скучно. Манзонн оканчиваетъ свою драму, когда стражи отводятъ Карманьолу на казнь, не говоря ни слова о пыткѣ, къ которой онъ былъ приговоренъ. Ни слова также о томъ, какъ онъ съ гордою осанкою, съ огнемъ неустрашимаго мужества, являлся съ завязаннымъ ротомъ на площади св. Марка, гдѣ палачъ отсѣкъ ему голову между двухъ колонъ.

Въ слѣдующемъ, 1821 году, Наполеонъ умеръ на островѣ св. Елены. Это событіе, возобновившее въ памяти Европы прошедшее, до того славное и кратковременное, что оно казалось однимъ сномъ, внушило Манзонни его прекрасную пѣснь 5 мая. (*In morte di Napoleone.*) Имя Наполеона, поставленное въ заглавіи, ни разу не встрѣчается въ стихотвореніи.

Сначала поражаетъ поэта кратковременность жизни человѣческой. Напомнивъ однимъ словомъ о существованіи исполнина, «онъ былъ» (*ti fu*), онъ предается грустнымъ, торжественнымъ размышленіямъ.

«Какъ безчувственный прахъ, испустивъ вздохъ смерти, и лишенный оживлявшаго его духа, остается неподвиженъ, такъ точно, земля стала, пораженная этою

вѣстью. И безмолвно помышляя о послѣднемъ часѣ роковаго мужа, не знаетъ, когда другая подобная нога попретъ кровавую пыль.

«Когда онъ въ славу сѣдѣлъ на престолѣ, говоритъ поэтъ, мой геній смотрѣлъ на него и молчалъ. Чуждый низкой лести и оскорбленія, пораженный мгновенною гибелью всей этой славы, онъ прерываетъ свое долгое молчаніе, и похищаетъ у смерти пѣснь, которая можетъ быть, будетъ безсмертна.»

Потомъ, слѣдуя за героемъ отъ Альпъ къ Пирамидамъ, отъ Мансанареса къ Рейну, отъ одного моря къ другому, поэтъ упоетъ васъ всѣми этими торжествами. Но вдругъ разрушаетъ упоеніе однимъ словомъ: «Истинна ли эта слава?» Онъ, человекъ нашего вѣка, не смѣетъ произнести строгаго сужденія, а предоставляетъ его потомству. «Мы-же, преклонимъ чело передъ высокимъ дѣятелемъ, который восхотѣлъ въ большемъ видѣ положить на эту душу печать своего творчества.»

Далѣе онъ представляетъ человека, борющагося въ темной своей долѣ съ непокорнымъ сердцемъ, призывающаго славу престола, выходящаго, наконецъ, изъ толпы, и достигающаго величія, котораго одна надежда казалась безуміемъ.

«Онъ все позналъ: славу, возвышенную опасностью, бѣгство и побѣду, почести престола и изгнаніе. Два раза поверженъ въ прахъ, два раза возведенъ на алтарь.»

«За быстрыми переворотами судьбы слѣдуетъ бездѣйствіе изгнанія на островъ св. Елены. Но если бездѣйствительна вышняя жизнь, дѣятельность кипитъ въ душѣ. Отягченный воспоминаніями, онъ хочетъ облегчить память и сердце, ввѣривъ воспоминанія бумагѣ; но тщетно ищетъ онъ облегченія; усилія только болѣе отягчаютъ его душу.»

«О, сколько разъ онъ начиналъ рассказывать будущимъ поколѣніямъ повѣсть своей жизни, и сколько разъ утомленная рука падала на эти безсмертныя страницы.»

«Сколько разъ, въ безмолвіи умирающаго дня, проведеннаго въ бездѣйствіи, склонивъ молніеносныя очи, скрепивъ руки на груди, стоялъ онъ въ тяжелой думѣ о прошедшихъ дняхъ.»

«И мыслью переносился онъ въ кипящій жизнью лагерь, на обширныя поля, среди грома оружія, и топота коней; и прислушивался къ краткимъ, повелительнымъ словомъ вождя, исполняемымъ, какъ непреложный законъ»

Этотъ угасающій день, этотъ человекъ съ гложущею его мыслью, среди спокойствія природы, это изображеніе жизни полной опасностей и славы, это воспоминаніе о невозвратно-утраченномъ прошедшемъ, все это просто, высоко, и полно глубокой грусти. Поэтъ въ своемъ восторженномъ соболъзнованіи дрожитъ за эту возвышенную душу; боится что-бы она, удрученная столькими страданіями, не стала жертвою отчаянія; но онъ скоро успокоивается, потому что смерть примиряетъ человека съ Богомъ.

Эта *единственная* пѣснь, какъ ее называетъ Томазо, будетъ безсмертна.

Драма *Адельки* явилась вскорѣ за *Карманьолою*, въ 1822 году. Сюжетъ ея: покореніе Лонгобардскаго царства Карломъ Великимъ; дѣйствіе происходитъ въ VIII вѣкъ; но кромѣ историческаго событія, ничто не напоминаетъ этой отдаленной эпохи; все сочиненіе проникнуто идеями нашего времени. Возьмемъ, на-примѣръ, стараго царя Деидерія (Дитриха); трудно признать въ немъ истиннаго лонгобарда, внука Альбоиновой дружины. Свирѣпыя страсти его никогда не переходятъ въ его рѣчи и дѣйствія, которыя слишкомъ отзываются утонченными понятіями автора, изяществомъ новѣйшаго времени. Однако-же онъ еще чуждается побѣжденных итальянцевъ; онъ едва считаетъ ихъ людьми. Истиннымъ царемъ Лонгобардовъ является онъ только, когда хочетъ принудить папу быть только *царемъ молитвъ и жертвоприниженій*.

Сынъ его Адельки такъ же мало похожъ на Лонгобарда: но онъ такъ хорошъ, такъ обворожителенъ въ образѣ, начертанномъ Манзони, что послѣ него можетъ быть и непожелашь настоящаго Адельки. Любопытно сужденіе объ этой драмѣ Гёте, сообщаемое Викторомъ Кузнемъ въ письмѣ его о второмъ его свиданіи съ знаменитымъ нѣмецкимъ поэтомъ, въ 1827 году. «Когда я заговорилъ о Манзони, пишетъ Кузень, старикъ будто

помолодѣлъ, и сталъ говорить со всѣмъ восторгомъ юности. »Манзони придерживается исторіи и представляетъ лица, являющіеся въ исторіи; но, прибавилъ онъ, улыбаясь, характерами онъ возводитъ ихъ до насъ; придаетъ имъ наши человѣческія, высокія понятія; въ этомъ онъ совершенно правъ; мы можемъ сочувствовать тому, кто намъ близокъ, похожъ на насъ, а не Лонгобардамъ, и не двору Карла Великаго, который для насъ слишкомъ грубъ и дикъ. Взгляните на Адельки, это характеръ, созданный самимъ Манзони.—Чувства умирающаго Адельки, сказалъ я, чувства самого Манзони. Онъ, какъ чисто лирическій поэтъ, выразилъ въ Адельки самого себя. — Вы правы; я давно знаю душу и образъ мыслей Манзони изъ его *духовныхъ писемъ*; онъ искренній и добродѣтельный католикъ.»

Карлъ Великій итальянскаго поэта также представляетъ не всѣ стороны историческаго Карла Великаго: храбрость, честолюбіе съ нѣкоторою хитростью и политическою ловкостью, искреннее вѣрованіе въ Папу, и вотъ весь его Карлъ Великій. Слушая его, не увидишь въ немъ человѣка, который посвятить всѣ свои силы на то, чтобы выдти изъ варварства своего вѣка. Это не Карлъ Великій, Алкуина и Эйвгардта, влюбленный въ науку, жаждущій познаній, полагающій всю свою славу и свое величіе въ учености. Правда, что когда Карлъ Великій покорилъ Лонгобардское царство, онъ еще не окружилъ себя грамотеями и философами, не изучалъ еще съ Алкуиномъ риторики, діалектики, математики, философіи, движенія небесныхъ тѣлъ; но любовь къ ученію и наукамъ уже была въ немъ; ибо ему въ то время было уже тридцать два года.

Въ *Адельки* есть, впрочемъ, нѣсколько прекрасныхъ и вполне драматическихъ положеній. На-примѣръ, когда Эрменгарда, удаленная своимъ супругомъ, Карломъ Великимъ, со стыдомъ возвращается въ родительскій домъ, который она незадолго оставила, полная любви и надежды. Отецъ и братъ утѣшаютъ и успокоиваютъ ее. «Ты въ объятіяхъ брата, говоритъ ей Адельки, въ объятіяхъ отца, среди своихъ вѣрныхъ служителей, во дворцѣ своемъ и своихъ царственныхъ предковъ, гдѣ тебя бу-

дуть уважать и любить болѣе, чѣмъ прежде твоего удаленія. О сладкіе звуки родныхъ голосовъ, говоритъ она въ восторгѣ. «Старикъ отецъ обѣщаетъ отомстить за нанесенное ей оскорбленіе.» Подозрѣніе западаетъ въ сердце старика; онъ пристально смотритъ на дочь и спрашиваетъ: «Неужели ты еще любишь этого подлаго чловѣка?» — Батюшка, отвѣчаетъ она, краснѣя, зачѣмъ ты хочешь вникнуть въ мое сердце? Ты ничего не найдешь въ немъ радостнаго для тебя. Я сама боюсь вопрошать его. Все прошедшее для меня какъ бы никогда не существовало. Она проситъ отца, чтобы онъ позволилъ ей провести остатокъ своей жизни въ монастырѣ, основанномъ ея матерью, и въ которомъ сестра ея обручилась съ вѣчнымъ, неизмѣннымъ женихомъ. Она сама не можетъ удостоиться того же счастья, но надѣется дожить тутъ вѣкъ свой, въ спокойствіи и безвѣстности.

Этотъ чистый, прелестный образъ скоро смѣняется предателями; одинъ изъ нихъ никогда не выйдетъ изъ памяти читателя; это Сварто. Лонгобардскіе вожди собираются въ его бѣдномъ домѣ, рѣшаются покинуть своего царя и разсуждаютъ только о томъ, кого отправить къ Карлу съ предложеніемъ принять ихъ въ свое подданство. Сварто, готовый на все, чтобы выдти изъ своего ничтожества, видя въ этомъ порученіи средство возвыситься, предлагаетъ вождямъ свои услуги. «Если кто изъ васъ скроется, говоритъ онъ, всѣ взоры обратятся на пропавшаго и его отыщутъ; между тѣмъ, какъ отсутствія ничтожнаго существа, какъ Сварто, никто не замѣтитъ; все равно какъ вырубленный кустъ въ лѣсу.» Этотъ второй *Яго* сильно поразилъ Гёте. «Помните, говорилъ онъ Кузену, того лонгобардскаго воина, у котораго собираются заговорщики, и который заботится только о собственной своей выгодѣ? Какъ онъ все ловко улаживаетъ для своихъ видовъ! Съ какимъ искусствомъ онъ обращаетъ въ свою пользу всѣ замыслы заговорщиковъ. А потомъ, при дворѣ Карла Великаго, какъ онъ притворяется покровителемъ тѣхъ, кого онъ предалъ.»

Нельзя оставить безъ вниманія одного въ высшей степени поэтическаго мѣста въ драмѣ Манзони, но въ совершенно другомъ родѣ; это разсказъ дякона Марты-

на Карлу Великому о трехдневномъ переходѣ его черезъ Альпы для отысканія франкскаго лагеря. Какъ видна въ описаніи пройденныхъ имъ пустынь свѣжесть, сила и прелесть юной природы! Это новосозданный міръ. И какая простота, какая наивность въ подробностяхъ! Между прочимъ, онъ описываетъ ночь, проведенную имъ съ пастухомъ на овечьихъ шкурахъ, свое пробужденіе при первыхъ лучахъ восходящаго солнца, приводитъ свой короткій, но выразительный разговоръ съ полудикимъ пастухомъ. А гдѣ сторона Франковъ спрашиваетъ монахъ. — За этими горами идутъ другія горы; а тамъ опять горы; а за тѣми горами, далеко, далеко, сторона Франковъ; дороги къ нимъ нѣтъ; и отдѣляютъ ихъ сторону отъ насъ множество горъ, и горы эти все крутыя, обрывистыя, голыя, страшныя; и заселены онѣ все духами. Ни одинъ живой человѣкъ не заходилъ въ нихъ. — Но пути Божія многочисленнѣе путей человѣческихъ, а меня посылаетъ Богъ. — Такъ помоги тебѣ Богъ. «Съ этими словами пастухъ кладетъ хлѣба въ мѣшокъ, сколько можетъ поднять человѣкъ, и взваливаетъ мѣшокъ на спину путнику, который продолжаетъ свое странствіе. Вабираясь съ горы на гору, съ утеса на утесъ, онъ достигаетъ мѣсть, гдѣ не видать слѣда человѣческаго. Первобытныя лѣса, во всей своей красотѣ, безыменныя рѣки, долины безъ дорогъ, и кругомъ мертвое молчаніе. «Я слышалъ только шумъ собственныхъ шаговъ, и по временамъ клокотанье потоковъ, или крики соколовъ и орловъ, взвивавшихся по утрамъ изъ своихъ гнѣздъ или перелетавшихъ надъ моею головою, или въ полдень, трескъ раскаленныхъ солнцемъ сосенъ. Я вставалъ съ солнцемъ, и съ нимъ ложился; ходилъ весь день, самъ не зная куда. Наконецъ, передъ нимъ открывается лощина, и въ ней съ восторгомъ видятъ онъ лагерь Франковъ. «И я увидѣлъ шатры Израиля, увидѣлъ желанныя палатки Иакова, и палъ ницъ передъ всемогущимъ Богомъ.»

Франки идутъ по дорогѣ, указанной имъ монахомъ, и берутъ въ расплохъ Лонгобардскій лагерь. Войско и вожди обращаются въ бѣгство. Тутъ короткая, но превосходная сцена. Самъ царь принужденъ бѣжать, съ немногими преданными служителями; одинъ изъ нихъ

умоляетъ его отдохнуть; старается ободрить его. «Нѣтъ, старый царь вашъ усталъ бѣжать. Бѣжать, и все бѣжать и встану за тѣмъ, чтобы опять бѣжать! И зачѣмъ бѣжать? Чтобы отыскать себѣ беззлачную могилу. Когда я буду лежать въ землѣ, какое мнѣ будетъ дѣло до этого Карла?»

Замѣчательно, что поэтъ не вводитъ въ дѣйствіе итальянцевъ; вся драма происходитъ между лангобардами и франками. Ни однимъ словомъ, кромѣ развѣ въ хорахъ, не напоминаетъ онъ, что эта страна принадлежала другимъ, что въ ней живетъ еще племя, у котораго она отнята насиліемъ, и которому оставленъ въ удѣлъ одинъ только *подлый потъ*. «Итальянцы или римляне, говоритъ Форіель, одни зрители переворота, совершающагося вокругъ нихъ, или надъ ними; сами же въ немъ не участвуютъ; и бездѣйствіе и молчаніе ихъ въ событіяхъ, отъ которыхъ зависитъ ихъ судьба, лучше всякихъ словъ характеризуетъ ихъ паденіе, ихъ рабство и ничтожество.»

Начало перваго хора *Адельки* можетъ сравниться съ лучшими произведеніями древности:

«Тысячи людей мгновенно приходятъ въ волненіе подъ обросшими мохомъ портиками, въ развалившихся форумахъ, въ лѣсахъ, въ шумныхъ кузницахъ, средѣ полей, орошенныхъ ихъ рабскимъ потомъ; они прислушиваются, — поднимаютъ головы, поражены невѣдомымъ, возрастающимъ шумомъ.»

Въ одичалыхъ глазахъ, на боязливыхъ лицахъ этихъ людей, не умѣвшихъ защищать своей родины, поэтъ указываетъ на остатокъ гордости и мужества. Но какое глубокое презрѣніе выражается въ словахъ его: «И терниное попошеніе славится съ жалкою гордостью пережитой славы.»

Между тѣмъ, итальянцы, видя бѣгство своихъ покровителей, мечтаютъ объ окончаніи своего тяжкаго рабства; радуются, и надѣются на великодушіе новыхъ пришельцевъ. Но поэтъ разрушаетъ ихъ безумную надежду беспощадною ироніею. Онъ описываетъ все, что вынесли побѣдители: опасности, трудные походы, скуку бездѣйствія, безсонныя, холодныя ночи, голодь, сра-

женія, и говорить: «И наградой за все это, вы думаете, легковѣрные, будетъ удовольствіе измѣнить участь чуждаго имъ народа! Возвратитесь къ своимъ гордымъ развалинамъ, къ своимъ глупымъ и подлымъ работамъ въ жаркихъ кузницахъ, къ полямъ, орошеннымъ вашимъ рабскимъ потомъ. Сильный соединяется съ побѣжденнымъ, новые владыки съ старыми; и ты и другіе попрутъ ногами ваши выи. Они дѣлятъ между собою рабовъ, дѣлятъ стада, селятся вмѣстѣ на кровавыхъ поляхъ разогнаннаго народа, утратившаго даже свое имя»

За этими картинами сраженій, отчаянія и позора слѣдуетъ сцена, въ которой страсть принимаетъ болѣе нѣжныя формы, смерть облекается въ грустное, благочестивое смиреніе. Эрменгарда удалилась въ монастырь; чувствуя приближеніе смерти, она хочетъ въ послѣдній разъ взглянуть на солнце и на деревья. Монахини ведутъ ее въ садъ. «Посадите меня здѣсь, подъ этою липою. Какъ сладокъ этотъ весенній воздухъ! О, я понимаю теперь, почему старецъ, предчувствуя конецъ своей жизни, съ такою любовью ищетъ солнца!» Она беретъ руку сестры, Ансберги, и говорить: «Скоро придетъ конецъ твоимъ заботамъ и моимъ страданіямъ, я чувствую сладкое онѣмѣніе, предвѣстіе близкой смерти. Молвнмогающая юность уже не борется съ опредѣленіемъ неба; душа мол, удрученная страданіями, тихо и спокойно освобождается отъ своихъ тѣлесныхъ узъ. — Не печалься, сестра! не смотри на меня съ такою грустью. Развѣ ты не видишь, что Богъ сжаился надо мною? Или ты хочешь, чтобы я дожила до того дня, когда они осадятъ Бресцію, когда врагъ окружитъ наши стѣны!»

Ансберга увѣряетъ ее, что Бресція не будетъ взята; но Эрменгарда жаждетъ одной смерти. «Я буду молиться за отца, за благороднаго Адельки, за тебя, за всѣхъ страждущихъ, за виновниковъ чужихъ страданій, за всѣхъ.» Она умоляетъ сестру велѣть сказать Карлу, если это слово не покажется ему слишкомъ дерзкимъ, что она прощаетъ его. Потомъ она проситъ, чтобы на могилѣ ея поставили знаки ея царскаго достоинства; могила ея должна свидѣтельствовать, чѣмъ она была при жизни. «Надѣнь наше святое платье! говорить ей се-

стра. — Я не хочу лгать передъ Господомъ,» отвѣчаетъ она, и напоминаетъ сестрѣ, что она была супругою человека. Далѣе она проситъ, чтобы ей оставили ея обручальное кольцо, и чтобы тѣло ея отдали Карлу, если онъ потребуеть его, чтобы положить его въ царской гробницѣ. Видя выраженіе грустнаго сомнѣнія на лицѣ сестры, она присоединяетъ: «Мертвые, Ансберга, часто имѣютъ болѣе вліянія, чѣмъ живые.» — О, этого не будетъ, говоритъ Ансберга, онъ не можетъ этого сдѣлать. — Какъ, отчего не можетъ? — О, не спрашивай, старайся забыть. — Нѣтъ, не дай мнѣ умереть съ этимъ сомнѣніемъ!» И несчастная узнаетъ, что человекъ, котораго память борется въ ея душѣ съ любовью къ Создателю, женился на другой. Эта вѣсть повергаетъ ее въ безпамятство.

Чувства ея раздражаются со всею силою необузданной страсти. «Моя любовь скромна, говоритъ она, мысленно обращаясь къ невѣрному; ты ее еще не знаешь; ты былъ мой и я молчала, убѣжденная въ прочности моего счастья, и никогда стыдливыя уста мои не высказывали тебѣ тайнаго блаженства моего сердца.» Видя въ безпамятствѣ свою соперницу, она пугается, какъ дитя, и проситъ защиты у Бертрады, невѣстки Карла Великаго. «Позволь мнѣ смотрѣть тебѣ въ лицо, сидѣть подлѣ тебя. Позволь скрыть лицо на твоей груди и плакать. Не покидай меня.» Потомъ она вспоминаетъ свои счастливые прошедшіе годы, проведенные съ Карломъ. Наконецъ, она мало-по-малу успокаивается, благословляетъ сестру и монахинь, и тихо отдаетъ душу Богу.

Хоръ итальянокъ въ прекрасныхъ стихахъ представляетъ блаженство кратковременной супружеской жизни Эрменгарды; отъ времени до времени ненависть къ лонгобардскому владычеству, ненависть скрытая, но тѣмъ не менѣе сильная, сливается на устахъ этихъ женщинъ съ состраданіемъ и почтеніемъ къ невинной страдальцѣ, дочери ихъ владыкъ. Драма заключается благочестивою христіанскою смертію раненаго Адельки. Здѣсь поэтъ отступаетъ отъ исторіи, въ которой Адельки удалется ко двору греческаго императора.

Въ одно время съ драмою *Адельки* вышло *Разсужде-*

не о некоторых событіяхъ Ломбардской Исторіи въ Италіи, замѣчательное по заключающимся въ немъ изслѣдованіямъ, по новости взглядовъ и критическому смыслу автора.

Мы не будемъ долго останавливаться на книгѣ Манзони о католической морали. Скажемъ только, что она написана въ опроверженіе 127 главы Исторіи итальянскихъ республикъ Сисмонди, который, увлекаясь своею кальвинистскою нетерпимостью, слишкомъ рѣзко и не всегда справедливо возстаегъ противъ католицизма, смѣшивая часто религіозное начало съ дѣйствіями, происшедшими изъ ложнаго толкованія его. Манзони написалъ только первую половину предпринятаго имъ труда. Что онъ не такой исключительный католикъ, какимъ можно бы вообразить его съ перваго взгляда, доказывается множествомъ ссылокъ на писателей, самыхъ враждебныхъ католицизму, на-примѣръ, на Жанъ-Жака Руссо. Вообще онъ избѣгаетъ догматическихъ и іерархическихъ вопросовъ, а ограничивается одною моралью; въ тонѣ его нѣтъ ни величавой энергіи Боссеюета, ни надмѣвной ироніи де-Местра; книга его проникнута теплою вѣрою, и безграничною любовью къ человѣчеству.

Время съ 1819 до 1825 года было самою дѣлательною эпохою литературной жизни Манзони. Тутъ онъ написалъ всѣ свои крупныя сочиненія, и заключилъ рядъ ихъ прекраснымъ романомъ: *Обрученые (I promessi sposi)*. Это его наиболее извѣстное произведеніе; и дѣйствительно видѣ талантъ его не являлся въ такомъ яркомъ свѣтѣ; ни въ одномъ его сочиненіи не найдете такого знанія чело-вѣка и времени, такого разнообразнаго и могучаго языка, такой мастерской рисовки характеровъ и страстей. Дѣйствующія лица его романа заимствованы изъ всѣхъ сословій, отъ бѣднаго деревенскаго ремесленника, до представителя короля Испаніи и обѣихъ Индій; отъ *браво*, который рѣжетъ людей изъ ничтожной платы, до чело-вѣка, котораго вся жизнь есть вѣчное самоотверженіе и служеніе ближнему, или до сильнаго злодѣя, который своею дерзостью сталъ выше законовъ.

Хотите новыхъ, энергическихъ картинъ, читайте все, что относится къ кровавому чело-вѣку, котораго ни одинъ

современный историкъ не посмѣлъ назвать по имени, и котораго романистъ называетъ *Безпощаднымъ* (Inpunito). Изгнанный изъ укрѣпленнаго замка, въ которомъ онъ жилъ съ ватагою наемныхъ разбойниковъ, онъ переселился въ другой замокъ, поставленный на обрывистой скаль, и отсюда грѣмилъ все окрестности. Въ одну ночь беретъ его внезапно отвращеніе къ своимъ кровавымъ подвигамъ, отчаяніе и тоска. Прекрасно у Манзони описаніе этой страшной вочи, когда злодѣй одинъ на одинъ съ своею совѣстью и отчаяніемъ, когда одинъ страхъ невѣдомой будущности удерживаетъ руку его отъ самоубійства. Къ утру, видитъ онъ многочисленныя толпы поселенъ, сшибающія ветрѣтитъ святаго служителя церкви, архіепископа Карла Барромео. Измученный безсонною ночью, онъ рѣшается также идти къ архіепископу, разгадать тайну его могущества.

Архіепископъ принимаетъ его, какъ отецъ заблудшаго сына. Слово прощенія и любви смягчаетъ сердце злодѣя, слезы бьютъ изъ глазъ и примиреніе съ Богомъ совершено; остается только примириться съ людьми; раскаявшійся злодѣй посвящаетъ на это дѣло всю свою жизнь и все силы.

На этомъ мрачномъ грунтѣ рисуется нѣсколько комическихъ эпизодовъ; на-примѣръ, когда Перпетуа, узнавъ о приближеніи непріятельской арміи, бѣгаетъ по всему дому, чтобы скрыть разныя вещи. Донъ Абоидіо, дрожа отъ страха, плачется на необходимость покинуть свой спокойный домъ. Перпетуа отгоняетъ его, смѣется надъ нимъ, потому что послѣдній изъ мужиковъ, ведущій свою корову въ замокъ, кажется ей и умнѣе и благороднѣе этого труса и эгоиста. Прогнанный служанкою, донъ Абоидіо садится къ окну и умоляетъ бѣгущихъ прихожанъ, сжалиться надъ своимъ приходскимъ священникомъ, дать ему лошадь или осла и человекъ двадцать конвою. «Нѣтъ уже на землѣ любви къ ближнему, говорить онъ наконецъ въ негодованіи; каждый думаетъ о себѣ, а обо мнѣ никто не подумаетъ.» Наконецъ, Перпетуа, убравшись и уложившись, вваливаетъ ему на спину корзину съ бѣльемъ и припасами и говоритъ: «Ну, поскорѣе, берите молитвенникъ и шляпу и идемъ!» Все

эта сцена полна наблюдательности и истиннаго комизма, и такихъ сценъ въ романѣ множество.

Также прекрасенъ Манзони и въ картинахъ другаго рода; какою сильною, мрачною кистью описываетъ онъ миланскую чуму; онъ не гнушается никакими подробностями, рисуетъ ихъ во всей ихъ безобразной наготѣ; смягчая ихъ только по временамъ чертами вѣрованія и любви къ ближнему. Прославляютъ безсмертную картину флорентинской чумы, начертанную очевидцемъ ея Бокаччіо; но можно смѣло сказать, что Манзони превзошелъ самаго Бокаччіо. Съ перваго взгляда, рассказъ Бокаччіо, болѣе сжатый и спокойный, кажется ближе къ исторіи, но Манзони неменѣе вѣренъ истинѣ; если-же его рассказъ ярче и обширнѣе, если онъ сильнѣе потрясаетъ читателя, такъ это потому, что въ душѣ его есть величіе, котораго не зналъ остроумный авторъ *Декамерона*. Замѣчательно, что оба писателя нашли въ истинѣ то, что они сами создали бы, если-бы не положили себѣ строго держаться исторіи; Бокаччіо нашель въ ней безумное веселіе, эгоизмъ и безбожіе; Манзони нашель также сцены страха и эгоизма, но рядомъ съ ними геройское самоотверженіе и молитву. Въ Миланѣ также бывалъ смѣхъ, но смѣялись одни сумасшедшіе и *погребатели* (*monatti*) во Флоренціи, напротивъ, разсудили, что безпечность лучшее средство предохраненія отъ язвы, и все запирило на трупахъ. Болзливые стали запираться въ своихъ домахъ, и проводить время въ веселой беседѣ, въ пирахъ, удовольствіяхъ, не заботясь о бѣдствіяхъ согражданъ. Эга флорентинская чума оставила глубокой слѣдъ безнравственности и чувственности. Миланская чума была только переходящимъ бѣдствіемъ.

А между тѣмъ, сколько безобразныхъ подробностей въ чумѣ XVII вѣка. Онѣ потрясутъ самую твердую душу; состраданіе, отвращеніе, ужасъ, безпрестанно смѣняются въ сердцѣ читателя. У Бокаччіо нѣтъ этихъ *Монатти*, которые развѣзжаютъ въ расхищенныхъ ими пышныхъ нарядахъ, на тѣлахъ наполненныхъ трупами, и шутятъ и острятъ между собою и съ прохожими; со всѣхъ сторонъ кидаютъ имъ изъ оконъ зачумленное платье и нагіе трупы, а они, разсѣкая унылую толпу,

кричать: «да-здравствуетъ чума!» Дома опустѣли; по многимъ улицамъ не было живой души. Три раза въ день раздавался колоколь въ церквахъ; въ окнахъ кой-гдѣ являлись изможденные человѣческіе образы, и городъ возсылалъ вопль отчаянія къ небу.

А дивная женщина, которая сама выносить мертвую дочь, сама кладетъ ее на тельгу, и простившись съ нею послѣднимъ поцѣлуемъ, приказываетъ *монатти* возвратиться подѣ-вечеръ за собою, и не за одною, и потомъ возвратившись въ домъ является въ окнѣ, прижимая къ груди другаго ребенка, еще живаго, но уже со всеми признаками неминуемой смерти на лицѣ. Бокаччіо не замѣчалъ такихъ чертъ, а когда и замѣчалъ, то осквернял грязною чувственностью, которою проникнуты всѣ его сочиненія. Женщины въ его разсказѣ утратили всю свою женскую стыдливость.

Обруженныя вышли въ свѣтъ 1825 году. Послѣ этой книги, передъ которою благоговѣлъ самъ Вальтеръ-Скоттъ, Манзони болѣе пятнадцати лѣтъ ничего не издавалъ, хотя не провелъ этого времени въ бездѣйствіи. Въ 1842 году явилась его *Исторія позорнаго столба* (*Storia della colonna infame*). Это краткое изложеніе одного уголовнаго процесса по дѣлу о мнимыхъ отравителяхъ, которыхъ Миланская чернь приписывала чуму 1630 года. Это сочиненіе, первоначально должно было составить эпизодъ Манзоніева романа, но по огромности своей имъ исключено, передѣлано, пополнено и издано отдѣльно; цѣль его показать, что многія изъ злодѣйствъ, приписываемыхъ пыткамъ, были результатомъ не столько самаго употребленія пытки, сколько недобросовѣстности и лиценціалитія судей; впрочемъ, онъ нисколько не признаетъ пытки учрежденіемъ законнымъ и разумнымъ. Должно сознаться, что это сочиненіе Манзони очень занимательно и полно прекрасныхъ, благородныхъ мыслей.

Но главный трудъ, занимавшій Манзони во все это время, и занимающій его до-сихъ поръ, есть огромное сочиненіе объ итальянскомъ языкѣ; для этого труда онъ не только рылся во множествѣ книгъ, но даже нарочно ѣздилъ въ Тоскану, учиться самому чистому итальянскому нарѣчію у Сіенскихъ и Пистойскихъ поселанъ. «Мы

варвары, говорятъ съверные итальянцы, только въ Сиенѣ и въ Пистойѣ говорятъ настоящимъ итальянскимъ языкомъ!»

Въ заключеніе остается намъ отвѣчать на одинъ вопросъ: совершилъ ли Манзони переворотъ въ драмѣ? — Нѣтъ; нравственная цѣль, которую онъ избралъ себѣ, покорила все его силы и его поэзію. Онъ не совершилъ переворота въ драмѣ; но отступивъ отъ направленія, котораго упорно держались его предшественники, онъ проложилъ путь къ новымъ, болѣе смѣлымъ преобразованіямъ, и внушилъ чувство ихъ необходимости. Альфieri и Monti не утратятъ славы, которую заслужили, первый своею независимостью и добродѣтелью, а второй роскошью языка: въ Манзони итальянцы будутъ всегда уважать талантъ, посвятившій все свои силы идеи нравственности и добра, старавшійся пробудить въ сердцахъ потребность любви и самоотверженія; но, чтобы имѣть въ своей литературѣ вѣрное изображеніе Италіи, со всемія разнообразными и разнорѣчивыми страстями, имъ надо дожидаться чловѣка, способнаго предпринять грустное изученіе этой живой бездны, и олицетворить ее въ чловѣческихъ образахъ, подобно Шекспиру или Мольеру.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ДЪТОШИСЬ.

АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ТЕАТРЪ.

Наполеоновскій инвалидъ или Солдатская тайна, комедія — водевиль, въ двухъ дѣйствіяхъ. Переводъ съ французскаго *М. И. В.*—го

Русскіе художники въ Италіи или Два портрета съ натуры. Комедія — водевиль въ двухъ отдѣленіяхъ. (Переводъ съ нѣмецкаго. Объ этомъ афиша краснорѣчиво умолчала.)

День домашняго концерта. Водевиль въ одномъ дѣйствіи; соч. г. *Акселя*.

Дѣвушка — рекрутъ, или слѣпой, глухой и завка. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, переводъ съ французскаго *И. А. Дичкова*.

(*Бенефисъ г. Самойлова.*)

Въ одной изъ книжекъ нашего *Репертуара* мы дали читателямъ комедію «Наполеоновскій Инвалидъ», игравшую сперва

въ Москвѣ, въ которой М. С. Щепкинъ былъ неподражаемо хорошъ. Не станемъ здѣсь повторять ея содержанія, но скажемъ только, что это одна изъ лучшихъ пьесъ вышедшаго скуднаго театрального года, какъ по своей мысли, такъ и по исполненію. Въ этой небольшой пьескѣ, умно и отчетливо вложенной, есть элементъ настоящей драмы: въ нее заронена глубокая, потрясающая мысль, которая придаетъ главному лицу, инвалиду Матьясу, высоко драматическій характеръ. Мысль эта состоитъ въ ложномъ стыдѣ, который не позволяетъ питомцу его Тьери, почувствовать и сознать всю цѣну благодѣяній стараго солдата, чтобы не показаться смѣшнымъ и презрительнымъ въ молномъ кругу, до котораго возвысило его воспитаніе.

Безумная страсть къ прелестной баронессѣ Сериньѣ оправдываетъ вѣсколько минутное забвеніе молодого челоуька и примиряетъ зрителя съ возмутительнымъ чувствомъ, которое его неблагодарность поселяетъ въ душѣ; но этотъ старикъ солдатъ, съ его суровой нѣжностью къ приемышу, съ его жертвами для его счастья, съ его наивно-благороднымъ самоотверженіемъ, этотъ добродушный весельчакъ, пораженный въ самое сердце неблагодарностью своего созданія, когда вся жизнь, все помыслы, все мечты его на немъ сосредоточивались, потрясаетъ зрителя тѣми глубокими ощущеніями, которыя въ состояніи производить только чисто челоуьчественныя страданія, простыя и естественныя, сильныя — безъ драматической натяжки, поразительныя—безъ вымышлепаго эффекта. Это лицо создано превосходно; оно выше многихъ трагическихъ героевъ, потому — что въ простой, безъ-искусственной природѣ, оно энергически челоуьчно; и по этимъ даннымъ очень понятно, почему былъ въ немъ такъ высокъ Щепкинъ, этотъ актеръ естественности и залушеваго чувства—по преимуществу. Когда въ основѣ пьесы есть здравая мысль, то и ходъ и развязка ея бываютъ по большей части натуральны. *Наполеоновскій инвалидъ* можетъ похвалиться этимъ качествомъ, славившимся большой рѣдкостью на современной сценѣ.

На Петербургской сценѣ пьеса эта была разыграна очень хорошо. Главныя роли *Матьяса* и *Баронессы Сериньѣ* были исполнены господиномъ и госпожею Сосницкими съ тѣмъ

искусствомъ и усердіемъ, которыя давно отличили этихъ артистовъ на русскомъ театрѣ. Особенно прекрасно шла у нихъ сцена свиданія во второмъ актѣ, когда Матьясъ, узнавъ въ баронессѣ бывшую маркитантку, припоминаетъ съ нею счастливое время молодости и военной жизни. Тутъ г-жа Сосницкая была превосходна. Изъ прочихъ лицъ была недурна г-жа Самойлова 2, въ роли дочери баронессы. Г. Арвольтъ, игравшій роль *Твери*, имѣетъ еще много сценическихъ недостатковъ и мало проникновенія въ исполняемые характеры, неговоря уже о недостаткахъ физическихъ; ему много и долго надо будетъ трудиться, чтобы побороть неблагоприятную природу, образовать свой талантъ, и стать на степень приличную трудному амплуа, которое онъ избралъ. Объ исполненіи второстепенныхъ ролей можно сказать только, что оно *сносно*. Но нѣтъ сомнѣнія, что при средствахъ нашей сцены эта пьеса могла бы имѣть и у насъ успѣхъ колоссальный, подобный тому, какой она имѣла въ Парижѣ.

Кстати замѣтимъ, что она переведена прекраснымъ языкомъ и чрезвычайно грамотно, — великая рѣдкость въ наше время! — Видно по всему, что надъ нею трудился опытный литераторъ.

Русскіе художники — Александринскаго театра во все не похожи на русскихъ художниковъ вообще, и на тѣхъ, которые въ Италіи въ особенности, эти господа, вмѣсто того, чтобы усовершенствовать себя въ своемъ искусствѣ, занимаются волокитствами и интрижками. Плутъ итальянецъ, въ краскотеръ, что-то въ родѣ пародіи на Фигаро, вводитъ ихъ въ домъ старой кокетки, претендующей на молодость и красоту, и въ племянницу которой они влюблены. Одинъ пишетъ портретъ съ тетушки, другой съ племянницы, за однимъ волокится старуха, другой объясняется въ любви молоденькой. Но первый портретистъ далъ промахъ: онъ хотѣлъ блеснуть искусствомъ и написалъ тетушку какъ живую, со всеми морщинами и прыщиками, забывъ правило, что женщинамъ надо льстить до гроба. Старая дѣва не узнаетъ себя въ этомъ живописномъ зер-

каль, объявляет художника бездарнымъ и даетъ ему отставку. Другой портретистъ имѣетъ полный успѣхъ, потому-что его кистью водила любовь, а любовь, какъ извѣстно, подобно придворному, всегда льститъ.

Если эти художники дѣйствительные портреты съ натуры, какъ гласитъ афишка, то видно, что они писаны не мастеромъ своего дѣла, потому-что ни на что непохожи. Замѣчательно еще то, что всѣ лица пьесы говорятъ чистымъ русскимъ языкомъ, а одинъ краскотеръ ломаннымъ. По какой логической причинѣ это дѣлается—намъ неизвѣстно. Вѣроятно по той-же, по которой — за этотъ ломанный языкъ — г. Самойлова вызываютъ послѣ пьесы.

День домашняго квартета — фарсъ, не имѣющій особенной связи, но смѣшной по своимъ эпизодическимъ явленіямъ и лицамъ. Это насмѣшка надъ меломанами — дилетантами. У Дедурова есть дочь, помолвленная за Нильскаго; но онъ любитъ больше дочери музыку, и для нея забываетъ даже всѣ свои дѣла. Дедуровъ назначилъ у себя квартетъ и имъ только и бредитъ. Въ это-то время является къ нему старикъ Нильскій, что-бы условиться на счетъ свадьбы дѣтей. Но до-того-ли Дедурову, когда у него на умъ скрылки да флейты? Старикъ ссорится, но Нильскій, зная вздорную натуру своего будущаго свата, не хочетъ ей жертвовать счастіемъ дѣтей; онъ разсылаетъ приглашенія на свадьбу. Дедуровъ думаетъ, что гости собираются слушать его квартетъ, принимается за свою музыку со всѣмъ усердіемъ, а между тѣмъ дочь его обвиняютъ съ Нильскимъ. Довольный исполненіемъ своего квартета, онъ прощаетъ молодыхъ. Канва пустая, но побочныя подробности выкупаютъ ея скудность. Такъ, на-примѣръ, тутъ является глухой альтистъ, Стройный, который, въ лицѣ г. Мартынова, получаетъ типическій характеръ, несмотря на ничтожность роли. Потомъ, два брата Страньерины, являющіеся въ лицѣ одного г. Самойлова, поющаго аріи изъ итальянскихъ оперъ, баритономъ и теноромъ, въ подражаніе великимъ итальянскимъ пѣвцамъ, Рубини и Тамбурини. Хотя это подражаніе далеко отъ подлинниковъ, какъ небо отъ земли, но... это нравится публикѣ.

Съ третьяго представленія этотъ водевиль во-многомъ переделанъ и чрезъ это выигралъ. Нѣкоторыя сцены урѣзаны, другіе прибавлены, введено даже новое лицо; Иванъ Ивановичъ,

немѣцъ-аматеръ, поющій русскія и немѣцкія пѣсни, и г. Моръ въ этой роли чрезвычайно хорошъ. Роль Мартынова увеличена. Онъ уже играетъ соло на альтъ насалевнымъ смычкомъ, и хоть изъ инструмента не выходитъ ни одного звука, но онъ при глухотѣ своей этого не замѣчаетъ, и съ истинной любовью исполняетъ свое дѣло.

Остальный водевиль: *Дѣвушка-Рекрутъ*, состоитъ въ томъ, что эта дѣвушка въ рекруты негодится и потому ей дана на сценѣ чистая отставка.

ОБОЗРѢНІЕ

ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ.

Открытие новаго опернаго театра, новая опера молодого талантливаго композитора, новая трагедія г-жи Эмиль-Жирарденъ, дебютъ г-жи Алланъ, и все это въ теченіе трехъ, четырехъ недѣль! Такое обиліе событій въ драматическомъ мірѣ рѣдкость даже и въ Парижѣ; а тѣмъ болѣе, когда это еще только первый шагъ, только вступленіе въ новую эпоху существованія парижскихъ театровъ. Впереди еще новая (по крайней мѣрѣ для Парижа) опера Верди, оперы знаменитѣйшихъ французскихъ композиторовъ, Галеви, Обера, Буасли, большая комедія Скриба, двѣ трагедіи, нѣсколько балетовъ, и можетъ быть для довершенія славы сезона *Пророкъ* Мейербера. Но обо всѣхъ этихъ сокровищахъ успѣемъ поговорить въ свое время, теперь обратимся къ тому, что уже на лицо, начинала съ новаго театра гг. Адана и Миркура.

Читатели наши вѣроятно помнятъ, что еще съ весны всѣ журналы толковали объ этомъ театрѣ, долженствовавшемъ открыться въ сентябрѣ мѣсяцѣ, въ залѣ, преж-

де занимаемой Олимпійскимъ циркомъ, и назваться *Национальною Оперою*. Огромность перестроекъ не позволила открыть его въ назначенное время; наконецъ, въ половинѣ ноября, театръ началъ свое поприще двумя новыми произведеніями. Первое, служившее собственно открытіемъ, было:

LE PREMIER PAS OU LES DEUX SEXES (Первый шагъ или два генія) комическая опера-прологъ, въ одномъ дѣйствіи, соч. *Ройе* и *Вазса*; музыка *Галеви*, *Обера*, *Караффы* и *Адольфа Адана*.

Отъ пьесы, написанной единственно для открытія театра, нельзя требовать слишкомъ многого. Сюжетъ этой оперетки болѣе похожъ на довольно невинный водевиль, нежели на оперу; и кажется дѣйствительно авторы вырыли какой-то залежавшійся у нихъ водевиль и приплекли къ нему два аллегорическія лица, генія мелодрамы и генія музыки. Дѣло вотъ въ чемъ. Гдѣ-то на чердакѣ живутъ два молодые пріятели, музыканты; они написали вдвоемъ большую оперу, которой суждено повидимому всегда оставаться въ ихъ письменномъ столѣ. Все богатство ихъ заключается въ талантѣ... виновать, кромѣ таланта есть у нихъ еще одно благо, любовь; но въ нашъ денежный вѣкъ ни съ тѣмъ, ни съ другимъ далеко не уйдешь. Фрозина и Жюльетта, точно такъ же, какъ Люсьенъ и Леонаръ, богаты однимъ талантомъ и любовью; у Люсьена есть правда гдѣ то въ провинціи дядя, богатый чулочный мастеръ; да онъ и слышать не хочетъ о племянникѣ, который сочиняетъ музыку за тѣмъ, чтобы толкаться за кулисами. Единственное средство смягчить его гнѣвъ и получить отъ него пособіе—бросить глупую музыку и вести у него счетныя книги. Положеніе молодыхъ артистовъ съ каждымъ часомъ ставовится хуже и тяжелѣе. Приѣзжаютъ Фрозина и Жюльетта изъ Тура, гдѣ онъ съ большимъ успѣхомъ пѣли въ концертѣ въ пользу бѣдныхъ. Послѣ концерта какой-то господинъ являлся въ Фрозинѣ, но не заставъ ее, объявилъ, что будетъ ждать ее у себя въ Парижѣ. Фрозина отправляется къ нему съ учителемъ своимъ, Леонаромъ. Господинъ этотъ никто иной, какъ директоръ новоучреждаемаго опернаго театра, желавшій ангажировать ее на свой театр. Леонаръ

пользуясь случаемъ, заговариваетъ о своей партитурѣ; директоръ обѣщаетъ придти къ молодымъ музыкантамъ, прослушать ее. Фрозина возвращается съ радостною вѣстью, и встрѣчаетъ въ скромномъ жилищѣ своихъ друзей господина, который былъ ея спутникомъ, и страшно падомъ ей своими безчестными любовными объясненіями; это никто иной, какъ строгій дядя Люсьена. Между тѣмъ является вмѣсто директора его пріятель; Леонаръ подаетъ ему послѣдній нумеръ своей партитуры, героическую сцену, въ которой вассалы приносятъ все свое добро своему государю, отправляющемуся въ трудный походъ. Леонаръ забылъ, что въ минуту вдохновенія, не имѣя текста, онъ употребилъ вмѣсто него счетъ своей прачки; можете себѣ вообразить, что выходитъ, когда пѣвцы геройскимъ воинственнымъ тономъ исчисляють: двѣ пары носковъ, фланелевая фуфайка, три колпака, и т. п. Но нѣтъ худа безъ добра; дядя приходитъ въ такой восторгъ, слыша, какъ музыка прославляетъ издѣлія его ремесла, что мирится съ музыкою и съ племянникомъ. Одинъ пріятель директора пасмуренъ и не доволенъ; почему? Онъ гений драмы, видѣнный Люсьеномъ во снѣ, въ началѣ пьесы, врагъ музыки; онъ уже собирается разорвать партитуры; но на помощь молодымъ артистамъ является музыка; она въ послѣдній разъ предлагаетъ духу драмы примириться; послѣ долгаго сопротивленія, онъ наконецъ соглашается, и сочетается съ нею законными узами брака, отъ каковаго брака рождается *Національная Опера* гг. Миркура и Адава и тѣмъ сбывается сонъ Люсьена.

О музыкѣ этой оперы-пролога отзываются довольно хорошо, большая и лучшая часть ея принадлежитъ Адаву; Галеви поставилъ два нумера; Оберъ одинъ, извлеченный изъ *Занетты* и изъ *Герцога Олонскаго*; Карачча одинъ, самый слабый во всей партитурѣ.

Второю пьесою, данною въ день открытія новаго театра была:

GASTIBELZA, OU LE FOU de TOLEDE, (Гастибельза, Толедскій сумасшедшій) опера въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. *Кормони* и *Денери*, музыка *Мальяра*.

Графъ Сальданья похитилъ и умертвилъ сына Испан.

скаго Короля, чтобы доставить престоль его племяннику, дону Альвару, и сложилъ свое преступленіе на дона Мендозу, который однимъ бѣгствомъ спасся отъ казни. Голова его оцѣнена, всѣ родственники его изгнаны; но его дочь, донья Сабина, зная, что въ замкѣ его, принадлежащемъ теперь графу Сальданья хранятся бумаги, могущія оправдать его, рѣшается проникнуть въ замокъ, и достигаетъ своей цѣли посредствомъ перстня, который графъ Сальданья далъ хорошенькой мельничихѣ Пахитѣ. У Доньи Сабини есть женихъ, Гастибельза, испанскій дворянинъ, предпочитающій свободу горькой жизни придворнымъ почестямъ; подсмотрѣвъ, какъ донья Сабина вошла въ замокъ, онъ является къ графу Сальданья требовать объясненія; графъ, велитъ ввести эту женщину, полагая, что это Пахита. Донью Сабину вводятъ, снимаютъ съ нея вуаль; не смотря на стыдъ и позоръ, она твердо рѣшилась исполнить начатое дѣло, милостиво слушаетъ предложенія графа, отрекается отъ Гастибельзы. Оставшись одна съ женихомъ, она вынимаетъ изъ потаеннаго ящика бумаги; но Гастибельза, сведенный съ ума ея измѣною, вырываетъ у ней бумаги и убѣгаетъ съ ними, общая ихъ сжечь. Возвращается графъ Сальданья и требуетъ исполненія обѣщанія; послѣднія силы Сабини истощаются въ невольной борьбѣ, какъ вдругъ раздается набатъ, извѣщающій о поимкѣ герцога Мендозы. Графъ, узнавъ Сабину, хочетъ отдать ее на поруганіе своимъ вассаламъ; но едва онъ вышелъ, сумасшедшій Гастибельза, выводитъ ее тайнымъ ходомъ изъ замка. Донья Сабина бросается къ ногамъ короля, и проситъ отложить казнь на нѣкоторое время, чтобы дать ей возможность отыскать бумаги, врученные Гастибельзою какому-то незнакомцу. Но это лишнее: незнакомецъ былъ самъ король; Графъ Сальданья арестованъ; а Гастибельза исцѣляется отъ сумасшествія, узнавъ, что донья Сабина любитъ его по прежнему.

О талантѣ Мальбра всѣ отзываются съ необыкновенными похвалами; всѣ журналы признаютъ въ немъ богатство, непринужденность и выразительность мелодій, рѣдкое воображеніе и умѣніе владѣть оркестромъ Нѣс-

сколько успешныхъ представлений подтверждаютъ справедливость этого сужденія.

Артисты «Национальной Оперы» по большей части молодые люди, обещающіе со временемъ замѣчательные таланты; въ особенности хвалятъ г-жъ Шера-Куро, Пети-Бриеръ, Бурде и Кара, теноровъ Рагно и Шене, баритоновъ Поли и Кабеля, и баса Женка. Въ балетъ отличаются двѣ танцовщицы, дѣвица Ришаръ, и дѣвица Ориель, дочь знаменитаго клауна Олимпійскаго Цирка.

Кромѣ этой новой оперы, національная опера поставила два давно извѣстныхъ, но тѣмъ не менѣе прекрасные произведенія: *Алину, царицу Голкондскую*—Бертонга, и оперетку Адана *Любовная интрига*.

Новая трагедія г-жи Эмиль-Жиранденъ, *Клеопатра*, также произведеніе уже давно обѣщанное парижской публикѣ.

Клеопатра, этотъ идеаль древняго сластолюбія, кажется во всѣ времена была одною изъ самыхъ любимыхъ героинь драматическихъ поэтовъ. Шекспиръ написалъ *Клеопатру*, Альфieri написалъ *Клеопатру*, и сколько еще можно насчитать другихъ Клеопатръ, менѣе извѣстныхъ, и даже вовсе забытыхъ? Одинъ французскій журналъ насчитываетъ въ одной французской литературѣ тринадцать *Клеопатръ*, начиная съ Жоделя (1552 г.) до Мармонтеля (1750.) и Суме (1824.) Не смотря на это множество предшественниковъ, г-жа Жиранденъ представляетъ свою героиню совершенно въ новомъ видѣ; и даетъ ей высокое поэтическое значеніе; средствомъ къ тому служить лицо, упущенное исторіею, и всѣми поэтами, выбиравшими предметомъ своихъ трагедій знаменитую дочь Птолемею; это лицо, греческій невольникъ, бѣдный Александрійскій плотникъ. Онъ увидѣлъ царицу, полюбилъ ее, и дерзнулъ открыть ей свою любовь. Утомленный своимъ царственнымъ сластолюбіемъ, Клеопатра склоняется на любовь раба, но продаетъ ему часъ счастья цѣною цѣлой жизни; онъ съ благодарностью принимаетъ отравленный кубокъ, и твердою рукою подноситъ его къ устамъ, упоенный любовью и счастьемъ. Но Фетридій, другъ Антонія, поручаетъ греческому врачу возвратить жизнь отравленному; желая вырвать Антонія изъ объятій

вѣроломной любовницы, онъ хочетъ, чтобы хоть одинъ изъ ея сообщниковъ остался въ живыхъ и могъ при случаѣ служить ей обвинителемъ. Но невольникъ, возвращаясь къ жизни, оживаетъ и въ своей любви, преданный всею душою предмету своей страсти, онъ извѣщаетъ Клеопатру объ отъздѣ Антонія, увлеченнаго ревностью и Вентидемъ, Клеопатра, невидя его также, одѣвается работою, и ѣдетъ въ Тарентъ, снова овладѣть сердцемъ любовника, и видѣть лицомъ къ лицу свою соперницу, Октавию. Превосходна эта сцена, когда Клеопатра приходитъ издѣваться надъ добродѣтельною супругою, но невольно смиряется передъ добродѣтелью, не смѣетъ поднять на нея глазъ, стыдится собственнаго порочнаго взгляда, своего заклѣйнаго распутствомъ чела, и наконецъ, проклиная знойное солнце своей родины, распалюющее кровь и наполняющее воздухъ сладострастіемъ. Между тѣмъ Антоній, снова увлеченный хитростями царицы, бѣжитъ съ нею въ Египетъ. Римъ страшенъ ему, какъ свидѣтель всѣхъ его преступленій; въ каждомъ его звукѣ ему слышится строгій голосъ Цицерона. — Октавія рѣшается отомстить за оскорбленія, нанесенныя сестрѣ его Октавіи, и отправляется въ Акціумъ, рѣшить судьбу міра. Клеопатра бѣжитъ и увлекаетъ за собою въ бѣгство Антонія. Всемирное царство для него утрачено; остается одна Клеопатра, ложный слухъ о ея смерти приводитъ его въ отчаяніе; онъ умоляетъ раба своего убить его. Умирающаго Антонія уносятъ къ Клеопатрѣ. По смерти его, по римскому обычаю, надъ трупомъ произносятся трижды его имя; въ первый разъ невольница Клеопатры Харміона, во второй разъ сама Клеопатра, а въ третій Октавія, пришедшая требовать тѣла мужа. Клеопатра не соглашается на требованія, терпѣливо выслушиваетъ укоры и оскорбленія вдовы, и принуждаетъ ее отступить безъ успѣха. Потомъ, помня угрозу Октавіи, что Октавія повлечетъ ее скованною за своею триумфаторскою колесницею, она проситъ смерти; но ее лишили всѣхъ средствъ покуситься на свою жизнь. Тогда таинственный ея любовникъ, рабъ, приноситъ ей, какъ даръ Аммонскихъ жрецовъ, корзиночку съ плодами, въ ко-

торой спрятана змѣя. Царица умираетъ въ царскомъ нарядѣ, на тронѣ, и въ вѣнцѣ,

Какъ ни блѣденъ этотъ очеркъ, каждый изъ него убѣдится, что трагедія г-жи Жирарденъ произведеніе истиннаго поэта; въ ней мастерски схвачены и развиты характеры, дѣйствіе стройно и одушевлено, положенія сильны и поразительны, безъ изысканной эффектности; присоедините къ этому превосходный стихъ, въ особенности въ вѣкоторыхъ лирическихъ мѣстахъ, на примѣръ, въ возваніи невольника къ смерти, и очень понятно, что при игрѣ талантливыхъ актеровъ, г-жѣ Рашель (Клеопатра) и Рембло (Октавія) и гг. Бовале (рабъ) и Мобана (Антоній) пьеса должна была имѣть огромный и вполне заслуженный успѣхъ.

Дебютъ г-жи Алланъ познакомилъ парижанъ съ прелестною комедіею Мюссе: *Un sacrifice*, въ которой талантливая артистка была такъ хороша, что намъ стало завидно въ Петербургѣ; по какому то странному случаю эта пьеса, хотя уже не нова, до сихъ поръ не являлась на Парижской сценѣ.

Изъ прочихъ новыхъ пьесъ, игравшихъ въ послѣднее время въ Парижѣ, очень немногія выходятъ изъ круга посредственности. Замѣтимъ изъ нихъ слѣдующія:

UNE JEUNE VIEILLESE (Преждевременная старость) этюда? въ трехъ дѣйствіяхъ и пяти картинахъ. соч. М... (на театрѣ *Бодевилля*).

Лордъ Дерби молодой человѣкъ, прокатившій свою молодость и здоровье въ удовольствіяхъ и безпорядочной жизни; не смотря на то, онъ женится на молодой дѣвушкѣ, которая его не любитъ, а любитъ Жюля, секретаря лорда. Дебри уѣзжаетъ съ молодою женою въ Англію; Жюль слѣдуетъ за ними. Лордъ чахнетъ; преждевременная смерть угрожаетъ ему, не смотря на попеченія врача; а для большей горести его кончины, онъ видитъ тщетно скрываемую любовь Маріи къ Жюлю. Понимая свое положеніе и положеніе молодыхъ людей, онъ не ревнуетъ жену, а только уговариваетъ Жюля ухатъ, и возвратиться черезъ годъ, жениться на Маріи, которая уже безъ сомнѣнія будетъ вдовою. Во время отъѣзда Жюля, лордъ Дерби такъ слабъ, что его уже считаютъ поч-

ти мертвымъ, но это только кризисъ; онъ такъ оправляется, что ѣздитъ на охоту, даетъ обѣды, и т. д.; но за то Марія чахнетъ со дня на день. Жюль, видя, что лордъ Дерби и не думаетъ умирать, возвращается, и хочетъ увезти его жену; лордъ открываетъ замыселъ, вызываетъ Жюля, но врачъ не допускаетъ ихъ до дуэли, между тѣмъ Марія, не будучи болѣе въ силахъ вынести эту тяжелую жизнь, хочетъ отравиться; что-то останавливаетъ ее въ самую минуту исполненія; она забываетъ выкинуть или спрятать приготовленный ядъ, лордъ Дерби выпиваетъ его, вмѣсто стакана воды, на этотъ разъ онъ умираетъ не въ шутку; и зрителю предоставляется выводить свои заключенія.

У автора, кажется, была сначала мысль, и мысль не дурная; но онъ не умѣлъ съ нею справиться, пустился въ мелодраматическіе эффекты, и написалъ пьесу безцвѣтную и пошлую, которая съ трудомъ удержалась на сценѣ.

LES PAISANS. (Мужики) драма въ пяти дѣйствіяхъ и восьми картинахъ, соч. Денри, Кормона и Гранже (на театрѣ Албигю.)

Лѣтъ пятнадцать назадъ, Гастонъ-де-Люксель былъ умерщвленъ; подозрѣніе пало на брата его Филиппа, который однакоже успѣлъ скрыться на канунѣ казни, и съ тѣхъ поръ никто не знаетъ, куда онъ дѣвался. Передъ тѣмъ онъ хотѣлъ жениться на бѣдной крестьянской дѣвушкѣ, которая подарила ему сына Люсьена; этотъ Люсьенъ теперь влюбленъ въ Валентину, дочь Гастона; уже чрезъ нѣсколько дней назначена ихъ свадьба; но заклятый врагъ дома графовъ Люксель, Водойе, требуетъ руки Валентины, грозясь въ противномъ случаѣ продать замокъ, за долги молодаго графа Рауля, который мотаетъ деньги въ Парижѣ, и даетъ векселя безъ счета. Рауль согласенъ отдать сестру за Водойе; но едва хочетъ подписать контрактъ, онъ пораженъ пудею; въ комнатѣ нѣтъ никого, кромѣ слѣпаго Доминика, на котораго не можетъ пасть

подозрѣніе; находятъ карабинъ, принадлежащій Люсьену, его арестуютъ; Люсьень знаетъ, что выстрѣлилъ Доминикъ; но онъ знаетъ также, что Доминикъ не слѣпой нищій, а Филиппъ Люксель; онъ не можетъ обвинить отца. Замыслы Водойе приближаются къ исполненію; тщетно сообщникъ его, Шармумо, предупреждаетъ его объ опасности, о существованіи доказательствъ ихъ преступленія, Водойе думаетъ, что онъ хочетъ его только наугадъ, чтобы выманить денегъ. Онъ беретъ уже перо, чтобы подписать брачный контрактъ, какъ вдругъ Валентина выбѣгаетъ изъ спальни отца, не отворавшейся со дня его смерти, и показываетъ на полу написанныя кровью несчастнаго слова: «Водойе зарѣзалъ меня.» Водойе арестованъ и сознается, Люсьень женится на Валентинѣ, Доминикъ снова принимаетъ названіе Филиппа Люкселя, и т. д.

Чтобы дать этой крайне слабой пьесѣ болѣе сельскій колоритъ и оправдать ее названіе, авторы вставили картину образцовой фермы, съ нѣсколькими комическими сценами, что не помѣшало зрителямъ звать и скучать.

LA COURONNE DE FRANCE (Французскій престолъ), комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Луи Монрози (на театрѣ *Одеона*.)

Анекдотецъ, съ историческими именами, растянутый на три дѣйствія, и разведенный стихами, похожими, по выраженію Пирона, на прозу, подрубленную рифмами.

Французскій король шестидесяти-лѣтній Людовикъ XII, женится на Маріи, сестрѣ Генриха VIII, для того, чтобы имѣть наследника, и не допустить герцога Франциска до престола. Друзья герцога очень надѣются на старость короля; но ихъ беспокоятъ Суффолькъ, прибывшій съ принцессою изъ Англій, и влюбленный въ нее; они знаютъ, можетъ быть, по опыту, что старикъ, женатый на молодой и хорошенькой женщинѣ, рѣдко умираетъ безъ потомства. Президенту Дюре поручено блюсти законность наследства; онъ всякими мѣрами старается не допустить королевы до свиданія съ Суффолькомъ; но почтенный президентъ забылъ, что герцогъ Францискъ также влюбчивъ, какъ Суффолькъ, но гораздо живѣе и рѣшитель-

нѣе его; это упущеніе можетъ разрушить все его планы. По счастью, Маро, другъ герцога, предупреждаетъ президента объ угрожающей опасности; онъ находитъ средство отвратить свиданіе, и объясняетъ Франциску, что престоль лучше любви Маріи, которая отсылаетъ несноснаго Суффолька въ Англію, прощаетъ обманъ Дюпре, и рѣшается быть вѣрною супругою.

Благодаря нѣсколькимъ забавнымъ сценамъ и игрѣ актеровъ, пьеса имѣла успѣхъ.

DIDER, L'INCONTE POMME. (Честный Дидье) комедія водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. Скриба и Мишеля Массона (театръ *Драматической Гимназіи*.)

JEROME LE MASON. (Жеромъ каменьщикъ) водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ соч. Балра и Биевиля. (Театръ *Разнообразія*.)

Различіе этихъ двухъ пьесъ заключается только въ званіи дѣйствующихъ лицъ, и нѣкоторыхъ подробностяхъ; въ обѣихъ старая, изношенная пѣсня о томъ, какъ честный человекъ, находясь въ трудномъ положеніи, можетъ поправить его и обезпечить счастье свое и своихъ ближнихъ, если успѣетъ заглушить голосъ совѣсти, и воспользуется съ неба падающимъ кладомъ; и какъ, послѣ нѣкоторой борьбы, они предпочитаютъ строгую честность счастью и богатству; за что Богъ ихъ награждаетъ, какимъ нибудь чудомъ, и они достигаютъ своихъ желаній законными путями. Приправивъ это любовью и любовниками, гг. Скрибъ и Массонъ, и Балръ и Биевиль состряпали два водевила, и пресерььозно спорятъ о томъ, кто изъ нихъ настоящій ихъ отецъ, забывъ, что они повторяютъ и передѣлываютъ только давно забытыя пьесы прошлаго вѣка.

СМЪСЬ.

КУРЪОЗЫ.

Мы получили на дняхъ письмо и стихи, которыми за грѣхъ считаемъ не подѣлиться съ нашими читателями, какъ съ явленіемъ весьма рѣдкимъ и можетъ быть безпримѣрнымъ въ русской литературѣ.

Отпечатываемъ письмо и стихи, съ соблюденіемъ орфографіи автора и съ дипломатическою вѣрностію.

Милостивый государь!

«Неимья счастье ещѣ никогда обращаться къ вамъ писменно; имѣвши къ вамъ предпочтеніе просить на почтительнѣйше покорно, и надѣюсь, что вы не откажете, и соизволеніемъ своимъ премного обяжете, если не предпочтете себя лишніе мои соченія помѣстить въ изданіяхъ Репертуара, и если будите такъ Добры и сънесходительны съ чѣмъ имѣю честь обратиться къ вамъ.

Извѣстно я въ первый разъ пишу къ вамъ и за нужное предувѣдомляю васъ, что я имѣю до васъ Дѣло, и былбы удостоверенъ, что сочненія мои не будутъ тщетны, а издаваемы.

А я надѣюсь, что сочненія мои не пренесутъ къ вамъ никакой пошлости но эта идея зависеть въ благоусмотрѣніи вашимъ. Не престоиность и не преличность обращена будите ко мнѣ.

Но у мня въображеніи имется хаосъ мыслей; иметь по
Т. XI. Отд. II.

силъ моихъ раторопностей и Возможностей касающіеся до образованія ума возобновить въ Утонченности всего лучшаго и—взячнаго заслуживать протчихъ уваженія имѣвши эти впечатлѣнія обращаюсь къ вамъ и прошу вашего вспомошествованія, я понимаю что этотъ ходъ очень Деликатенъ въ своей методѣ!

Хотя я и не достигну сего храма Вѣликаго достоинства знаменитыхъ писателей, но никто не запретитъ мнѣ сказать «будущѣ неизвѣстно»!

Имѣю покорное предпочтеніе и Всегда преклону колено предъ жертвенникомъ Гевія во всѣхъ Добродетельныхъ предметахъ.

Присемъ опишу 2-ва стиха, которыя прикажутъ отпечатать въ Репертуарѣ ноября или декабря мѣсяцовъ. Если я найду свои стихи въ изданіи, то я съ полнымъ удовольствіемъ предпочту себя задолгъ послать съ первой отходящей почтой: и 2 стиха сія будутъ вспомошествовать въ вѣрной и надежной отсылки, что вы непременно отпечатаете въ своихъ изданіяхъ.

А если вамъ заблагоросудится имѣть въ скоромъ времени мои Сочененія, то Въ знакъ, пошлите тотъ томъ, гдѣ слѣдующія стихи отпечатаны и я получу и непременно отослать адресъ извольте писать Степану Ліонтевичу Утовакову въ село Кію, Томск. окр. (т. е. отцу моему).»

П Р А В Д А.

Великое Дѣло

О! Вѣличество вѣличествъ

Гласъ правды, божество

Правда всѣ превзмогаитъ

Съ правдой никто не сравненъ

Не исповѣдимо ея первенство

И высшее лучезарное Достоинство!

Правило правды одно для всѣхъ!

Предъ которымъ жизнь наша въ повиновеніи

И Если кто не исполнитъ ея законъ

Такъ грозенъ гласъ правды!

Какъ бурный окіанъ предъ челномъ!

Во время-не бури тихо плавающимъ

А въгрозно-разразившій сънесвиргающимъ!

АРТИКУЛЬ.

Ты мила и прекрасна как Ангель
 Улыбкой любезной не земной своей
 Тебя очаровательницу я зрѣлъ
 Въ семь артикулъ прекрасномъ!

Помнешь ли, какъ ты любовью горѣла
 Нѣжной пламенной своей ко мнѣ
 Но ты къ блаженству не земному улетела!
 О! Ангелы для чего унесли тебя онѣ

Ты предназначовала, какъ радостнымъ вѣнцомъ
 «Милый я улечю далеко отъ тебя!»
 Ты говорила всѣ это пред—концомъ!
 Увы? зачѣмъ оставила одного мина!

О! я бѣ тамъ другъ мой нѣжный
 Молитвы Богу, съ тобой возсылалъ!
 И духъ бы мой пылко мятежный
 Не безъпокоилъ, когда пріютъ снискалъ

Увы! ты пребываешь тамъ
 Гдѣ для всѣхъ вѣчность есть
 Гдѣ преведется находится намъ
 О! Вседержитель всему этому вѣсть

Увы! земная радость мнѣ не весела
 Недасть пріятнаго услажденья
 Только ты мнѣ мила
 И отъ тебя я дожидаюся мщенія

Увы прощай жизни сладость
 Чѣмъ только я себя веселилъ
 Но несчастная горькая моя младость
 Тщетно Творца обмилой умолялъ!

Одинъ конецъ страдальческихъ мученій
 Что объ милой иго я несу стена
 Богъ непріязль моихъ моленій
 И вся прерода отвергла мина

У меня довольно таковыхъ сочененій дождаюсь отвастъ разрешенія.

Вамъ преданный

Александръ Утоиковъ.»

И послѣ этого еще жалуются, что у насъ нѣтъ урожденныхъ поэтовъ! Впрочемъ, мы нужнымъ почтаемъ попросить почтеннаго автора, имѣющаго въ *соображеніи хаосъ мыслей, по силѣ расторопностей и возможностей* удержаться отъ присылки слѣдующихъ своихъ сочененій, впредь, до востребованія. Редакція.

ТЕАТРЫ ВЪ ИТАЛІИ.

Нѣтъ, можетъ-быть, въ мірѣ страны, гдѣ столько театровъ какъ въ Италіи; но *каковы* они — это дѣло другое. За то, что городъ, то театръ и *непремьнно* опера — конечно жалкая, ничтожная, но тѣмъ не менѣе опера, а итальянская публика, капризная и взыскательная въ большихъ городахъ, до-чрезвычайности добродушна и снисходительна въ маленькихъ.

Главныхъ театровъ въ Италіи три: *Сан-Карло* въ Неаполѣ, *Ла-Скала* въ Миланѣ и *Фениче* въ Венеціи.

Самый большой и красивѣйшій изъ нихъ *ла-Скала*, построенный въ 1778 г. по рисункамъ *Піермарини*. Театръ этотъ въ шесть ярусовъ и великолѣпно убранъ. Большая часть ложъ собственностъ частныхъ лицъ и отъ одного владѣльца переходятъ къ другому, не только продажею, но и по духовнымъ завѣщаніямъ. Вся оная убраны внутри ихъ владѣльцами; смотря по состоянію и вкусу каждаго и за тѣмъ превращаются для нихъ въ настоящіе салоны, гдѣ они принимаютъ и подчасъ угощаютъ своихъ гостей.

Второй изъ этихъ театровъ, *Сан-Карло*, уступаетъ предъидущему въ величинѣ, но не менѣе его красивъ и великолѣпенъ и также въ шесть ярусовъ. Построенъ онъ въ 1537 г. но въ 1816 сгорѣлъ и за тѣмъ менѣе, нежели въ годъ снова выстроенъ архитекторомъ *Николіни*.

Наконецъ, послѣдній, *Фениче*, построенъ въ 1791 г., по ри-

сункамъ *Антоніо Сельви*, но лѣтъ за десять предъ симъ сдѣлался жертвою пламени и возобновленъ въ 1838 г. къ началу карнавала.

Всѣ три посвящены исключительно оперѣ и балету, и отличаются роскошью постановки своихъ пьесъ, что рѣдко случается въ Италіи, неизбалованной на этотъ счетъ скупыми *импрессаріями* т. е. содержателями театровъ.

Большая часть итальянскихъ театровъ не имѣютъ постоянныхъ труппъ, а довольствуются временными, *странствующими*, составленными на скорую руку, какъ ни попало, и вотъ причина, по которой театры въ Италіи въ такомъ жалкомъ состояніи. Даже и тамъ, гдѣ есть постоянныя труппы, оны, большею частію, не хороши, такъ-какъ лучшіе артисты, страшась законтраковать себя на долгое время, предпочитаютъ жизнь кочевую, представляющую имъ болѣе средствъ къ скорѣйшему обогащенію, пли-же впадаютъ въ другую крайность и *запродаютъ* себя на извѣстное число лѣтъ какому-нибудь импрессарію, дѣлаясь такимъ образомъ его собственностію, съ которою онъ въ-правѣ поступать совершенно по своему произволу, т. е. перевозить съ мѣста на мѣсто, отдавать въ наймы и даже перепродавать, что здѣсь кажется весьма естественнымъ и никого не удивляетъ.

Въ большихъ городахъ Италія по вѣскольку театровъ въ каждомъ; исключеніе одинъ Римъ, гдѣ театръ существуетъ только во время карнавала, а въ прочее время его вовсе нѣтъ. Цѣны за входъ въ итальянскихъ театрахъ самыя низкія, и потому они рѣдко бываютъ пусты, хотя итальянцы народъ расчетливый и не любящій тратить деньги, нужныя на макароны и *желеато* (мороженое).

Послѣ ложъ, лучшее мѣсто—партеръ, гдѣ во время представленія сидятъ въ шляпахъ на головахъ; но въ ложахъ и галереяхъ упаси Боже не снять шляпы: какъ разъ освивнутъ, обругаютъ и окончательно заставляютъ выдти изъ театра. — По объѣмъ сторонамъ партера особое отдѣленіе, гдѣ зрители стоятъ и, какъ они также въ шляпахъ, то на повѣрку выходятъ, что изъ бениуаровъ ровно ничего не видно.

Во время оперныхъ представленій, въ продолженіе всего спектакля, кромѣ такъ называемыхъ *бравурныхъ* арій, зрители громко между собою разговариваютъ, не обращая ни малѣйшаго

вниманія на музыку и пѣвцовъ, но едва начнется арія, все мгновенно затихнетъ и была тому, кто печально чихнетъ или закашляеть: онъ непременно обратитъ на себя вниманіе всей публики, которое немедленно проявится оглушающимъ свистомъ со всѣхъ концовъ залы.

При каждомъ одобреніи со стороны зрителей, артисты обязаны кланяться публикѣ, и это въ продолженіи всего времени, пока имъ аплодируютъ: неисполненіе этого можетъ повлечь за собою самыя неприятыя послѣдствія для артиста, ибо раздражительность итальянской публики переходитъ иногда послѣднія границы разсудка.

Пѣвцовъ и пѣвицъ, промѣнявшихъ Италію на Европу, итальянцы не жалуютъ, считая ихъ какими-то отступниками, и, при случаѣ, вымѣщаютъ на нихъ досаду немилосердными свистками, какъ-бы громко ни было имя артиста. Не всегда, но часто, поступаютъ также съ иностранными знаменитостями, когда прїездомъ своимъ онъ, нехотя, причинилъ вредъ какому-либо патріотическому дарованію: такъ, напримѣръ, прошлою зимою освистали въ Миланѣ несравненную *Тальони*, а въ Венеціи *Гранъ*, которой не дали даже окончить представленіе (*).

Драматическія труппы представляютъ преимущественно пьесы французскія, придавая имъ иногда, для большаго эффекта, другое названіе. Чья-бы ни была представляемая пьеса, на афишѣ она непременно превращается въ сочиненіе Скриба и непначе именуется какъ *brilliantissima comedia*. Довольно сказать, что даже *Passé minuit* (Приключеніе въ Щербаковомъ-переулкѣ), т. е. глупый и безтолковый фарсъ называется блестящею комедіею и приписывается Скрибу, который пока еще не написалъ и вѣрно никогда не напишетъ подобной пошлости.

Музыкальныхъ и балетныхъ знаменитостей нынѣ въ Италіи нѣтъ, и оно понятно: рыба ищетъ глѣ глубже, человекъ глѣ лучше, а Италія не въ состояніи платить большихъ денегъ; по этому всѣ лучшіе артисты Италіи, едва составятъ себѣ имя,

---

(*) Замѣчательно, что съ прошлой зимы по нынѣшнюю, въ Европѣ освистали четыре знаменитости: *Тальони* въ Миланѣ, *Гранъ* въ Венеціи, *Штольцъ* въ Парижѣ и *Дюпре* въ Гамбургѣ.

спѣшать въ Парижъ, въ Вѣну и къ намъ, въ Петербургъ, гдѣ солнце грѣетъ, конечно, не такъ ярко, но гдѣ за то легче нагрѣть руки, а артисту только этого и надо.

Изъ драматическихъ-же знаменитостей пользуются особенною извѣстностію актриса *Ристори*, прозванная, не знаю почему, *итальянскою Рашелью*, хотя она ни разу не играла въ классической трагедіи, актриса, впрочемъ хорошая, знающая сцену, и которая преимущественно играетъ въ драмъ и въ высокой комедіи. Актеръ *Модена* превосходенъ въ трагедіи, но къ-сожалѣнію, въ скоромъ времени намѣренъ сойти съ театральныхъ помостовъ. Наконецъ, молодой актеръ *Бельотти*, прекрасный комикъ, забавный преимущественно въ фарсахъ, что большое достоинство вообще въ комикъ и въ особенности въ итальянцѣ.

Замѣчу, наконецъ, какъ оригинальность, что въ Неаполѣ, на Сан-Карло, танцовщики и танцовщицы *никогда* не надѣваютъ трико, а являются въ *зеленыхъ панталонахъ*, какъ увѣряютъ, для большей нравственности, что было причиною рѣшительнаго отказа Фанни Эльслеръ явиться на сцену этого театра, не смотря на выгоды сдѣланнаго ей предложенія.

Д. С.

С Ц Е Н Ы

ВЪ ЗАГОРОДНОМЪ ТРАКТИРѢ.

1.) За первымъ столомъ: Купцы.

Городской. Нѣтъ-съ! Не совсѣмъ приглядно-съ!

Здѣшній. Помилуйте, чегожъ лучше-съ? Отличительное заведеніе!

Городской. Чего-съ? Такихъ ли выдала!... У насъ въ Петербургѣ, что ни на есть важная растеряція, не въ примѣръ этой, галантерейнаго устроена. Николи ужъ этойкой *протекціи* на потолкахъ не обозначается, а здѣсь вонъ изволите.... какъ цвѣтки-то подмочило!

Здѣшній. Не изволите ли лучше чайку нашего отвѣдать Селифонъ Анкудиновичъ?

Городской. Съ нашимъ-съ вамъ!

Здѣшній. Ей, служитель! На сорокъ чаю, да на двѣ съ гривной сахару въ прибавку... А вы какъ? Въ *накладку*, али въ *прикуску* позволите употреблять?

Городской. Съ *урызениемъ-съ!*

2.) За *сторымъ столомъ*: Бывалые.

Трезвый. Какъ это ты, братецъ, съ тобой ничего не дѣлается?

Пьяный. А что?

Трезвый. Да ты ужъ сколько сегодня выпилъ, а вѣдь не пьянь... Ужасно *кряпокъ!*... Я ни разу не видалъ, чтобы ты шатался...

Пьяный. За то я умѣю пить: я пью съ *воздержаніемъ!*

Трезвый. Какъ съ *воздержаніемъ*? По *хересамъ* прошолъ, и *портеръ* улыбнулся, да и *Ямайку*-то почти всю оданъ выщипалъ... хорошо *воздержаніе!*...

Пьяный. Э! голова! Не понимаешь! Я какъ *напьюсь*, то и *придерживаюсь* все за *стѣнку*, вотъ и не *шатаюсь*... ну, значить пью съ *воздержаніемъ!*

Трезвый. Вотъ оно что!

3.) За *третьимъ столомъ*: Чиновные.

Старшій. Бѣда, да и только! Какъ вспомнишь *аказію*... такъ съ тобой всегда, *этакій* какой нибудь *водевилъ* и *приключтца!*

Младшій. А что-съ?

Старшій. А *пассаждъ*-то съ Его *Превосходительствомъ*?

Младшій. Да, да, помню! — Да, какъ же и вы-то! *приготовились*-бы, знаете — *новый* человекъ.

Старшій. Да какъ еще *готовился*-то! Тутъ-то и *случилась* *осыпка!*... Всѣ *амбара* къ *чорту* пошла! *Бѣдетъ* Его *Превосходительство* мимо *постоялыхъ* *дворовъ*, а тамъ воть *вѣдь* *навалили*... Что съ ними будешь *дѣлать*, не *разорваться*-же... *Пен-тефревь*, *каналья*, *вѣрно* *сгалтыничилъ*, а мнѣ *загвоздка*. *Интермедія* *настоящая!* Вотъ *выдался* - то *денекъ!* *Нахлобучка* такая, я вамъ скажу, что *команъ* *ву порте* *ву*.

Младшій. Да-съ, оно — того — *непріятно-съ*. Да что же *часовой*.

Старшій. Подите... тудаже, прозѣваль Его Превосходительство, какъ будто багатель какую!

Младшій. Выпьемъ-те ка лучше съ гора Иванъ Елисеичъ!

Старшій. Да, ужъ прѣдется покадить на послѣдяхъ!

4.) *За четвертымъ столомъ: Угощеніе.*

Угоститель. Признайтесь, по совѣсти,... какъ передъ Богомъ... какое вы лучше любите вино?

Угощаемый. Какое вино? Вы хотите, чтобъ я вамъ сказалъ по совѣсти?

Угоститель. Какъ перель Богомъ... хоть сейчасъ умереть.

Угощаемый. Хоть сейчасъ умереть?... Чужое!

Угоститель. Хе, хе.... шутникъ какой! — Однакожъ, вотъ изъ этихъ двухъ,... Вы понимаете, что я васъ хочу угостить. Какое вамъ самымъ по вкусу... которое для васъ лучше?

Угощаемый. То есть, по совѣсти сказать... одно лучше другаго!... Да и другое то лучше одного! Нѣтъ-съ, я не могу выбирать... а ужъ если ваша милость будетъ, такъ по моему... оба лучше!

5.) *За пятимъ столомъ: Гастрономъ.*

Привзжій. Чего бы спросить?... Ей малый! Поди сюда!... Что у васъ есть?

Половой. Что прикажете! Все есть!

Привзжій. Каково?... Все есть!... Устрицы есть?

Половой. Никакъ нѣтъ-съ!

Привзжій. Ботвинья съ лососиной?

Половой. Бываетъ-съ! Да теперъ не та пора!

Привзжій. Ну пулярка, что у васъ стоитъ?

Половой. Семдесятъ копѣекъ серебромъ.

Привзжій. Дорого! По такому трактиру дорого! А битое мясо?

Половой. Двадцать пять-съ!

Привзжій. И это дорого!... Ты вѣдь говоришь крайнюю цѣну?

Половой. У насъ не торгуются-съ!

Привзжій. (вынимая сигару и закуривая.) Подай мнѣ... стаканъ воды!...

6.) За шестымъ столомъ: Трезвые.

Первый. Да выпейте еще, хоть рюмочку!

Второй. Я безъ васъ не стану! И то за вами!

Первый. Ну и я выпью!.. Еге! Да что это вы все смотрите на вашъ палець? Пока будетъ двоиться, что-ли?

Второй. Нѣтъ! Двоится-то ужъ давно, а пока ничего не увижу!

7.) У БУФЕТА.

Прихожій. Ей! любезный? Кто изъ васъ здѣсь буфетчикъ?

Буфетчикъ. Я-съ?

Прихожій. Гдѣ у васъ карты?

Буфетчикъ. Карты-съ? Какія карты? У насъ бильярдъ есть, а карты запрещено держать... Да и теперь какая-же пора? Всего второй часъ!

Прихожій. Не въ часахъ дѣло! Болванъ! Есть-ли карта гушаньямъ?... Ну, да все равно. Что стоимъ у васъ объѣдъ?

Буфетчикъ. Два съ полтиной-съ!

Прихожій. Два съ полтиной?!... А ужинъ?

Буфетчикъ. Полтора рубля-съ!

Прихожій. Давай ужинать!

8.) У ВХОДА.

Пріятель. Куда ты идешь!

Тоже. Видишь, что въ трактиръ.

Пріятель. За чѣмъ?

Тоже. Хорошъ вопросъ! За чѣмъ ходятъ въ трактиръ? Ъсть хочу!

Пріятель. Э! Напрасно только деньги тратишь! — Пойдемъ лучше ко мнѣ объѣдать.

Тоже. Спасибо. Да чтожъ, не велики и деньги, я хотѣлъ съѣсть всего солонины съ картофелемъ.

Пріятель. Вотъ и прекрасно! — Какъ разъ попалъ. У меня дома тоже самое — только безъ солонины!...

ГРЕТРИ.

(Разсказъ Арсенія Гуссе).

Въ іюль мѣсяцъ 1726 года, одинъ старшій нѣмецкій священникъ, веселый каноникъ церкви Божіей Матери Пресбургской, провзжая чрезъ деревню Бленье, на пути въ Литихъ, вспомнилъ вдругъ, что у него въ этой деревнѣ была добрая племянница, жившая тутъ въ поэтическихъ заботахъ сельской жизни. Это было въ воскресенье, послѣ вечерни; наслушавшись сначала далекаго звона колоколовъ, священникъ скоро услышалъ веселье, плясовые звуки скрипки. «Такъ и есть, подумалъ онъ; этотъ чортовъ сынъ услаждаетъ собственную жизнь и потѣшаетъ жену скрипкою. Прости имъ Господи ихъ прегрѣшенія!» Разсуждая такимъ образомъ, онъ шелъ однако же въ ту сторону, откуда приходили живительные звуки. Дорогою попадаетъ ему крестьянинъ: — Послушай, пріятель! здѣсь, кажется, за церковью, въ концѣ огорода, живетъ Жанъ-Ноэ-Гретри?

—Такъ точно, батюшка, отвѣчалъ крестьянинъ, покачиваясь немного на ногахъ; самый лучший кабачекъ въ околдкѣ. Ей-ей, батюшка, поласть вамъ стаканчикъ пива или водочки на славу; а когда угодно, можно пожалуй и поплясать съ хорошенькими дѣвушками; и какія пригожія, чортъ возьми, кровь съ молокомъ!

Священникъ плюнулъ и продолжалъ путь, не слушая сатанинской рѣчи.

—Чортъ возьми, подумалъ онъ про себя, племянникъ мой страшный грѣшководникъ, соблазняетъ добрыхъ людей всеми путями. Это не хорошо! Впрочемъ, зачѣмъ этимъ бѣдьякамъ немножко и не повеселиться? Самъ Богъ проститъ ихъ. Посмотримъ, что они тамъ дѣлаютъ.

Едва онъ заворотилъ за уголъ церкви, будто волшебствомъ открылась передъ нимъ картина, рѣдко представлявшаяся его взорамъ. Представьте себѣ ландшафтъ Бергема, или лучше сельскій праздникъ Теньера; картину фламандскаго праздника, со всемъ его наивнымъ и шумнымъ весельемъ, съ его живописною непринужденностью, и вы поймете изумленіе строгаго священника Пресбургскаго собора. Первый представилъ ему сквозь вѣтви стараго вяза, посреди зеленой лужайки, племянникъ его Жанъ-Ноэ Гретри, который, усѣвшись верхомъ на бочкѣ, на-

игрывалъ на своей скрипичѣ съ такимъ усердіемъ и огнемъ, что самая холодная фламандка не устояла бы противъ волшебнаго дѣйствія его смычка. Молодежь съ шумомъ и смѣхомъ плясала вокругъ него; кой-гдѣ даже пожилыя женщины и престарѣлыя волокиты, забывая свои почтенныя лѣта, выдѣлывали самыя смѣшныя антрша. Все дышало весельемъ, разгуломъ и любовью; но это была еще одна только часть картины. Передъ щегольской избою деревенскаго скрипача, которая въ будни была скромнымъ жилищемъ трудолюбиваго земледѣльца, а въ воскресенье обращалась въ мѣсто сходбища всѣхъ, желавшихъ выпить чарку другую вина, или добрую кружку пива, стояло нѣсколько столовъ, къ которымъ танцующіе подходили отъ времени до времени смочить горло, и закусить пиво кускомъ ветчины. Въ самой избѣ, деревенскіе пьяницы играли въ карты и припоминали старину; вдали, деревенскій пастухъ, подъ звуки своей вольнки, гвалъ домой бурныхъ коровъ, спѣша также на праздникъ; изрѣдка раздавался насмѣшливый голосъ кукушки, или жалобное пѣніе снигиря; небо было довольно сине для фламандской природы; заходящее солнце щурило улыбку, глядя на деревенскій разгулъ; легкій вѣтерокъ разносилъ по воздуху ароматы цвѣтущаго луга; словомъ, все содѣйствовало къ очарованію картины. Я бы могъ, пожалуй, описать подробнѣе веселья пляски и олимпійскія шутки и хохотъ собутельниковъ; но предоставляю это собственному воображенію читателей, которое, вѣроятно, будетъ богаче моего пера; самъ же возвращусь къ своему священнику. Онъ шелъ, опустивъ глаза, чтобы не видѣть различныхъ эпизодовъ, смущавшихъ его духовную скромность, и бормоча про себя: «Боже милостивый! прости имъ, Господи, прегрѣшенія ихъ!» Такимъ образомъ онъ тихонько прокрался вдоль забора, и неожиданно показался на порогѣ избы своей любезной племянницы. Прошло уже лѣтъ десять съ тѣхъ поръ, какъ дѣвица Дѣдонне Кампинадо была увезена (съ собственнаго согласія, говорили злые языки), сорванцомъ Жанъ-Ноэ Гретри, и раздѣляла его безпокойную жизнь. Хотя они состояли въ узаконнаго брака, однако же родственники дѣвицы Кампинадо до сихъ поръ не могли еще простить ей этого проступка. Старый священникъ за тѣмъ преимущественно остановился въ деревнѣ Бленье, чтобы повидаться съ племянницею передъ смертію, и

дать ей свое благословеніе. Само — собою , что если бы у него была не такая добрая душа, зрѣлище, представившееся ему передъ женою супруговъ, поколебало-бы его доброе намѣреніе. Едва онъ ступилъ на порогъ, передъ нимъ предстала племянница, некогда бывшая самою скромною и добронравною двушкою его прихода, въ щегольскомъ, хотя не совсѣмъ скромномъ, нарядѣ , съ кружкою пива въ каждой рукѣ , и напѣвая нѣсколько разгульную пѣсенку. При видѣ дяди, кружки выпали изъ рукъ ея, и пѣсня остановилась непопѣтая на устахъ.

— Дядюшка! вскричала она. Ноэ, Ноэ, пооди же обнять дядюшку!

Съ этими словами она бросилась въ объятія дяди. Скрипачъ, не смотря на страсть свою къ музыкѣ и танцамъ , бросилъ и скрипку и танцующихъ. — Племянница, сказала старикъ, у тебя такая бѣсовщина дѣлается , что словно въ аду !

— Ну, дядюшка , подхватилъ Ноэ , если въ аду такъ же весело , какъ у насъ , такъ бросьте свою латынь. Но между тѣмъ , вы выпьете съ нами кружечку пива, не такъ-ли? Тьфу, пропасть, пива! я и забылъ , что вѣдь вы французъ. Сбѣгай поскорѣе на погребъ ; у насъ есть еще нѣсколько бутылочекъ , которыя хранятся на важные случаи; другаго такого важнаго случая намъ вѣдь не дожидаться.

Дядюшка собирался уже порядкомъ пожурить хозяевъ , но въ это время толпа танцоровъ , частью отъ-нечего дѣлать, частью изъ любопытства, съ шумомъ прихлынула къ избѣ.—Боже, Боже мой! бормоталъ онъ, еще не кончилось мое испытаніе. Послушай, племянникъ, надѣюсь, что я не буду принужденъ съ вами плясать!

— Полно, полно, дядюшка, Богъ не прогнѣвается; впрочемъ, можете быть покойны на этотъ счетъ. А между тѣмъ, выпьемъ по стаканчику въ честь заходящаго солнца.

Жена скрипача принесла и съ обворожительною улыбкою поставила на столъ бутылку вина и стаканы. Ноэ хлопнулъ пробкою, какъ мастеръ дѣла; налилъ, и священникъ, волею-неволею, долженъ былъ выпить залпомъ два стакана стараго, искристаго вина, достойнаго нѣмецкаго каноника. — Не правда ли, дядюшка, сказалъ хозяинъ, меня по дѣломъ окрестилъ Ноэмъ; если я и не садилъ винограда, то умью его чествовать. Но на сегодня мало опорожнить ста-

ганчикъ, надо и поиграть на скрипкѣ! Да куда же дѣвался Ваня?

— Вотъ онъ, сказала мать, съ нѣжною улыбкою, не-сетъ птичье гнѣздо.

Ваня былъ мальчикъ лѣтъ семи, рѣзвый, веселый и милый; онъ былъ занятъ тремя, едва оперившимися дроздами, такъ, что и не смотрѣлъ на гостя.

— Ну, Ваня, сказалъ отецъ, поди поцѣлуй дялюшку; а прежде всего отпусти птицъ; вѣдь я говорилъ тебѣ много разъ, что не хорошо ловить птицъ.

Ваня упрямылся. — Сдѣлай, что я тебѣ приказалъ, сказалъ Ноэ, я тебя уволю отъ урока грамматики.

Ваня по прежнему упрямылся: — Послушайся, Ваня, и я тебѣ позволю сѣиграть со мною пѣсенку.

Противъ этого обѣщанія ребенокъ не устоялъ; онъ задумчиво посмотрѣлъ на птичекъ и отпустилъ ихъ; двѣ изъ нихъ полетѣли на старый вязъ; третья съ трудомъ долетѣла до соломенной крыши сарая. Богъ будь имъ защитою! сказалъ Ноэ, снова принимаясь за скрипку. Ваня между тѣмъ, не теряя времени, какъ котенокъ взобрался въ свою свѣтлицу, снялъ со стѣны старую скрипку, подобранную гдѣ-то отцомъ его во время его странствій, и сбѣжалъ назадъ къ отцу. Старый священникъ схватилъ его на бѣгу. Какъ, въ семь лѣтъ ужъ скрипка въ рукахъ! Боже мой! что за судьба! Въ твои лѣта должно бы имѣть въ рукахъ только кадило, воспѣвать только хвалу Господу Богу. Ты развѣ не прислуживаешь, продолжалъ старикъ, трепля кудри ребенка.

— Вотъ еще! отвѣчалъ Ваня съ дѣтскимъ презрѣнiемъ, стану я прислуживать!

— Бѣдовый мальчишка! подхватила мать; не знаемъ, что съ нимъ и дѣлать! ни о чемъ слышать не хочеть, кромѣ скрипки.

— Да скрипка не званіе! отвѣчалъ священникъ; скажи-ка мнѣ, прiятель, хочешь вхаты со мною въ Пресбургъ? я тебѣ дамъ приходъ.

— Вотъ хорошъ будетъ каноникъ, сказала мать.

— Каноникъ, какъ бы не такъ! возразилъ малютокъ, вырвавшись изъ рукъ священника, бѣсенкомъ побѣжалъ на бочку, гдѣ его ждалъ отецъ, и отъ всей души заигралъ старую деревенскую плясовую пѣсню. Священникъ невольно улыбнулся, и взявъ руку племянницы, сказалъ ей полу-

серьезно, полушутливо: Ахъ, племянница, бѣдная моя Жонна; ну что это за-ребенка ты воспитала! Хорошимъ путемъ пошли вы всѣ; тотъ скрипачъ; тотъ—скрипачъ!

— Полно, дядюшка, не все ли равно, какимъ путемъ идти къ своему назначенію? Играя на скрипкѣ, также можно попасть на небо. И чтожъ за грѣхъ такой, потѣшить разъ въ недѣлю добрыхъ мужичковъ? Но оставимъ это въ сторонѣ, дайте мнѣ только насладиться удовольствіемъ васъ видѣть.

Добрый священникъ безъ труда согласился съ доводами племянницы, и даже самъ невольно обернулся лицомъ къ танцующимъ. Праздникъ шелъ своимъ порядкомъ, не смотря на присутствіе каноника, который, впрочемъ несколько этимъ не оскорблялся. Ужинъ былъ достоинъ праздника. Старика напоили остаткомъ стараго вина, накормили жирнымъ кроликомъ, котораго онъ не забылъ до самой смерти. На слѣдующій день, онъ отправился домой, очень довольный гостепріимствомъ племянника, и благословляя скромный кровъ, подъ которымъ жила его веселая семья. Ваня проводилъ его до ближайшей деревни, срывая дорогою васильки и спугивая птицъ. — Прощай Ваня, сказалъ старикъ, цѣлуя ребенка, и слеза блеснула въ его глазахъ; будь Богъ тебѣ защитою! — Чортъ знаетъ, подумаешь онъ нѣсколько погода; у всѣхъ этихъ Гретри ужъ на роду написано быть скрипачами.

Четыре года спустя, нашъ шалуунъ, которому уже было двѣнадцать лѣтъ, получилъ первую награду за игру на скрипкѣ въ Литтихъ, онъ былъ настоящимъ музыкальнымъ чудомъ въ свое время, въ которое музыкальныя чудеса еще не росли, какъ грибы. Но какъ въ то время газетъ было также немного, то слава его не выходила изъ предѣловъ Литтихской области; Жанъ-Гретри достигъ только той полуславы, которая составляетъ мученіе пылкой, честолюбивой души; однако же ея было достаточно, чтобы прельстить сердце одной хорошенькой литтихской невѣсты, изъ хорошаго и зажиточнаго дома; онъ женился на ней еще въ молодыхъ лѣтахъ, и отъ этого брака родился Андрей Гретри, котораго повесть я намѣренъ рассказать.

Не безъ причины началъ я свой рассказъ картиною во фламандскомъ вкусѣ; я хотѣлъ отыскать истинную колыбель Гретри; происхожденіе поэтовъ и музыкантовъ очень любопытно и занимательно въ своемъ родѣ. Почему знать,

не нужно ли было трехъ или четырехъ поколѣній для происхожденія Моцарта или Мольера? Почему знать: не есть ли музыка и поэзія священный кладъ, копимый въ семействѣ до тѣхъ поръ, пока Богъ не назначить на него наследника? «Каждый поэтъ, говоритъ Гёфманъ, одѣвается болѣе или менѣе, въ старое платье дѣда.» Но пора намъ возвратиться къ Андрею Гретри.

Онъ родился въ Литтихѣ, 11 февраля 1741 года. Онъ очень молодъ вступилъ въ жизнь, т. е. въ музыку; на четвертомъ году онъ уже сознавалъ музыкальный ритмъ. Однажды сидѣлъ онъ одинъ передъ каминомъ; кипящій чайникъ первый вдохновилъ рождающееся воображеніе ребенка; въ тоже время сверчокъ чирикалъ въ трещинѣ кирпича; и котъ дремалъ подъ печкою, мурлыча отъ удовольствія. Эта домашняя симфонія сначала забавляла ребенка; онъ осмотрѣлся кругомъ, чтобы увѣриться, что онъ точно одинъ. Онъ окинулъ взорами оловянную посуду на полкахъ, пожелтѣлые занавѣски постели, двѣ почетныя скрипки, висѣвшія, какъ славное воспоминаніе, надъ каминомъ: видя, что онъ одинъ-на-одинъ съ своею мечтою, онъ принялся плясать, какъ бышешій, пока не выбился изъ силъ; тутъ ему захотѣлось вполне постигнуть тайну музыки, и онъ опрокинулъ чайникъ на горящее уголье. Опытъ едва не стоилъ ему жизни: онъ обварилъ себѣ все тѣло и едва не задохся; полумертваго его перевезли къ бабушкѣ, по матери, жившей на дачѣ въ окрестностяхъ Литтиха. Тутъ онъ прожилъ два года, безъ учителей и безъ заботъ, на волю, бѣгая съ утра до ночи по полямъ, любимый всеми за веселый нравъ и хорошенькое личико. Если вѣрить собственнымъ его словамъ, то онъ и самъ уже зналъ любовь; кто именно были предметами этой ранней любви, онъ не говоритъ, но онъ любилъ нѣсколько дѣвушекъ за-разъ, и такъ серьезно, что ни одной не смѣлъ открыться въ своей любви.

Малютка былъ отданъ на руки самому жестокому учителю музыки, какой когда-либо существовалъ. Гретри въ своихъ запискахъ съ горестію рассказываетъ о пыткахъ, подчасъ довольно смѣшныхъ, которымъ этотъ варваръ подвергалъ своихъ несчастныхъ учениковъ. «Иногда, говоритъ онъ, учитель ставилъ насъ на колѣна на круглую палку, такъ, что при малѣйшемъ движеніи, мы ударялись носомъ въ полъ. Я помню, какъ онъ однажды, на шестилѣтняго ребенка нахлобучилъ старый парикъ, и въ этомъ нарядѣ

привязалъ его къ стѣнѣ, на нѣсколько футовъ отъ полу, въ одну руку далъ ноты, а другою заставлялъ бить тактъ, и розгою принуждалъ несчастнаго пѣть. Бѣдняжка, въ этомъ огромномъ парикѣ, былъ точно летучая мышь, прибитая къ стѣнѣ, и кричалъ во все горло.» Юный музыкантъ провелъ въ этой пылкѣ около пяти лѣтъ. Благодаря учителю, онъ былъ прескверный ученикъ; къ счастью, другой учитель — учитель всѣхъ великихъ художниковъ, *случай* — взялся за развитіе его дарованія. Труппа итальянскихъ пѣвцовъ, провзжая черезъ Литтихъ, дала нѣсколько оперъ Перголезе: Гретри не пропускалъ ни одного представленія, и скоро пристрастился къ итальянской музыкѣ. Отецъ его былъ такъ восхищенъ его успѣхами, что захотѣлъ непременно, чтобы онъ спѣлъ мотеть за обѣдней въ слѣдующее воскресенье. Это была итальянская духовная пѣсня на слова Богородицы: *Non semper super prata casta florescit rosa*. Весь городъ взволновался. Всѣ были изумлены талантомъ молодого пѣвца; самъ учитель невѣрилъ ушамъ. Онъ пѣлъ такимъ образомъ каждое воскресенье, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Но у него было чувствительное сердце; онъ влюблялся безъ памяти во всѣхъ бѣлокуроухъ фламандокъ, приходившихъ слушать его; въ особенности же въ тѣхъ, которыхъ не видалъ; это была собственно не любовь, а предчувствіе любви, не страсть, а мечтаніе. Онъ оставилъ пѣніе и церковь, и сталъ въ уединеніи заниматься композиціею. Не стану рассказывать всѣхъ радостей и неудачъ молодого композитора; какъ онъ истиннымъ поэтомъ изучалъ шумъ вѣтра, дождя, бури, журчаніе ручья, пѣніе птицъ, а въ особенности біеніе сердца молодой сосѣдки, которая, изъ любви къ музыкѣ, полюбила и самого музыканта. Первымъ его серьезнымъ дѣломъ (разумѣется не въ любви), была большая месса. Она была торжествомъ его въ Литтихѣ; подобно отцу, онъ прослылъ чудомъ въ родномъ городѣ. Понимая, что онъ не могъ далеко уйти, оставаясь въ Литтихѣ, онъ рѣшился ѣхать въ Римъ, гдѣ талантъ его долженъ былъ развѣсть подъ вліяніемъ южнаго неба. Въ Вербное воскресенье, выходя отъ обѣдни, жители Литтиха съ прискорбіемъ говорили: «Гретри сегодня прощался съ нами.»

Онъ долженъ былъ отправиться въ началѣ апрѣля, покинуть надолго родину и семейство. Но для художника

возможно ли изгнаніе? Наступила весна, добрая мать въ слезахъ готовила скромную поклажу сына. Безпечный странникъ одинъ нѣсколько развеселялъ и оживлялъ мирное, спокойное фламандское жилище. Отецъ разыгрывалъ на вѣрной скрипкѣ самыя грустныя свои нѣпѣвы; даже собака, казалось, была встревожена. Но еще болѣе горести было въ сосѣдствѣ; бѣдная сосѣдка, наклонившись надъ окномъ, проливала въ безмолвіи горячія слезы; она уже не пѣла и не улыбалась; на дворѣ была весна, но весна давно поблекла въ ея сердцѣ.

И такъ, молодой художникъ отправился въ концѣ марта 1759 года, пѣшкомъ, съ котомкою за плечами и палкою въ рукѣ, напутствуемый благословеніями отца и слезами матери; спутниками его, кромѣ неразлучныхъ съ восемнадцати-лѣтнимъ сердцемъ наездъ и пары пистолетовъ, были: старый контрабандистъ и два студента, изъ которыхъ одинъ былъ аббатъ. Контрабандистъ, по имени Ремакль, былъ старая лиса; каждый годъ ходилъ раза по два изъ Литтиха въ Римъ съ студентами; носилъ въ Римъ дорогія фламандскія кружева, и возвращался съ запасомъ мощей и старыхъ папскихъ тувель, которыми счастливилъ всѣ Нидерландскіе монастыри. У старика Ремакля былъ сообщникъ, недалекій парень изъ Шампани, котораго дѣло состояло въ томъ, чтобы сбивать съ толку и отбивать таможенныхъ собакъ. Это путешествіе Гретри въ Римъ, могло бы служить дополненіемъ къ походамъ Жильблаза. Караванъ былъ самый забавный: мечтатель—музыкантъ, напѣвавшій мотеты ни къ селу, ни къ городу; плаксивый аббатъ, безпрестанно обращавшійся къ родной колокольнѣ; сорванецъ-студентъ медицины, потѣшавшійся надъ всѣми встрѣчными путниками, и въ особенности путницами; пьянчуга Шампанецъ, который въ каждой гостинницѣ, опорожнивъ богатырскую стопу, уривался за всѣми служанками; наконецъ, старикъ-контрабандистъ, угрюмый и скупой, какъ фламандецъ, въ вѣчной войнѣ съ таможенными приставами. Въ первый день, арріергардъ, т. е. аббатъ, пришелъ на ночлегъ гораздо позднее спутниковъ; студентъ пророчилъ ему, что его крошечной ножкѣ не измѣрить болѣе двадцати пяти миль. И дѣйствительно, прошедши двадцать пять миль, аббатъ вернулся въ Литтихъ. Караванъ также весело продолжалъ путь. Старикъ Ремакль очень скоро полюбилъ молодыхъ спутниковъ, благодаря двумъ при-

ключеніямъ. Однажды, они едва успѣли войти въ трактиръ, какъ хозяйка, толстая нѣмка, бросилась на шею Гретри и стала ласкать его и ухаживать за нимъ, какъ за царемъ. Ремакль никогда такъ вкусно не объдывалъ. За десертомъ, хозяйка сама подливала гостямъ вина и водки, разсыпаясь въ любезностяхъ Гретри, который не зналъ ни слова по-нѣмецки. «Хорошо, что она не требуетъ, чтобы я ее понималъ,» сказалъ Гретри. Ремакль хотѣлъ заплатить за обѣдъ, но хозяйка отказалась отъ денегъ; разумеется, что онъ не повторилъ предложенія. Наконецъ, Гретри понималъ, въ чемъ дѣло; у трактирщицы былъ сынъ его лѣтъ и похожій на него, учившійся въ Трирѣ; по-этому трактирщица, какъ чувствительная мать, изливала на Гретри любовь свою къ сыну. Вотъ другое приключеніе: нѣсколько дней спустя, путники наши садятся въ трактиръ поужинать, какъ вдругъ всѣ засуетились; здѣсь разводять огонь, тамъ колютъ цыплятъ, или снимаютъ со стѣны окорока; съ погребца выносятъ самое старое вино Гретри и кондрабандистъ не знаютъ, что и думать, пока не является студентъ съ ланцетомъ въ рукѣ.—Что ты тамъ надѣлалъ, проказникъ? — Только открылъ кровь хозяину и хозяйкѣ, и уложилъ ихъ спать. — Неосторожный! — Ба! отвѣчалъ онъ, захохотавъ, старики! много дней не убавится.

Пройдя Тироль, гдѣ влюбчивое сердце нашего путника не могло остаться нечувствительнымъ къ прелестямъ пригожихъ тироекъ, Гретри сошелъ на роскошные луга Италіи, усѣянные толпами поющихъ крестьянокъ. «Это былъ первый мой урокъ музыки въ Италіи, говоритъ Гретри; пѣніе прекрасныхъ миланскихъ крестьянокъ никогда не изгладится изъ моей души.» Онъ прибылъ въ Римъ въ воскресный день, въ іюнь, среди дюжины колясокъ, въ которыхъ улыбались ему прекрасныя римлянки; онъ былъ въ восторгѣ; весь день онъ прошатался по городу, осматривая дворцы и церкви, которыхъ великолѣпіе давно влекло его воображеніе; но къ вечеру, насмотрѣвшись на всѣ чудеса природы и искусства, Гретри съ грустью вспомнилъ о далекой родинѣ, ея сѣромъ небѣ, о бѣлокурыхъ литтискихъ красавицахъ, о скромномъ родительскомъ домѣ, и о хорошенькой нѣмочкѣ, которая такъ нѣжно прощалась съ нимъ. Лучшая страна для странника всегда та, въ которой цвѣло его сердце. Но для сердца Гретри еще наступала весенняя пора.

Въ Римѣ, Гретри занялся сначала церковною музыкою. Онъ вдохновлялся духовными композиторами, изящнымъ Казади, ученымъ Оризикю, строгимъ, благороднымъ Лустрини. Это было во второй годъ владычества папы Климента XIII. Церковная музыка при предшественникѣ его, Бенедиктѣ XIV, начала было принимать свѣтскія формы; но новый папа, благочестивый и строгій, возвратилъ ее къ прежней чистотѣ и стройности, и она раздалась снова торжественною, грустною, таинственною молитвою, освящающею сердца грѣшниковъ и возносящеюся на крыльяхъ ангеловъ къ стопамъ Всевышняго. Гретри началъ *De rofundis*, который долженъ бы стать рядомъ съ *Стабатомъ* божественнаго Перголезе; но какъ онъ назначалъ его для собственныхъ похоронъ, то не спѣшилъ окончить и онъ остался неконченнымъ.

Въ Римѣ былъ коллегіумъ для литтискихъ студентовъ, музыкантовъ и живописцевъ; Гретри далъ въ немъ одну комнату съ проказникомъ студентомъ, его спутникомъ. Это былъ очень любезный сосѣдъ; на примѣръ, когда Гретри заболѣлъ, онъ пришелъ къ нему и сказалъ съ сердечнымъ участіемъ, щупая ему пульсъ: Бѣдный другъ мой, у меня пропала часть ноги отъ скелета; когда ты умрешь, позволь мнѣ... Но Гретри распорядился иначе; извѣстно, что приятели не любятъ оказывать услугъ друзьямъ.

Гретри познакомился съ однимъ органистомъ, который выучилъ его играть на клавесинѣ. Органистъ былъ плохой учитель; но у него была прехорошенькая жена, и не всѣ уроки прошли безъ пользы. Гретри съѣлъ такіе успѣхи, что учитель однажды воскликнулъ со слезами восторга: *O Dio Dio santissimo! questo e un prodigio davvero!*

Нѣсколько времени спустя, одинъ аббатъ, пріятель Гретри, повелъ его къ Пичини, который принялъ молодаго фламандца, какъ знатный вельможа; не сказалъ ему ни слова, и даже продолжалъ работать, какъ будто никого тутъ не было. Продавъ цѣлый часъ, Гретри возвратился домой, сильно огорченный. Однакожъ онъ не унывалъ; напротивъ, онъ продолжалъ трудиться еще съ большимъ усердіемъ, пока не заболѣлъ въ другой разъ. Желая избавиться отъ своего товарища, онъ ушелъ изъ Рима, куда глаза глядятъ; предоставивъ исцѣленіе свое на попеченіе Божіе. На другой день, на горѣ Миллини, онъ зашелъ къ какому-то отшельнику, который былъ добрый человекъ,

хотя и итальянецъ ; (это слово самаго Гретри). Отшельникъ посоветовалъ страннику поселиться у него, чтобы подышать свѣжимъ деревенскимъ воздухомъ и оправиться. Гретри прожилъ у него три мѣсяца ; это удивленіе довершило то, что начало ученіе. Выходя изъ своей кельи, Гретри почувствовалъ, что онъ великій музыкантъ. Передъ отправленіемъ, вздумавъ положить на музыку слова Метастазіо, онъ съ восторгомъ замѣтилъ, что онъ вполне владѣлъ музыкаю, что онъ постигъ весь ея таинства. *Ah fra Maure*, сказалъ онъ отшельнику, я до самой смерти не забуду тебя.

Возвратившись въ Римъ, онъ написалъ для театра Альберти оперу *Le Vendemiant*. Всѣ римскіе музыканты возстали на Литтихскаго аббата (Гретри носилъ аббатское платье), который вздумалъ отбивать у нихъ хлѣбъ; но успѣхъ его былъ тѣмъ блистательнѣе. Онъ между тѣмъ не забывалъ своей родины и послалъ въ Литтихъ псаломъ на конкурсъ на мѣсто капельмейстера. Онъ получилъ это мѣсто, но не побхалъ. Скоро однако же онъ оставилъ Италію и отправился въ Женеву, съ какимъ-то нѣмецкимъ барономъ, который ему страшно надоѣлъ своею угрюмостью и молчаливостью. Приѣхавъ въ Женеву, Гретри поспѣшилъ въ театръ, послушать французской музыки, которую онъ очень не жаловалъ, а потомъ отправился въ Ферней. Вольтеръ принялъ его чрезвычайно ласково. — «Позъжайте въ Парижъ, сказалъ онъ молодому артисту; только тамъ геній достигаетъ безсмертія.» — Легко вамъ говорить, отвѣчалъ Гретри; видно, что это слово вамъ родное. — «Увѣрю васъ, возразилъ философъ, что я охотно отдалъ бы сто лѣтъ безсмертія за здоровый желудокъ.» — Гретри побхалъ въ Парижъ, оставивъ женевамъ на память оперу *Гертруду*.

Парижъ сначала ему не понравился. Такъ какъ онъ былъ молодъ, пріятной наружности и уменъ, то скоро нашелъ друзей ; въ числѣ ихъ были Верне, Грѣзъ, Сюаръ, Арно. Несмотря на ихъ ободренія, онъ плохо надблалъ на участіе народа, который благоговѣлъ передъ музыкаю Рамо. Принцъ Конти, по внушенію Верне, пожелалъ познакомиться съ его музыкаю, но она ему показалась скучна. Гретри возвратился домой въ отчаяніи ; къ счастью, ему подали два безыменныхъ письма; одно было изъ Литтиха и заключалось въ слѣдующихъ словахъ : «Дерзновенный ! Неужели ты хочешь бороться и съ Филлоромъ и Мон-

сини!» Другое было изъ Парижа: «Ужъ не думаешь ли ты, добрый фламандецъ, восхитить парижанъ? Сбей своей гордости, любезный другъ; собери свои пожитки и отправляйся напѣвать свою безтолковую музыку въ Литтихъ.» — Когда пошло на безыменные записки, подумалъ Гретри, я не отступлю. Прошелъ цѣлый годъ, мучительный годъ для бѣднаго Гретри, пока, наконецъ, вздумалось Мармонтелю дать ему оперу *Гюронъ*. Гретри, взявъ ее съ отчаяніемъ въ сердца, создалъ дивную оперу на плохіе стихи моднаго поэта. Она скоро была поставлена и имѣла хорошій успѣхъ. Въ Парижѣ челоуѣкъ или все или ничего. Наканунѣ, Гретри былъ бѣднякъ, безъ гроша, музыкантишка безъ славы и безъ работы; на другой день онъ былъ великій композиторъ, котораго всѣ ласкали и дѣлѣали. Цѣлую ночь не смыкалъ онъ глазъ; онъ думалъ о своемъ торжествѣ и объ отцѣ; но бѣдный фламандскій скрипачъ, въ эту самую ночь засыпалъ на-вѣки.

Утромъ, Грѣзъ пришелъ къ Гретри: — Пойдемъ со мною, я покажу тебѣ картину, которая тебѣ очень понравится. И Грѣзъ повелъ его къ итальянскому театру, и показалъ ему свѣжую вывѣску, съ надписью: *Au Huron, Nicolle, marchand de tabac*. Гретри, хотя не курилъ, зашелъ въ табачную лавку и купилъ фунтъ табаку. — Славный табакъ! говорилъ онъ впоследствии.

Я не намѣренъ водить васъ по всѣмъ операмъ Гретри; ихъ сорокъ четыре. Вы не хуже меня самого знаете, что *Говорящая картина, Земира и Азоръ, Караванъ, Ричардъ-Львиное сердце, Колинетта при дворѣ*, впродолженіе пятидесяти лѣтъ раздавались на всѣхъ устахъ, на всѣхъ фортепіано, на всѣхъ театрахъ и во всѣхъ сердцахъ.

Фонтенель говорилъ разсѣянно: «Есть три вещи въ мірѣ, которыя я всегда любилъ, хотя никогда ихъ не понималъ: музыка, живопись и женщина.» Я отчасти согласенъ съ его мнѣніемъ; мы тѣмъ болѣе любимъ предметъ, чѣмъ менѣе его понимаемъ. Это изрѣченіе остроумнаго писателя пришлось мнѣ къ слову, чтобы уволить себя отъ ученыхъ разсужденій, по поводу музыки по преимуществу, веселой, милой и наивной. Гретри былъ почти великій композиторъ, точно также, какъ Ванъ-Остадъ или Грѣзъ, былъ почти великій живописецъ. Въ музыкѣ его отзывается тихое, нѣжное воспоминаніе о родной Фландріи; и въ то же время, она полна парижской веселости и остроумія. Онъ не при-

надлежить ни къ какой школѣ, а скорѣе основать свою школу; благодаря ему, явились Далеиракъ и Делла-Марія. Онъ стремился за истиною, а не за блескомъ, за чувствомъ, а не за шумомъ, за граціозностью, а не за силою; не смотря на основательное музыкальное образованіе, онъ предпочиталъ вдохновеніе учености. «Пускай у меня будутъ ошѣбки, говорилъ онъ; гармоніи отъ того хуже не будетъ.»

Гретри притомъ былъ умный и пріятный собесѣдникъ, записки его доказываютъ, что онъ писалъ мило, непринужденно, съ простотою добраго фламандца, и съ наивною выразительностью поэта.

Но пора намъ возвратиться къ домашней жизни Гретри, Грезъ повелъ его однажды въ мастерскую, бывшаго своего учителя, Грандона. Въ мастерской его, какъ и во всякой мастерской, было множество всякаго рода эскизовъ; но среди ихъ былъ образъ, какого не создали бы ни Мурильо, ни Ванъ-Дейкъ. Это была дочь Грандона, и, безъ сомнѣнія, лучшее его произведеніе. Гретри ничего не видалъ въ мастерской, кромѣея; и, выходя, твердилъ: великій живописецъ!

Онъ много разъ возвращался въ мастерскую съ Грезомъ, котораго влекло туда роковое чувство, которое онъ старался таить въ сердце; онъ любилъ жену своего учителя. Любовь Гретри была не такого рода, и послѣ обычныхъ препятствій, кончилась веселою свадьбою съ милою Жакеттою. Онъ устроилъ себѣ уютный домикъ во фламандскомъ вкусѣ, и счастье слетѣло подъ кровъ его, не испугавшись даже своего вѣчнаго врага, славы. Прекрасное то было время. Жанетта, какъ весенняя птичка, съ раннего утра пѣла прелестныя мелодіи мужа; писала амуровъ и пастушекъ, въ родъ Буссе, и не рѣдко въ разсѣянности давала амурамъ лицо Гретри, а пастушкамъ свое собственное.

Скоро домъ ихъ украсился тремя дочерями; которыхъ Жанетта сама вскормила, а Гретри самъ качалъ въ колыбели. Но, увы, имъ всѣмъ суждено было поблѣкнуть, какъ весеннимъ цвѣтамъ, исчезнуть какъ снамъ любви!

Между тѣмъ, какъ онъ наслаждался всѣмъ счастіемъ семейнина, слава его, какъ музыканта, распространилась по всѣмъ концамъ Европы. Оперы его игрались на всѣхъ театрахъ; въ Парижѣ онъ былъ самый модный композиторъ; его ласкали даже при дворѣ. Сама королева пожелала крестить его третью дочь. Ей чрезвычайно нравилась наруж-

ность Гретри; по словамъ Верне, онъ былъ вылитый Перголезе.

Около этого же времени, онъ встрѣтился съ Жанъ-Жакомъ Руссо, который, по его мнѣнію, былъ величайшимъ писателемъ Франціи. На одномъ представленіи оперы *Ложное колдовство*, онъ услышалъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя: «Г. Руссо, вотъ Гретри, котораго вы давеча желали видѣть.» — Гретри бросился къ Руссо. — Мнѣ чрезвычайно пріятно васъ видѣть! сказалъ философъ; я считалъ свое сердце мертвымъ, но слушая вашу музыку, убѣдился, что оно еще живо. Я желаю познакомиться съ вами, или лучше, я съ вами уже знакомъ изъ вашихъ оперъ; я хочу быть вашимъ другомъ. Вы женаты? — Женатъ. — На какойнибудь умницѣ? — Нѣтъ. — Я въ этомъ былъ увѣренъ. — Она дочь живописца, и проста, какъ сама природа. — Я такъ и думалъ. Я люблю художниковъ; они дѣти природы. Я очень желаю видѣть вашу жену. — И Руссо нѣсколько разъ жаль руку Гретри. Они вышли вмѣстѣ изъ театра; проходя по одной улицѣ, гдѣ было навалено много камня, Руссо пошелъ прямо на камень; Гретри хотѣлъ предостеречь его и схватилъ за руку. — Берегитесь, г. Руссо. Философъ съ досадою отдернулъ руку, говоря: Позвольте мнѣ положиться на собственные силы. За тѣмъ онъ пошелъ своею дорогою, не заботясь болѣе о Гретри, который послѣ того уже его не видалъ.

Мы говорили, что Гретри былъ счастливъ; у него была нѣжно-любимая жена, прелестная дочери; мать его переселилась къ нему; онъ былъ богатъ и славенъ. Время летѣло; онъ и не замѣтилъ, какъ его старшей дочери, Женни, минуло пятнадцать лѣтъ. Увы! еще годъ, и Женни не стало, а съ нею улетѣло и счастье.

Но прежде, чѣмъ мы расскажемъ эту печальную повѣсть, надо намъ вернуться за нѣсколько лѣтъ назадъ. Во время пребыванія своего въ Римѣ, Гретри любилъ мечтать въ пустынномъ саду одного монастыря; однажды увидѣлъ онъ въ саду престарѣлаго, почтеннаго монаха, который внимательно разсматривалъ съмена въ увеличительное стекло и отбиралъ ихъ. Онъ молча подошелъ къ монаху. — Вы охотникъ до цвѣтовъ? спросилъ монахъ. — Большой охотникъ. — Но въ ваши лѣта, чедовѣкъ лелѣетъ только цвѣты жизни; сберегать цвѣты земли пріятно только чедовѣку, окончившему свое дѣло. Это почти то же, что лелѣять воспо-

минанія : цвѣты напоминаютъ дѣтство, родину, семейство и многое другое ; вы , впрочемъ , это знаете лучше меня ; ибо я давно уже отказался отъ всѣхъ мірскихъ радостей . — Но я не понимаю , святой отецъ , сказалъ Гретри ; зачѣмъ вы отбираете эти сѣмена ; мнѣ кажется , они всѣ одинаковы . — Посмотрите въ стекло ; видите на тѣхъ , которыя я отбросилъ , черное пятнышко.... Но я хочу дать вамъ полвый урокъ садоводства . Онъ взялъ глиняный горшокъ , и посадилъ съ одной стороны три сѣмени съ пятнышками , а съ другой три сѣмени чистыя . — Помните , что дурныя сѣмена посажены съ той стороны , съ которой отбить край ; приходя гулять въ садъ , навѣдывайтесь о нихъ и наблюдайте , какъ они будутъ расти .

Гретри часто ходилъ въ монастырскій садъ , и каждый разъ навѣщалъ посаженные старымъ монахомъ растенія ; сначала всѣ шесть стебельковъ росли одинаково ; потомъ сѣмена съ пятнами , къ крайнему его удивленію , обогнали другія ; онъ уже началъ думать , что старикъ ничего не смыслить ; но скоро съ прискорбіемъ замѣтилъ , что любимые его три стебелька начали сохнуть ; каждый день опадалъ съ нихъ новый листокъ , между тѣмъ , какъ листья другихъ трехъ растеній , очевидно крѣпли и зеленѣли ; вѣтеръ , солнце , роса , все имъ придавало силы и жизни . Каждый день съ невыразимою тоскою смотрѣлъ онъ на бѣдныя растенія , обреченныя на преждевременную смерть ; наконецъ , они совсѣмъ поблекли въ тотъ самый день , какъ другія расцвѣли .

Этотъ случай былъ горестнымъ предзнаменованіемъ . Прошло тридцать лѣтъ , и на глазахъ Гретри завяли и поблекли подъ дуновеніемъ смерти три другіе цвѣтка , обреченные судьбою . Онъ давно забылъ названія своихъ монастырскихъ цвѣтовъ , но умирая , онъ еще шепталъ имена другихъ . То были его три дочери , Женни , Люсиль и Антуанетта . Разсказывая смерть своихъ дочерей , бѣдный композиторъ говорилъ : Я нарушилъ законъ природы , чтобы достигнуть генія ; оросилъ своею кровью самую послѣднюю свою оперу , прокормилъ мать , снискавъ славу , изнуривъ свою душу и сердце ; природа мститъ мнѣ на моихъ дѣтяхъ . Бѣдныя мои дочери ; я убилъ ихъ до рожденія .

Дочери Гретри всѣ умерли шестнадцати лѣтъ . Въ жизни и смерти ихъ есть что-то таинственное , поражающее каждаго невольною грустью . Это преслѣдованіе рока , эта

месть природы является со всею заманчивостью романа. Слушайте.

Женни была блѣдна и кротка, какъ Мадонна; однажды, глядя на нее, Грезъ сказалъ: Если я когда-нибудь вздумаю писать чистоту души, я напишу портретъ Женни.

— Поспѣши, пробормоталъ Гретри, котораго уже терзало горестное предчувствіе.

— Развѣ ова выходить замужъ? спросилъ Грезъ.

Гретри не отвѣчалъ. Потомъ, стараясь разогнать мрачныя мысли, онъ сказалъ: Она будетъ опорой моей старости; подобно Антигонѣ, будетъ водить старика-отца грѣться на солнць.

На слѣдующій день, Гретри засталъ Женни за фортепьяно; она была блѣднѣе и казалась болѣе истощенною, чѣмъ обыкновенно; она играла тихо и протяжно нѣжную мелодію изъ *La Rosiere de Salency*; блѣдному отцу представилось въ ея игрѣ пѣніе ангеловъ.

Вошла одна пріятельница Женни: Чтожъ, Женни, поѣдешь сегодня на балъ?

— Да, поѣду на балъ, сказала Женни, поднявъ глаза къ небу. Потомъ, подумавъ немного, сказала: Нѣтъ, не поѣду, мнѣ уже не танцовать.

Когда пріятельница вышла, Гретри прижалъ дочь къ сердцу, и сказалъ: Женни, ты страдаешь?

— Нѣтъ, уже кончено, отвѣчала она.

Она склонила голову, и тутъ же умерла, почти не вздохнувъ. Блѣдный Гретри спрашивалъ не заснула ли она? Да, она заснула непробуднымъ сномъ.

Люсиль была совсѣмъ не то, что Женни; она была пригожая дѣвушка, веселая, пламенная, рѣзвая, причудливая; вылитый портретъ отца, съ его сердцемъ и его умомъ. — Почему знать, думалъ Гретри; веселость можетъ быть спасеть ее! Къ несчастью, она одарена была тѣмъ преждевременнымъ гениемъ, котораго раннее развитіе разрушаетъ всѣ силы юности. Она выучилась разбирать ноты прежде азбуки; выросши подъ нѣжные напѣвы Гретри, она на четырнадцатомъ году, т. е. въ лѣта, когда многія дѣвушки едва покидаютъ куклы, уже написала прелестную оперу, которая игралась на всѣхъ театрахъ; еслибы смерть не похитила ее въ шестнадцать лѣтъ, какъ сестру, величайшимъ музыкантомъ XVIII вѣка, была бы, можетъ быть,

женщина. Но едва позелѣвшая вѣтка, переломилась, какъ только птичка завѣла свою первую пѣснь.

Гретри, по совѣту друзей, выдала Люсилъ замужъ. — Выдайте ее замужъ, твердили они; если любовь предупредитъ смерть, дочь можетъ быть будетъ спасена. И Люсилъ вышла замужъ съ покорностью души, предчувствующей, что супружество будетъ непродолжительно. Она вышла за одного изъ тѣхъ мелкихъ артистовъ, у которыхъ нѣтъ ни вѣрованія въ искусство, ни огня генія, ни сердца, источника генія. Бѣдная Люсилъ вдругъ увидѣла пустыню, въ которую заключали ее родные; она стала искать утѣшенія въ арфѣ и клавесинѣ. Но мужъ ея, воспитанный въ рабствѣ, выместилъ на несчастной всю свою злобу, подвергнувъ ее всей тяжести супружескаго ига. Она умерла бы подобно сестрѣ въ объятіяхъ отца, среди попеченій родныхъ, пропѣвъ свою прощальную пѣснь землѣ. Но благодаря ему, она умерла на однихъ его глазахъ, т. е. въ одиночествѣ. Передъ смертью, она приподнялась, и просила, чтобы ей подали арфу.

— Докторъ запретилъ, отвѣчалъ мужъ.

— Вѣдь я сейчасъ умру, сказала она, съ умоляющимъ видомъ.

— Такъ умрешь и безъ арфы.

Она упала на подушку: — Батюшка, прошептала она; я хотѣла съ тобою проститься; но мнѣ здѣсь позволяютъ только умереть.

Вдругъ, рассказывала ходившая за нею женщина, она протянула руки, будто что-то хотѣла обнять, слабымъ голосомъ назвала Женни, и—умерла.

Антуанеттѣ было шестнадцать лѣтъ; она была хороша и цвѣла, какъ заря, и должна была сойти въ могилу, подобно сестрамъ. Когда она бывала блѣднѣе обыкновеннаго, Гретри молился и плакалъ; онъ надѣялся, что Богъ сжалятся надъ его горькими слезами. Онъ почти бросилъ музыку, чтобы посвятить все свое время своей милой Антуанеттѣ. Онъ предупреждалъ малѣйшія ея прихоти; наряды, книги, гулянія, вечера, все являлось по первому ея желанію. И при каждомъ новомъ угожденіи, она улыбалась тою улыбкою, которая, кажется, создана для неба, а не для земли. Гретри успѣлъ почти успокоить собственное свое сердце; но она сама, однажды, случайно открыла ему ожидавшее его несчастіе. «Моя крестная мать, сказала она,

умерла на эшафотъ; это дурной знакъ; Женни умерла шестнадцати лѣтъ; Люсилъ умерла шестнадцати лѣтъ, и мнѣ также минуло шестнадцать лѣтъ.» Крестною матерью ея была королева Марія-Антуанетта.

Въ другой разъ, она ощипывала лепестки полевой маргаритки; Гретри, подойдя къ ней, услышала слова: умру нынѣшнею весною, лѣтомъ, осенью, зимою.... При послѣднемъ словѣ, она оторвала послѣдній лепестокъ.

— Жаль, сказала она; лучше бы осенью.

— Что ты шепчешь! спросилъ Гретри.

— Ничего, я только гадала о смерти.

Гретри думала, что поѣздка въ южные края будетъ благотворнымъ развлеченіемъ для дочери; онъ повезъ ее въ Лионъ, гдѣ у нея были пріятельницы. Ея веселость и безопасность возвратились на нѣкоторое время; Гретри снова принялся за работу, кончилъ своего *Вильгельма Телля*.

Но къ осени, веселость ея пропала. Однажды, Гретри отвелъ въ сторону жену, и сказалъ ей: «Взгляни на дочь.» Могильный холодъ обдалъ обоихъ при этомъ словѣ; они долго плакали, и рѣшились немедленно возвратиться въ Парижъ. «Мы ѣдемъ назадъ въ Парижъ, сказала Антуанетта; я очень рада, я опять увижусь съ милыми?» Она намекала на сестеръ. Прибывъ въ Парижъ, блѣдная дѣвушка тщательно скрывала приближеніе смерти; она улыбалась, между тѣмъ, какъ ея сердце тяжело ныло; она хотѣла до послѣдняго времени обманывать отца. Однажды, видя, что отецъ старался скрыть слезу, она подошла къ нему, и сказала весело: «Я завтра ѣду на балъ, и хочу быть наряднѣе всѣхъ; купи мнѣ жемчужное ожерелье; я жду его къ завтрашнему утру.»

Она поѣхала на этотъ балъ. Когда она уѣхала съ матерью, музыкантъ, болѣе извѣстный въ то время, нежели самъ Гретри, Руже-Делиль, сказалъ ему: «Какъ ты счастливъ, Гретри! Какая дочь! Какъ хороша и какъ кротка!»

— Да, шепнулъ ему Гретри: она хороша, мила, кротка, ѣдетъ на балъ, а черезъ нѣсколько недѣль, мы вмѣстѣ проводимъ ее на кладбище.

— Что за мысль! ты съ ума сошелъ.

— Нѣтъ, я не сошелъ съ ума! У меня были три дочери, она послѣдняя; и я могу оплакивать ее заранѣе.

Черезъ нѣсколько дней послѣ бала, она слегла и впала въ бредъ; ей видѣлись сестры, она гуляла, обнявшись съ

ними, танцевала съ ними, водила ихъ въ театръ, бесѣдовала о своихъ мечтахъ. Какое зрѣлище для бѣдныхъ родителей! «Передъ смертью, говорить Гретри въ своихъ запискахъ, она на нѣсколько минутъ опомнилась. Она взяла мою руку, и руку матери, и сказала намъ съ нѣжною улыбкою: Я вижу, надо покориться; я не боюсь смерти; но что будетъ съ вами? Она приходилась на подушкѣ, чтобы произнести эти слова; сказавъ ихъ, она снова опустила голову, закрыла глаза, и отлетѣла къ сестрамъ.»

Гретри краснорѣчивъ въ своей горести. Въ этой главѣ его записокъ есть одно восклицаніе, потрясающее каждое до глубины души. «О, друзья мои! восклицаетъ онъ, бросая перо; пролейте слезу, одну слезу надъ могилою моихъ трехъ любимыхъ цвѣтковъ, предобренныхъ на смерть, подобно цвѣткамъ итальянскаго монаха.»

Для подкрѣпленія своихъ горестныхъ воспоминаній, несчастный отецъ каждый день игралъ на фортепьяно старыя духовныя напѣвы, слышанныя имъ въ Римѣ, въ монастырскомъ саду.

Г-жа Гретри снова взялась за кисти, которыя она давно оставила; она проводила все свое время въ стараніяхъ, припомнить прекрасныя, кроткія лица своихъ дочерей. Когда революція разрушила состояніе Гретри, она стала писать портреты. Но какъ скоро революція утихла, музыка Гретри пошла въ ходъ еще болѣе прежняго, и богатство его быстро возобновилось; но къ чему было ему богатство, когда сердце его источила горечь.

До сихъ поръ Гретри еще не испилъ до дна чаши горестей, назначенныхъ ему судьбою; онъ скоро похоронилъ свою добрую жену, а потомъ мать. Тогда, оставшись совершенно одинокимъ, онъ вспомнилъ отшельника Милликійской горы.—Чтобъ жить въ одиночествѣ, надо сдѣлаться отшельникомъ, подумалъ онъ. Но куда же удалиться? Близъ Парижа есть прекрасная пустыня, ознаменованная славою и бѣдствіями генія; она называется *Эрмитажемъ*. Гретри купилъ Эрмитажъ и удалился туда вспоминать минувшее счастье и ждать смиренно смерти.

Въ Эрмитажѣ нашелъ онъ розовый кустъ Жанъ-Жака Руссо; нашелъ природу, полную силы и роскоши и это его нѣсколько оживило. Онъ бросилъ музыку и занялся философіею; Руссо оставилъ зябъ постель, въ которой онъ мечталъ о своемъ *Общественномъ договорѣ*, столъ, бывшій

алтаремъ его генія , хрустальную лампаду , при свѣтъ которой онъ писалъ по вечерамъ въ саду письма къ Юліи. Гретри нашелъ себѣ въ своемъ уединеніи друга, сосѣдняго мельника, который тѣшилъ его своею деревенскою наивно-стью и пикардскимъ нарѣчіемъ.

Я было забылъ, что Гретри утратилъ не всѣхъ своихъ дѣтей. «Судьба, пишетъ онъ, похитила у меня моихъ трехъ дочерей; но смерть брата дала мнѣ семерыхъ дѣтей.» Онъ принялъ этихъ семерыхъ дѣтей подъ свое покровительство, и оставилъ имъ свое состояніе ; къ сожалѣнію , благодарность внушила одному изъ нихъ эпическую поэмю.

Гретри умеръ въ 1813 году, осенью, въ одно время съ цвѣтами своего сада; онъ умеръ, облагодѣтельствовавъ многихъ несчастныхъ и оставивъ множество прекрасныхъ произведеній, которыя пятьдесятъ лѣтъ восхищали Францію.

НОВОЕ ОТКРЫТІЕ ВЪ ИСКУССТВѢ ВОЗДУХОПЛАВАНІЯ.

Величайшимъ подвигомъ челоѣческаго ума въ настоящее время, по открытіи силы пара и эфира, было бы безъ сомнѣнія отысканіе средства *управлять воздушнымъ шаромъ*. Послѣ нѣсколькихъ опытовъ и усовершенствованій, искусства, торговля, промышленность и самыя науки вѣроятно извлекли бы огромную пользу изъ этого новаго завоеванія. Сколько разъ уже объявляли о рѣшеніи этой задачи; но никогда результаты не соответствовали ожиданіямъ. Еще знаменитый воздухоплаватель Бланшаръ утверждалъ, что онъ открылъ тайну; но смѣлыя его попытки остались безуспѣшны.

Нынче, какой-то испанецъ, г. Монтемайоръ, изъ Медина-Сидонія, въ Кадикской области, объявляетъ, что онъ отыскалъ этотъ новый философскій камень, и проситъ Королеву принять его изобрѣтеніе подъ свое покровительство. Вотъ это любонѣтное прошеніе: «Послѣ десятилѣтнихъ, постоянныхъ трудовъ, и безпрерывныхъ опытовъ, я успѣлъ разрѣшить задачу *воздухоплаванія*, посредствомъ весьма простаго снаряда, который я назвалъ *Эоломъ*, потому, что тяжесть его побѣждаетъ силу вѣтра, доставляя такую прочную точку опоры, что сила, которую можно полагать сосредоточенною въ этой точкѣ, по законамъ механики и

физики превосходить 17,000 фунтовъ. Эоль совершенно подчиняетъ себѣ атмосферу и отличается отъ всѣхъ донынѣ употреблявшихся для того средствъ, тѣмъ, что имѣетъ точку опоры, и довольно сильнаго невѣсимаго двигателя, чтобы пролетѣть все разстояніе отъ Кадикса до Мадрида въ десять часовъ, безъ употребленія какой либо другой силы, кромѣ двухъ человѣкъ, совершающихъ, по приказанію управляющаго, необходимыя въ разныхъ обстоятельствахъ маневры. Менѣ четырехъ тысячъ пиастровъ достаточно для постройки *эола*, могущаго поднять двѣ пушки, нисколько не утрачивая быстроты; но я истощилъ все свое небольшое состояніе на многосложные опыты, которыми достигъ этого результата; и потому покорнѣйше прошу Ваше Величество принять мое изобрѣтеніе подъ свое милостивое покровительство и приказать снабдить меня необходимою суммою для постройки небольшого *эола*, могущаго поднять по-крайней-мѣрѣ трехъ человѣкъ и необходимый баластъ. Въ такомъ случаѣ я обязываюсь доказать дѣйствительность своего изобрѣтенія, совершивъ воздухоплаваніе изъ Кадикса въ Мадридъ, и приставъ къ балкону Вашего Величества.»

Далѣ изобрѣтатель *эола* сообщаетъ нѣкоторыя подробности для объясненія своей системы. «Такъ точно, говорить онъ, какъ преимущество желѣзной дороги передъ обыкновенною дорогою заключается въ томъ, что желѣзныя дороги представляютъ несравненно меньшее сопротивленіе, нежели земляныя дороги; такъ и преимущество плаванія по воздуху надъ плаваніемъ по водѣ заключается въ томъ, что всѣ воздуха въ 700 разъ менѣе вѣса воды, и слѣдовательно сопротивленіе, побѣждаемое носомъ корабля въ 700 разъ болѣе сопротивленія, встрѣчаемаго *эоломъ*, при равной быстротѣ и равномъ объемѣ; но корабль плыветъ по поверхности жидкости, которой удѣльный вѣсъ значительнѣе удѣльнаго вѣса корабля, и въ которую погружается только небольшая часть его поверхности, между тѣмъ, какъ *эоль* не можетъ вознестись на поверхность атмосферы, и весь погруженъ въ нее. Это различіе производитъ огромное различіе и въ самомъ сопротивленіи, въ томъ смыслѣ, что корабли образуютъ носомъ пустое пространство на поверхности моря, между тѣмъ, какъ *эоль*, напротивъ, движеніемъ своимъ производятъ теченіе воздуха отъ носа къ корму, препятствующее образованію пустоты. Я долженъ еще

замѣтить, что мои золы снабжены шарами, наполненными чистымъ водородомъ, въ которыхъ находятся другіе совершенно пустые шары, я называю ихъ газометрами, и еще другіе шары, наполненные сжатымъ возлухомъ, которые я назвалъ *воздухосжимающими шарами*. Газометры и воздухосжимающіе шары сообщаются между собою трубами, которыя оканчиваются насосами; дѣйствіе этихъ насосовъ даетъ возможность содержать золу въ такомъ равновѣсіи съ его атмосферою, что онъ можетъ подниматься, опускаться и переваливаться на бакбордъ или на штирбордъ, чтобы идти бейдевиндомъ.»

Испанская газета, сообщающая это извѣстіе, прибавляетъ, что въ 1845 году нѣкто Сансонъ издалъ брошюру, подъ страннымъ названіемъ *Дамской Аэронавтики*, въ которой излагаетъ ту же систему, которую теперь приписываетъ себѣ г. Монтемайоръ.

П И А Ч Е Н Ц А .

Нѣсколько лѣтъ тому назалъ при театрѣ г. Конта, находился старикъ, разбитый лѣтами, съ глубокими морщинами на лицѣ, который однакоже и всѣми средствами старался показать, что онъ еще бодръ и силенъ. Не то, чтобы онъ возмущался противъ старости; о нѣтъ; онъ это дѣлалъ по какому-то чувству честиности и совѣсти, онъ желалъ бы удвоить свои силы, чтобы уравнять ихъ съ вѣренною ему работою, онъ вѣрилъ, что могъ еще выработать себѣ хлѣбъ и отказываться отъ милостыни. Онъ обманывалъ себя, но обманъ былъ благородный.

Днемъ онъ клеилъ картонныя игрушки; съ рѣдкимъ искусствомъ и изяществомъ отдѣлывалъ онъ разныя волшебныя сцены, фокусы, и всѣ принадлежности бѣлой магии; глаза его ослабли, руки дрожали, но терпѣніе, трудолюбіе, добрая воля не измѣняли ему, и бездѣлушки его изъ цвѣтовъ, зеленой, золотой и цвѣтной бумаги, сходили съ рукъ какъ нельзя лучше. Иногда онъ работалъ въ театрѣ, другой разъ въ конторѣ одного промышленника, довольно двусмысленной славы, которому старикъ нашъ, самъ того не зная, придавалъ почти благовидную наруж-

ность; вся должность его состояла въ неподвижномъ созерцаніи всегда открытой книги, лежавшей передъ нимъ.

Иногда онъ повторялъ роли съ дѣтьми, занимался нѣкоторыми частями постановки и во всемъ отличался вкусомъ, находчивостью и изобрѣтательностію. Жена его, почти однихъ съ нимъ лѣтъ, одѣвала дѣвочекъ.

И оба они жили тѣмъ, что выручали изъ этихъ разныхъ занятій. Старикъ былъ нѣкогда актеромъ; на театрѣ его называли Пиаченцою, онъ самъ уже не помнилъ настоящаго своего имени; ему было отъ роду восемьдесятъ четыре года.

Въ жалобахъ Пиаченцы не было ни малѣйшей горечи, онъ съ наслажденіемъ вспоминалъ прошедшее, и воспоминанія придавали ему бодрость для настоящихъ страданій. Въ первый разъ, какъ мнѣ случилось разговаривать съ нимъ, онъ началъ разговоръ словами: «ба, и мнѣ тоже досталась своя доля счастья, пусть каждый беретъ свою долю, и все будутъ довольны!» Я приготовился было къ состраданію; придумалъ уже цѣлую бесѣду соболзнованія, это спокойствіе духа сбilo меня съ толку. Я сначала подумалъ, что этотъ старикъ, котораго я полагалъ въ такой бѣдности, отложилъ въ сторону какія нибудь средства пропитанія, и такимъ образомъ спокойствіе его ума и сердца происходило отъ увѣренности, что онъ всегда найдетъ защиту отъ нужды и нищеты. Онъ разуверилъ меня безъ жалобъ и безъ ропоту и доказалъ мнѣ, что послѣ долгаго поприща, онъ находился въ томъ же положеніи, въ которомъ былъ при началъ его, и ни отъ кого, кромѣ себя самого, не ждалъ себя ни какой помощи.

Съ первыхъ же словъ его, я замѣтилъ, что ему очень хотѣлось рассказать мнѣ обстоятельства своей жизни, я сталъ внимательно слушать его; это было единственное удовольствіе, какое я могъ доставить ему.

Когда онъ сказалъ мнѣ, что былъ нѣкогда актеромъ, я приготовился выслушать рядъ встасканныхъ приключеній, и вооружился терпѣньемъ. Старикъ, кажется, отгадалъ мою мысль и сказалъ мнѣ съ ироническою улыбкою: «Будьте спокойны, рассказъ мой будетъ коротокъ.» Признаюсь, онъ не могъ мнѣ сказать болѣе пріятнаго слова.

Онъ началъ такимъ образомъ:

«Я былъ еще ребенкомъ, когда покинулъ домъ отца, жившаго въ деревнѣкѣ близъ Тулузы, названія деревни я

не помню, ровно какъ и имени родителей, или вѣриѣ, я никогда не зналъ ни того, ни другаго. Матери я не помню, помню только, что я однажды шелъ домой, и одна сестѣдка сказала съ участіемъ: «Бѣдный малютка идетъ домой и не знаетъ, что дома ничего не найдетъ.» Я обернулся, посмотрѣлъ на добрую женщину, улыбнулся ей; она подозвала меня, сунула мнѣ въ руку огромный ломоть хлѣба; я поблагодарилъ ее, и она меня поцѣловала.

«Грызая хлѣбъ, я сталъ размышлять о томъ, что слышалъ, и такъ испугался, что вмѣсто того, чтобъ идти по обыкновенной дорогѣ, я отправился по дорогѣ, ведущей въ городъ.

«Когда я пришелъ въ городъ, первымъ моимъ дѣломъ было отправиться въ церковь и помолиться Богу, не покидая въ тоже время ломтя хлѣба, окончивъ молитву, я замѣтилъ, что швейцаръ пристально смотрѣлъ на меня, и потушилъ глаза. Онъ подозвалъ меня, и спросилъ, хочу ли я быть церковнымъ прислужникомъ; я не зналъ толкомъ, что это значило, но отвѣчалъ: пожалуй!

«Меня повели въ ризницу, отдали на руки какой-то старушкѣ, которая меня вымыла, одѣла въ теплое платье, дала мнѣ хорошую обувь, отвела въ комнату, накормила, уложила въ мягкую постель. Меня стали учить цѣтъ, и прислуживать за обѣдней; должность моя мнѣ очень нравилась и я считалъ себя счастливѣйшимъ ребенкомъ въ свѣтъ. Меня называли Пяченцой, по имени недавно издохшаго попугая.

«Однажды, передъ вечернею, я прохаживался по площади и увидѣлъ нѣсколько дѣтей, одѣтыхъ въ желтыя куртки, шитыя золотомъ; они ходили на рукахъ; при этомъ видѣ я вскрикнулъ отъ удивленія. Какой-то мужчина, поднимавшій лѣстницу на носу, спросилъ меня, не хочу ли я быть въ числѣ этихъ прекрасныхъ дѣтей, съ которыхъ я не могъ свести глазъ? Я отвѣчалъ: пожалуй.

«Меня отвели въ палатку, сняли съ меня красный подрясникъ, и отослали его священнику; меня же одѣли въ куртку, подобную тѣмъ, которыя приводили меня въ такой восторгъ. Работа была трудная и обѣдъ не могъ сравниться съ обѣдами старушки; но переломавъ мнѣ кости, меня выучили такимъ удивительнымъ вешамъ, и я такъ успѣвалъ въ моемъ ученіи, что моему тщеславію и самодовольствію не стало границъ.

«Такимъ образомъ прошло нѣсколько лѣтъ, въ продолженіе которыхъ, блаженство удовлетвореннаго тщеславія замѣнило для меня все.

«Однажды, вечеромъ, въ какомъ-то южномъ городишкѣ, насъ наняли на одно представленіе, въ которомъ мы должны были участвовать вмѣстѣ съ труппою актеровъ. Театръ привелъ меня въ восторгъ; ни что, по моему мнѣнію, не могло сравниться съ счастьемъ этихъ прекрасныхъ жевщицъ и господъ, которые говорили другъ другу самыя пріятныя рѣчи, ссорились, за тѣмъ, чтобы тотчасъ же и помириться. Одинъ толстый господинъ, не сводившій съ меня глазъ, подозвалъ меня и началъ спрашивать о видѣнномъ мною; мое восхищеніе, мой лихорадочный восторгъ, былъ ему достаточнымъ отвѣтомъ, когда я заговорилъ. Хочешь-ли... Я не далъ ему договорить и перебалъ его обычнымъ своимъ: пожалуй.

«Я сдѣлался актеромъ, игралъ всякія роли, исполнялъ всякія должности. Вообразите, что по какой-то врожденной, безсознательной потребности соглашаться, я не помню, чтобы мнѣ случалось хоть разъ въ жизни сказать: нѣтъ.

«Никогда и ни въ чемъ я не отказывалъ, исполнялъ всѣ роли, самыя важныя и самыя ничтожныя; держалъ всѣ ампулы, самыя трудныя и самыя легкія, и всегда съ одинаковымъ усердіемъ. Всѣ меня любили, и я наслаждался этою любовью, окружавшею меня.

«Я имѣлъ много удачъ; и, повѣрите ли, сударь, я никогда не гонялся за ними, онѣ сами преслѣдовали меня и не могли со мною разставаться; я на все отвѣчалъ только — пожалуй.

«У меня не бывало враговъ, я не зналъ, что такое отказъ; всѣ говорятъ о неблагодарныхъ; я ихъ не знаю, потому, что помню только оказанныя мнѣ услуги.

«Жена моя была актрисой вмѣстѣ со мною; играя свадьбу каждый вечеръ для потѣхи публики, она мнѣ предложила однажды сыграть ее не въ шутку для собственнаго удовольствія. Я сказалъ, пожалуй. И въ супружествѣ никогда не встрѣчалъ никакихъ непріятностей.

«Съ приближеніемъ старости, меня стали постепенно понижать и въ отношеніи почета и вознагражденія; я прошелъ всѣ ступени этой нисходящей лѣстницы, съ тѣмъ

же спокойствіемъ, съ тою же веселостію, которая сопровождала меня на восходящемъ пути.

«Я всегда соглашался съ людьми, обстоятельствами и предметами, однакоже я, одинъ разъ, принужденъ былъ драться; я отвѣчалъ, пожалуй, человѣку, безразсудно спросившему меня: права ли, что онъ плутъ? Я его ранилъ.

«Во всю мою жизнь, протекшую, благодаря Провидѣнію, безъ горести и заботы, я никогда не понималъ толкомъ чувствъ и страданій, которыхъ былъ свидѣтелемъ. Всего болѣе утверждало меня въ системѣ вѣчнаго утвержденія и согласія то, что моя жена, противорѣчившая всѣмъ, кромѣ меня, потому, что я всегда съ нею соглашался, безпрестанно навлекала себя этимъ непріятности; эти непріятности были единственною моею заботою.

«Когда я пріѣхалъ въ Парижъ, я уже не надѣялся быть ангажированъ, я очень хорошо понималъ, что мои способности тупѣли съ каждымъ днемъ.

«Я отправился въ кофейню актеровъ; я до сихъ поръ хожу туда разъ въ годъ; тутъ я видѣлъ молодыхъ людей въ цвѣтѣ лѣтъ и таланта, проклинавшихъ свою судьбу; моя бѣдная, но довольная старость стала мнѣ тѣмъ дороже; однакожъ я иногда боялся за будущее. Я сталъ размышлять, но безъ горести. Выходя изъ кофейни, я столкнулся съ человѣкомъ, шедшимъ мнѣ на встрѣчу. Я поднялъ глаза и узналъ Тальму; онъ остановился, дружески пожалъ мнѣ руку, и сказалъ:

— Это ты, мой старій товарищъ, добрый Піаченца?

— Я самъ, г. Тальма!

— Что же ты подѣливаешь?

— Мнѣ болѣе нечего дѣлать!

Слезы навернулись у него на глазахъ; онъ напомнилъ мнѣ, со свойственною ему любезностію, все, что я дѣлалъ для его бенефисныхъ представленій.

— Ты всегда былъ на все готовъ, сказалъ онъ мнѣ.

«И въ самомъ дѣлѣ, сударь, сколько разъ случалось мнѣ отказываться отъ милыхъ улыбокъ и надѣвать гадкую бороду и грязный кафтанъ начальника стражи, надъ которымъ потѣшалось остроуміе публики.

Онъ продолжалъ:

— Само Провидѣніе привело тебя сюда; ты мнѣ нуженъ, заходи завтра ко мнѣ. До свиданія.

«Онъ далъ мнѣ карточку, на которой былъ его адресъ,

она была сложена и въ нее былъ вложенъ золотой. Я покраснѣлъ, но сказалъ тихо про себя, со вздохомъ благодарности: пожалуй.

«На слѣдующій день, я отправился къ нему; онъ принялъ радушно... Но я вижу, что болтовня моя вамъ надобна; я поспѣшу...»

«Онъ подвелъ меня къ высокой библіотекѣ, наполненной не переплетенными книгами, и вооруживъ меня костянымъ ножомъ, сказалъ:

— Ну, товарищъ, разрежь мнѣ листы въ этихъ книгахъ; это скучная работа; но я не богатъ, не могу дать тебѣ болѣе пяти франковъ въ день; ты мнѣ окажешь этимъ важную услугу. Только не торопись, не то испортишь книги, а я ими очень дорожу. Но прежде всего, пойдемъ позавтракать.

«Послѣ завтрака, лучше котораго я никогда не ѣдалъ, я принялся за работу, и началъ съ твореній Вольтера. Слѣдуя совѣту г. Тальмы, я не спѣшилъ и иногда читалъ урывками. Одна фраза въ особенности поразила меня; вотъ она:

«Изъ чего слѣдуетъ, что все къ лучшему въ лучшемъ изъ міровъ.» Вообразите себѣ мое удивленіе; уже болѣе шестидесяти лѣтъ, я выражалъ эту мысль однимъ словомъ — пожалуй!

«Тальма доставилъ мнѣ теперешнюю мою должность.»

Пиаченца помолчалъ съ минутой, и прибавилъ съ невыразимою кротостью:

«Смерть пускай приходитъ, когда ей угодно; я скажу ей тоже, что говорилъ другимъ: пожалуй!»

ЧУДЕСА МАГНЕТИЗМА.

Французская Gazette des Tribunaux рассказываетъ замысловатый и ловкій примѣръ мошенничества.

Г. С., составивъ себѣ недурное состояніе посредствомъ уроковъ, спокойно доживалъ свой вѣкъ въ Фонтенебло, наслаждаясь плодомъ своихъ многолѣтнихъ трудовъ, пока покой его не былъ нарушенъ нѣсколькими кражами, совершавшимися въ его домъ въ теченіе двухъ — трехъ мѣсяцевъ. Не имѣя возможности открыть виновнаго, онъ нѣ-

сколько разъ прогонялъ по подозрѣнію служанокъ , и уже другую недѣлю жилъ одинъ , безъ прислуги ; какъ вдругъ , въ то время , какъ онъ былъ отозванъ на обѣдъ къ одному пріятелю , бюро его было выломано , и все , что въ немъ находилось похищено . Новые розыски хозяйна опять ни къ чему не привели . Тутъ попался ему въ руки номеръ Gazette des Tribunaux , въ которомъ онъ вычиталъ повѣсть о томъ , какъ одинъ молодой крестьянинъ , такой-то деревни , пропалъ безъ вѣсти , и считался убитымъ , какъ одна ясновидящая предсказала его возвращеніе , и предсказаніе скоро сбылось . Г. С. тотчасъ рѣшился также прибѣгнуть къ силѣ магнетизма . Сказано , сдѣлано . На слѣдующее же утро , онъ собрался въ путь , благополучно прибѣхалъ въ Корбель и отправился по желѣзной дорогѣ въ Парижъ .

Дорогою , старый учитель вступилъ въ разговоръ съ однимъ пассажиромъ , весьма благовидной наружности , сидѣвшимъ подлѣ него ; рѣчь зашла о магнетизмѣ и его чудныхъ дѣйствіяхъ ; г. С. радъ былъ случаю излить свое горе , онъ разсказалъ свои несчастья и намѣреніе свое ѣхать въ Парижъ за тѣмъ только , чтобы искать въ этой дивной наукѣ средства найти воровъ .

«Въ самомъ дѣлѣ ? воскликнулъ собесѣдникъ ;» сама судьба содѣйствуетъ вамъ ; я короткій пріятель магнетизера и ясновидящей , о которыхъ вы читали , и если вамъ угодно , я сочту за удовольствіе представить васъ имъ , и заранѣе могу васъ увѣрить , что ваше желаніе будетъ вполнѣ удовлетворено .

Г. С. съ радостью принялъ предложеніе . Прибывъ въ Парижъ , новый знакомецъ пригласилъ его зайти въ ближайшую кофейню , и тамъ оставилъ , говоря , что ему нужно по сосѣдству покончить одно дѣло , и что онъ будетъ назадъ черезъ четверть часа . Однако же прошло болѣе часу , прежде чѣмъ услужливый незнакомецъ возвратился и отправился съ г. С. къ ясновидящей .

Они долго шли по разнымъ глухимъ улицамъ , и , наконецъ , остановились передъ однимъ домомъ , очень неблагоговидной наружности ; г. С. показалось странно , что такой знаменитый магнетизеръ живетъ въ такомъ скверномъ домѣ ; однако же подумалъ , что это дѣло второстепенное , и послѣдовалъ за своимъ вожатымъ въ третій этажъ , гдѣ услужливый спутникъ представилъ его магнетизеру и его ясновидящей .

«Любезный другъ, сказалъ потомъ новый знакомецъ оставнаго учителя магнетизеру, мнѣ весьма жаль, что дѣла не позволяютъ мнѣ присутствовать при твоёмъ любопытномъ опытѣ; я рекомендую тебѣ гостя, и прошу тебя сдѣлать для него все, что ты сдѣлалъ-бы для меня. Я непременно зайду къ тебѣ вечеромъ, какъ бы поздно ни было. До свиданія!

Какъ скоро онъ вышелъ, ясновидящая съѣла въ кресла; и послѣ нѣсколькихъ прикосновеній магнетизера, уснула. На вопросы магнетизера, она отвѣчала, что особа, пришедшая посоветоваться, пріѣхала изъ города, отстоящаго на двѣнадцать миль отъ Парижа, и въ которомъ находится великолѣпный королевскій замокъ; потомъ назвала улицу и домъ, гдѣ онъ жилъ, и, наконецъ присоединила, что къ дому прилегаютъ большой садъ, чрезъ который нѣсколько разъ, въ такое и такое время, входили къ нему воры. Добрый учитель не могъ опомниться отъ изумленія.

«А кто же эти воры? спросилъ магнетизеръ.

«Я ихъ видѣла, отвѣчала ясновидящая; но теперъ немогу узнать—вотъ они—нѣтъ!—Жарко, жарко!—Душно!—немогу, немогу!»

«Досадно! проворчалъ магнетизеръ; но оставить ее въ этомъ состояніи было бы опасно; я принужденъ ее разбудить; впрочемъ мы возобновимъ опытъ позднѣе, когда атмосфера не будетъ такъ полна электричества. Останьтесь у насъ, сударь; отужинайте съ нами, чтобы не упустить въ эту грозную погоду благоприятной минуты.

Гость принялъ приглашеніе, и всѣ скоро сѣли за столъ; ясновидящая съѣла, какъ здоровый драгунъ, жалуюсь все время на слабость и на зной. Ужинъ продолжался довольно долго; наступила ночь. Г. С. заговорилъ о возвращеніи домой; магнетизеръ представилъ ему, что посѣщеніе его въ такомъ случаѣ останется совершенно бесполезнымъ; словомъ, уговорилъ его просидѣть хоть половину ночи, если нельзя будетъ возобновить попытки ранѣе.

Около полуночи, старика началъ клонить сонъ; наконецъ онъ не выдержалъ, заснулъ и проспалъ до самаго утра. Утромъ онъ просыпается, протираетъ глаза, осматривается кругомъ, никого нѣтъ, зоветъ — нѣтъ отвѣта! Держитъ колокольчикъ—крепче; наконецъ является служанка, съ огромнымъ счетомъ въ рукѣ — счетомъ за вчерашній ужинъ, и за сутки поста! Представьте себѣ изумленіе ста-

рика; онъ въ гостинницѣ; нумеръ взятъ на его имя, хозяинъ не знаетъ лицъ, ужинавшихъ съ нимъ, и ужасно сердится за то, что они сидѣли до такой поздней поры. Г. С. инстинктивно опускаетъ руку въ карманъ, кошелекъ цѣль. Если его не обобрали, такъ что же значить вся эта шутка? Несчастный ломаетъ себѣ голову въ догадкахъ; ума не приложить, что-бы все это могло значить. Но едва онъ возвращается домой, загадка раскрывается во всемъ своемъ ужасѣ. Всѣ замки сломаны; шкафы, сундуки и ящики опорожнены; онъ обокраденъ кругомъ; воры сняли даже занавѣски съ оконъ и съ кровати.

ПИСЬМА БЕР. ПОЗА ОБЪ АВСТРИИ.

(Продолженіе.)

ВѢНА.

Редутная зала получила свое названіе отъ большихъ баловъ, которые часто даются въ ней зимою. Здѣсь Венское юношество предается своей страсти къ танцованію; это у австрійцевъ дѣйствительная страсть, побудившая ихъ сдѣлать изъ балльныхъ танцевъ истинное искусство, которое столько же выше нашихъ пошлыхъ танцевъ, сколько вальсы и оркестръ Штрауса выше полекъ и музыкантовъ Парижскихъ загородныхъ баловъ. Я нѣсколько разъ по цѣлымъ ночамъ любовался этимъ вихремъ тысячь превосходныхъ вальсеровъ, хореграфическимъ порядкомъ этихъ кадрили въ четыреста паръ, расположенныхъ только въ два ряда, и оригинальностью характерныхъ танцевъ, которыми подобныя можно видѣть въ одной развѣ Венгрии. Тутъ же Штраусъ съ своимъ прекраснымъ оркестромъ; и когда новые вальсы, которые онъ пишетъ нарочно къ каждому блестящему балу, имѣютъ успѣхъ, танцующіе иногда останавливаются и аплодируютъ ему; дамы подходятъ къ его эстрадѣ, бросаютъ ему свои букеты; верѣдко заставляютъ повторить, и по окончаніи танца, вызываютъ его. Танцованіе здѣсь не добивается исключительнаго владычества; напротивъ, удѣляетъ музыкѣ свою долю удовольствія и успѣха. Оно и справедливо; ибо Штраусъ художникъ. Вообще не довольно цѣнить вліяніе, какое онъ имѣлъ на

музыкальное чувство всей Европы, введеніемъ въ вальсы игру противоположныхъ ритмовъ, которыхъ дѣйствіе такъ оригинально, что сами танцоры уже пытались подражать ему, придумавъ вальсъ въ два темпа, котораго музыка сохранила тройный ритмъ обыкновеннаго вальса. Если когда либо въ Германіи масса публики постигаетъ особую прелесть, рождающуюся иногда изъ противопоставленія и соединенія противоположныхъ ритмовъ, то благодарить за это должно будетъ Штрауса. Дивныя созданія въ этомъ родѣ Бетговена слишкомъ высоки, и имѣли вліяніе, донинѣ, только на небольшой кругъ отборныхъ слушателей; Штраусъ же обратился къ толпѣ, и многочисленные его подражатели принуждены были ему содѣйствовать.

Одновременное употребленіе различныхъ дѣленій такта и синкопическихъ акцентуацій мелодіи, даже въ постоянной, одинаковой формѣ, относится къ простому ритму, какъ гармонія въ нѣсколько различно-рисованныхъ партіяхъ къ простымъ аккордамъ, или даже, какъ гармонія къ унисону или къ октавѣ. Но здѣсь не мѣсто изслѣдовать этотъ вопросъ; я уже дерзнулъ приняться за него лѣтъ двѣнадцать назадъ, въ «Разсужденіи о ритмѣ», навлекшемъ на меня гоненія многихъ людей, изъ которыхъ большая часть разумѣется не могла даже догадаться, о чемъ я говорилъ. Вы знаете, любезный другъ, что хотя Франція въ этомъ отношеніи и не такъ отстала, какъ Италія, она все таки донинѣ центръ сопротивленія развитію свободы ритма.

Очень небольшое число людей, разсѣянныхъ по Парижу, только что начинаютъ теперь, наслушавшись въ Консерваторіи произведеній Вебера и Бетговена, подозревать, что постоянное употребленіе одного ритма, должно производить однообразіе, а подчасъ и пошлость. Но я не имѣю ни малѣйшаго желанія тревожить отсталыхъ въ этомъ дѣлѣ. Наши французскіе крестьяне поютъ только въ одинъ голосъ. Я убѣдился теперь, что если отчаянные приверженцы простаго ритма, и восьмитактныхъ фразъ съ ударомъ турецкаго барабана на сильный темпъ, когда нибудь полюбятъ гармонію ритмовъ, это будетъ не прежде того времени, когда наши крестьяне будутъ пѣть хоры въ шесть партій. Другими словами, этого никогда не дождаться. Пускай же себѣ остаются при своихъ младенческихъ наслажденіяхъ.

Я былъ погруженъ въ грустную думу, на одномъ такомъ ночномъ праздникѣ (ибо вальсы Штрауса, съ ихъ страстными мелодіями, похожими на стонъ любви, имѣютъ свойство наводить на меня грусть), какъ вдругъ человѣкъ небольшого росту, съ умною физиономіею, прорѣзалъ толпу и подошелъ ко мнѣ. «Милостивый государь, сказалъ онъ мнѣ, вы французъ, а я ирландецъ; следовательно въ моемъ восторгѣ нѣтъ народнаго пристрастія; позвольте мнѣ пожать руку, написавшую симфонію *Ромео*. Вы поняли Шекспира!» Съ этимъ онъ схватилъ мою лѣвую руку, и крѣпко сжалъ ее. «Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ я, вы ошиблись рукою; я всегда пишу правою рукою. Я подалъ моему ирландцу правую руку, онъ дружески пожалъ ее, и удаллся, говоря: «О эти французы, французы! вѣчно имъ надо посмѣяться, даже надъ своими почитателями.» Я не могъ узнать, кто такой этотъ любезный островитянинъ, почитавшій мои симфоніи моею роднею съ лѣвой руки.

Я не говорилъ вамъ ни слова о дивномъ Эрнстѣ, который производилъ въ то время такой фуроръ въ Вьнѣ; я намбрень поговорить о немъ въ письмахъ своихъ о Россіи; ибо я встрѣтился съ нимъ опять въ Петербургѣ. Теперь онъ отдыхаетъ на берегахъ Балтики, и подслушиваетъ величественную, дивную музыку моря. Я надѣюсь еще столкнуться съ нимъ въ какомъ нибудь концѣ свѣта; ибо изо всѣхъ музыкантовъ, мы трое, Листъ, Эрнстъ и я, едва ли не самые неутомимые бродяги, какихъ когда либо страсть потаскаться по бѣлому свѣту изгоняла изъ отечества.

Только такой огромный талантъ, какъ у Эрнста, можетъ возбудить вниманіе города подобнаго Вьнѣ, переслушавшаго столько знаменитыхъ скрипачей, и имѣющаго такихъ замѣчательныхъ виртуозовъ. Я назову изъ нихъ Майзедера, давно уже упрочившаго свою заслуженную славу; молодого Іоахима, который только еще начинаетъ пользоваться извѣстностью, и Гельмесбергера сына, концертмейстера Кертнерторскаго театра. Майзедеръ скрипачъ блестящій, правильный, изящный, всегда увѣренный въ себя; остальные двое, въ особенности Іоахимъ, кипучи, смѣлы, какъ свойственно ихъ лѣтамъ, полны энергіи, стремятся за новыми эффектами, и не вѣрятъ въ невозможное. Майзедеръ глава превосходнаго квартета князя Чарторижскаго; вторую скрипку у него держать Штребингеръ, альтъ —

Дурсть, и виолончель Борзача. Всѣ эти господа, какъ и самъ Майзелеръ, члены Императорской Капеллы. Этотъ квартетъ одна изъ главныхъ достопримѣчательностей Вѣны, и вполне заслуживаетъ религиозное благоговѣнiе, съ какимъ слушаютъ его каждую недѣлю князь и нѣсколько избранныхъ любителей, когда онъ исполняетъ дивныя творенiя Бетговена, Гайдна и Моцарта. Княгиня Чарторижская, превосходная пианистка и образованная музыкантша, нередко сама участвуетъ въ этихъ домашнихъ концертахъ. Послѣ квинтета Гуммеля, который она исполнила какъ мастеръ дѣла, кто-то сказалъ мнѣ: «Въ наше время, рѣшительно нѣтъ уже аматеровъ!» — О, отвѣчалъ я, пощите хорошенько, ... пожалуй, что найдутся... даже между артистами. Во всякомъ случаѣ, княгиня исключенiе.»

Императорская Капелла, составленная изъ инструментистовъ и пѣвцовъ, выбранныхъ изъ лучшихъ Вѣнскихъ артистовъ, разумѣется, превосходна. Въ хорѣ нѣсколько дѣтей съ прелестными голосами. Оркестръ ея немногочисленъ, но очень хорошъ; соло по большей части поетъ Штаудигль. Словомъ, эта капелла напомнила мнѣ Тюльрийскую капеллу въ самое блистательное время, т. е. въ 1828 и 1829 годахъ. Я слышалъ въ ней мессу, составленную изъ отрывковъ разныхъ композиторовъ, Асмайера, Юсифа Гайдна и брата его, Михаила. Подобные попури дѣлались и въ Парижѣ, въ придворной капеллѣ, но только взрѣдка; я полагаю, что и въ Вѣнѣ точно также, и что я неудачно выбралъ день; впрочемъ каждый отрывокъ самъ по себѣ былъ превосходенъ. При капеллѣ въ то время было, если не ошибаюсь, три капельмейстера: ученые контрапунктисты Эйблеръ и Асмайеръ, и Вейгль, умершій за нѣсколько дней передъ выѣздомъ моимъ изъ Вѣны. Последнiй извѣстенъ у насъ во Францiи по своей оперѣ *Швейцарское семейство* (*), игранный на театрѣ Одеона въ 1828 году. Опера имѣла довольно слабый успѣхъ; она показалась вообще вялою и безцвѣтною; остряки называли ее пасторалью, писанною молокомъ.

Одно меня прискорбно поразило въ Вѣнѣ; это всеобщее, непостижимое незнанiе Глука. Сколькихъ артистовъ и любителей я спрашивалъ, знаютъ ли они *Альцесту*, или *Армиду*, или *Ифигенiю*? и всегда получалъ одинъ отвѣтъ «въ Вѣнѣ ихъ не играютъ; мы ихъ незнаемъ.» Несчастные, даютъ ли ихъ или нѣтъ, развѣ не должны ихъ знать наи-

зуть? Само собою разумѣется, что частные антрепренеры, какъ Балоккино или Покорный, болѣе заботящіеся о сборѣ, чѣмъ о достоинствѣ произведенія, не стануть, подобно Прусскому Королю, тратить деньги на постановку старинныхъ произведеній, когда могутъ подчивать публику новыми операми, напримѣръ *Александра Страделлою* или *Дочерью полка*.

За одно изъ замѣчательнѣйшихъ событій сезона рассказывали даже о недавнемъ открытіи могилы Глука! Объ открытіи! понимаете? могила его была неизвѣстна. О, дорогіе мои вѣнцы, вы достойны бы жить въ Парижъ! Впрочемъ, что тутъ удивительнаго, когда до сихъ поръ неизвѣстно, гдѣ покоится прахъ Моцарта!

Я въ прошедшемъ пасѣмъ сказалъ вамъ нѣсколько словъ, которыя вѣроятно дали вамъ незавидное понятіе о Вѣнской Консерваторіи. Не смотря на заслуги ея директора, Прейера, и на прекрасный талантъ Юсіфа Фишгофа, Бѣма и нѣкоторыхъ другихъ профессоровъ, консерваторія несоответствуетъ числомъ и важною классовъ тому, чего бы должно ожидать въ такой музыкальной столицѣ. Нѣсколько лѣтъ назадъ она была даже въ такомъ упадкѣ, что безъ энергіи, ума и ревности доктора Бахера, взявшагося поставить еѣ на ноги, она бы уже не существовала. Докторъ Бахеръ не артистъ; но онъ изъ числа тѣхъ двухъ-трехъ любителей музыки, которые иногда предпринимають и совершаютъ самыя трудныя дѣла, движимые одною любовью къ искусству; которые врожденнымъ своимъ вкусомъ приобретаютъ сильное вліяніе на общественное мнѣніе, и своими частными силами часто дѣлають то, что должны бы дѣлать, но чего не дѣлають государи. Имѣя характеръ дѣятельный, упорный, терпѣливый и щелрый до крайности, докторъ Бахеръ самая твердая опора музыки въ Вѣнѣ, и providѣніе музыкантовъ.

Въ небольшой, но очень удобной залѣ Консерваторіи даются филармоническіе концерты подъ искуснымъ управленіемъ барона Ланнуа, и собранія мужской пѣвческой академіи, весьма полезнаго учрежденія, состоящаго подъ управленіемъ даровитаго и ревностнаго Барта. Здѣсь я слышалъ, по-крайней-мѣрѣ разъ пять или шесть, и все съ возрастающимъ удовольствіемъ, изумительнаго пѣвца Дрейшока; это талантъ юный, свѣжій, блестящій, энергическій, съ необыкновеннымъ техническимъ искусствомъ, и

съ высокимъ музыкальнымъ чувствомъ ; въ его фортепянной музыкѣ много новыхъ, прекрасныхъ сочетаній.

Прошу всѣхъ этихъ даровитыхъ артистовъ не взыскать за лаконизмъ, съ которымъ я принужденъ говорить о нихъ ; недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ писать подробнѣе ; чтобы каждому отдать полную справедливость и исчислить всѣ музыкальныя богатства Вьны, пришлось бы написать цѣлую книгу.

А между тѣмъ я еще и не упомянулъ о нѣкоторыхъ изъ самыхъ замѣчательныхъ ея людей ; о тѣхъ, которыхъ талантъ клонится преимущественно къ камерной музыкѣ, квартетамъ и пѣснямъ съ фортепянно. Къ нимъ принадлежатъ Беккеръ, человекъ съ мечтательною, теплою душою, котораго смѣлыя нововведенія въ гармоніи превосходятъ все, что было затѣваемо донинѣ ; онъ пытался расширить форму квартета, и дать ему новое развитіе. Беккеръ съ тѣмъ вмѣстѣ талантливый писатель, и критическія статьи его очень уважаются въ вѣнской журналистикѣ. Нѣсколько пріятныхъ вечеровъ провелъ я также у совѣтника Феккефонъ-Пюрсингена, пишущаго подъ псевдонимомъ Ховена, слушая его пѣсня, отличающіяся счастливою мелодіею, юморомъ и оригинальноію гармоніа. Тѣже свойства замѣтилъ я въ отрывкахъ изъ двухъ его оперъ, которые къ сожалѣнію могъ слышать только съ акомпаниментомъ фортепянно.

Дессауеръ болѣе извѣстенъ у насъ, благодаря своему двухлѣтнему пребыванію въ Парижѣ, сколько мнѣ помнится съ 1840 по 1842 годъ ; онъ въ это время положилъ на музыку многія стихотворенія лучшихъ нашихъ поэтовъ. Онъ продолжаетъ увеличивать свое собраніе пѣсень, которыхъ большая часть имѣютъ неоспоримый успѣхъ въ модныхъ гостиныхъ. Дессауеръ посвятилъ себя элегіи ; ему привольно только въ сердечныхъ страданіяхъ ; тоска и слезы единственное его наслажденіе. Въ Вѣнѣ, какъ и въ Парижѣ, Дессауеръ велъ со мною безпрестанную войну ; онъ помѣшался на мысли обратить меня къ какому-то музыкальному ученію, котораго никогда не могъ рѣшиться мнѣ открыть. Каждый разъ, какъ представлялся случай *потолковать основательно* какъ онъ говорилъ, едва онъ открывалъ ротъ мнѣ стоило только взглянуть на него прямо, съ самымъ серьезнымъ видомъ, онъ тотчасъ воображалъ, что я хочу надъ нимъ посмѣяться, умолкать, и отклады-

валъ мое обращеніе до болѣе благопріятнаго времени. Еслибы всѣ проповѣдники слѣдовали его примѣру, мы вѣроятно коснулись бы еще во мракъ язычества.

Вы помните, любезный Гемберъ, мессу, которую мы съ вами ходили слушать въ церкви св. Роха, въ послѣдній привздъ вашъ въ Парижъ; мессу, о которой очень хорошо отзывались наши журналы, и которая понравилась вамъ своимъ свѣтлымъ, естественнымъ стилемъ. Авторъ ея, Гейгеръ, живетъ въ Вѣнѣ; онъ преподаетъ музыку молодымъ эрцгерцогамъ; онъ написалъ также большую оперу, которой партитуру онъ позволилъ мнѣ пробѣжать; я нашелъ въ ней тѣже качества, которыя поразили насъ въ его мессѣ, простоту, пріятность гармоній, неизъисканность мелодіи, умѣренность инструментровки, и стремленіе къ истиннѣ выраженія.

Я не могу не упомянуть также о дружескомъ пріемѣ, сдѣланномъ мнѣ въ Вѣнѣ болшею частію писателей, трудящихся, подобно мнѣ, на трудной каменистой почвѣ критики, чтобы произрастить на ней не рѣдко одну крапиву и репейникъ. Они встрѣтили меня, какъ собрата; благодарю ихъ за это. Одинъ изъ нихъ, Сафиръ, даетъ каждый годъ литературно-музыкальный вечеръ, на которомъ остроуміе его, на зло ценсурѣ, бичуетъ людей и вещи, къ великой потѣхѣ публики, которая вездѣ рада, когда когонибудь хлещутъ.

Прощайте, любезный Гемберъ; я не пишу о капельмейстерскомъ жезлѣ, который мнѣ такъ мило поднесли мои вѣвскіе друзья, за ужиномъ, послѣ моего третьяго концерта, ни о прекрасномъ подаркѣ Императора, ни о многомъ другомъ, чѣмъ вамъ прожужжали уши современныя газеты. Вы знаете, всѣ счастливыя обстоятельства, встрѣтившіяся мнѣ въ этомъ путешествіи; какая же нужда возвращаться къ нимъ?

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ. ПЕСТЬ.

Путешествуя по Австріи, надо непременно посѣтить по крайней мѣрѣ три изъ ея столицъ: Вѣну, Песть и Прагу. Нѣкоторыя упрямые головы увѣряютъ, правда, что Песть въ Венгріи, а Прага въ Богеміи; но эти два государства

тѣмъ не менѣе составляютъ нераздѣльную часть Австрійской Имперіи, преданную ей душой и тѣломъ, почти также, какъ Ирландія Англіи, или Алжирія Франціи. И такъ, побѣдемъ въ Пестъ, большой австрійскій городъ въ Венгріи. Мнѣ была неудача въ сношеніяхъ моихъ съ Дунаемъ. Я вамъ уже рассказывалъ, какъ онъ унесъ послѣдній свой пароходъ, на когоромъ я хотѣлъ отправиться изъ Регенсбурга въ Вѣну; потомъ онъ опять укутался въ туманъ, чтобы не позволить мнѣ плыть по немъ въ Пестъ и это, какъ увидите далѣе, было не послѣднею его злою шуткою со мною. Онъ будто недоволенъ былъ моимъ прїездомъ въ его владѣнія, и хотѣлъ мнѣ даже запретить въздъ. А между тѣмъ, какъ я любовался имъ, какъ восхвалялъ его, величественнаго старика! Онъ долженъ бы быть благодаренъ за мое благоговѣніе. А вмѣсто того, чѣмъ болѣе я дивился его могуществу и красотѣ, тѣмъ онъ непріязненнѣе обращался со мною.

Передъ выѣздомъ моимъ изъ Вѣны, я изъявилъ желаніе представиться князю Меттерниху; но какъ тѣ даже изъ моихъ знакомыхъ, которымъ было бы все-го легче доставить мнѣ эту честь, по-видимому, очень затруднялись моимъ желаніемъ, я уже готовъ былъ отъ него отказаться. Слѣдовало попросить одного офицера, бывшаго въ тѣсной дружбѣ съ однимъ совѣтникомъ, который бы поговорилъ съ однимъ членомъ придворной канцеляріи, чтобы онъ представилъ меня какому-нибудь секретарю посольства, который бы попросилъ своего посланника, попросить одного изъ министровъ представить меня его свѣтлости. Этотъ обходъ показался мнѣ слишкомъ далекимъ, и я вздумалъ одною своею особою замѣнить и офицера, и совѣтника, и чиновника придворной канцеляріи, и секретаря, и посланника, и министра, представившись самъ отъ себя. Мои друзья, видя твердое намѣреніе мое поштытаться, вѣроятно побранили меня, про себя, сумасбродомъ, или, по крайней мѣрѣ, настоящимъ французомъ. Какъ бы то ни было, но презирая австрійскій этикетъ, или скорѣе мнѣніе Вѣны о его строгости, я отправился во дворецъ князя; иду по лѣстницѣ, въ первой комнатѣ вижу дежурнаго офицера, подаю ему карточку, и объявляю свое желаніе. Офицеръ входитъ къ князю и, возвращаясь, говорить, что князь черезъ нѣсколько минутъ будетъ свободенъ и тотчасъ приметъ меня. И дѣйствительно я былъ принятъ безъ даль-

нѣйшихъ затрудненій. Князь принялъ меня весьма любезно, спрашивалъ меня о музыкѣ, преимущественно о моей, о которой онъ, кажется, не слыхавъ ея, имѣлъ самыя страшныя понятія. Я старался дать ему другое понятіе. Словомъ, я вышелъ въ восхищеніи отъ сдѣланнаго мнѣ приема, изумленный тѣмъ, что такъ не трудно посмѣяться надъ законами нѣмецкаго этикета, и, чрезвычайно довольный тѣмъ, что нѣсколько минутъ соединялъ въ себѣ должности офицера, совѣтника, чиновника придворной канцеляріи, секретаря посольства, посланника и министра. Такимъ образомъ, я еще разъ убѣдился въ истинѣ изрѣченія: *Tolcyte, da otverzetsia*, и въ этомъ какъ умно нѣкоторые великіе люди міра сего умѣютъ полъ часъ сказать: *Sinite parvulos venire adme*. Разумѣется надо, чтобы эти *parvuli* были иностранцы, люди сколько нибудь грамотные, и принадлежа къ любопытному цѣху бесполезныхъ людей, называемыхъ нынѣ поэтами, музыкантами, живописцами, вообще артистами, а въ средніе вѣка извѣстныхъ полъ непристойными названіями сказочниковъ, бандуристовъ, скомороховъ и цыганъ.

Вы подвигаетесь, можетъ быть, любезный Гёмбергъ, почему я не воспользовался своею сильною протекціею, чтобы имѣть честь представиться Императорской фамиліи; но на это есть важная государственная причина, которую я вамъ сообщу за тайну. Въ самомъ еще началѣ моего пребыванія въ Вѣнѣ, дошло до моего сведѣнія, что Императрица, этотъ ангелъ благочестія, кротости и самоотверженія, имѣла обо мнѣ еще болѣе странное мнѣніе, чѣмъ князь Меттернихъ о моей музыкѣ. Нѣкоторыя, слишкомъ дикія по слогу мѣста моего *Путешествія по Италіи*, ловко перетолкованныя ея величеству добрыми пріятелями (добрыхъ пріятелей, вы знаете, можно имѣть вездѣ, даже при австрійскомъ дворѣ), доставили мнѣ славу настоящаго разбойника. Эта оригинальная слава, упавшая мнѣ съ неба, не то, чтобы льстила мнѣ, но пріятно шекотала мое самолюбіе; я разсудилъ, какъ и вы сами вѣроятно разсудили бы на моемъ мѣстѣ, что легонькій вѣнецъ преступленій нѣчто слишкомъ драгоценное, съ тѣхъ поръ, какъ Байронъ пустилъ его въ моду, чтобы, достигши этого счастья, не стараться всеми силами удержать его, хотя бы этотъ вѣнецъ осбнялъ и недостойное его чело. Я разсуждалъ такимъ образомъ: если я представляюсь ко двору, императрица

вѣроятно заговорить со мною; я принужденъ буду ей отвѣчать, сколько можно лучше, а когда разъ завяжется разговоръ, кто знаетъ, къ чему онъ поведетъ. Ея величество можетъ въ одно мгновеніе перемѣнить свое оригинальное мнѣніе о моей особѣ; она уже увидитъ во мнѣ подобнаго милліонамъ другихъ, обожателя ея милосердія и великодушія; она не увидитъ никакой кровожадности въ моихъ глазахъ, никакого свирѣпства во взглядахъ, не услышитъ никакой лютости въ голосѣ; носъ у меня, правда, останется орлиный, но вообще, наружность моя не будетъ соответствовать назначенію; я покажусь просто честнымъ челоуѣкомъ, неспособнымъ на злодѣйство, неспособнымъ даже ограбить дилижансъ; тогда пропала моя слава! Чортъ возьми! Нѣтъ, лучше останусь разбойникомъ, и поскорѣе уѣду; отсутствіе всего благопріятнѣе моей славы, которая безъ меня будетъ только расти и полнѣть.

Вотъ почему я рѣшительно отказался отъ чести представиться къ Австрійскому Двору, и почему я въ одно прекрасное утро такъ поспѣшно отправился въ Венгрію. Здѣсь мѣсто рассказать мои распри съ Дунаемъ. Каждый день онъ облакался въ туманъ, подобно Гомеровымъ богамъ, когда они собирались сдѣлать какое нибудь злое дѣло; отсюда прекращеніе судоходства, и необходимость ѣхать въ Пестъ сухимъ путемъ. Я такъ говорю изъ одной вѣжливости. Знайте, любезный другъ, что по всему пространству равнины, отдѣляющей Вѣну отъ Песта, простые голыши также рѣдки, какъ изумруды; что грунтъ состоитъ изъ мелкой пыли, будто просѣянной сквозь частое рѣшето; и что эта пыль, послѣ дождя образуетъ слякоть, по которой надо тащиться, припрягая лишнихъ лошадей, и увязая въ ней безпрестанно, такъ, что насилу выберешься. Слѣдовательно, я долженъ бы собственно сказать грязнымъ путемъ, а не сухимъ. Можете себѣ представить, какъ пріятно подобное путешествіе. Но это бы еще ничего. Вздумалось старику Дунаю разгуляться, и залить своими бѣшенными волнами грязный ровъ, въ которомъ мы бились уже пятнадцать часовъ, и который здѣсь чествуютъ большою дорогою. Въ полночь я былъ пробужденъ изъ смиренной своей дремоты неподвижностью экипажа и шумомъ воды, бушевавшей вокругъ насъ. Ямщикъ, правя наудачу, завезъ насъ въ рѣку, и не смѣлъ уже ступить шагу.

Между тѣмъ вода прибывала. Одинъ венгерскій офи-

церъ, сидѣвшій въ *кунѣ*, раза два-три говаривалъ со мною сквозъ небольшое оконце, пробитое въ стѣнкѣ несчастной кареты. «Капитанъ, сказалъ я ему въ свою очередь.» — «Что прикажете?» — «Вѣдь она, кажется, тонетъ?» — «Пожалуй, что и тонетъ; не прикажете ли сигарки?» — Его дявольское хладнокровіе бѣсило меня; я готовъ былъ дать ему добраго кулака, и въ досадѣ взялъ его сигару и принялся жечь ее изо всѣхъ силъ.

А вода все прибывала.

Наконецъ ямщикъ, сдѣлавъ отчаянное усиліе, повернулъ такъ круто, что едва не вывалилъ насъ всѣхъ въ воду, взобрался на кривой берегъ, отъ котораго мы къ счастью были не такъ далеко, помчался по полю и завезъ насъ прямо въ озеро! На этотъ разъ, я думалъ, что уже поминай, какъ звали, и опять обратился къ офицеру: «Капитанъ, нѣтъ ли у васъ еще сигары?» — «Есть.» — «Такъ давайте ее сюда поскорѣе; на этотъ разъ мы рѣшительно тонемъ!»

Но къ счастью, въ это время проходилъ тутъ добрый мужичекъ (куда-то его чортъ несъ въ такое время, и по такимъ дорогамъ?); онъ помогъ намъ выбраться изъ озера, и растолковалъ нашему несчастному возничему, какъ ему выѣхать на большую дорогу. Наконецъ, на слѣдующее утро, по кочкамъ и ухабамъ, по рвамъ и буграмъ, изъ воды въ грязь и изъ грязи въ воду, мы дотащились до Песта, т. е. остановились противъ Песта, на правомъ берегу Дуная, который, на этотъ разъ позволилъ намъ переправиться, за неизмѣнимъ моста, на паромъ. На правомъ берегу стоитъ довольно большой городъ, я спросилъ капитана, что это за-городъ. «Будинъ», отвѣчалъ онъ. — Какъ, Будинъ? На моей картѣ Германіи, городъ противъ Песта, называется совсѣмъ другимъ именемъ. Вотъ, смотрите, Офенъ. — Да это онъ и есть, Будинъ; Офенъ вольный нѣмецкій переводъ венгерскаго слова Будинъ. — А, понимаю; нѣмецкія карты видно также затѣйливо составляются, какъ и французскія. Только на однѣхъ слѣдовало бы поставить: *Ратисбона* — читай *Регенсбургъ*; а на другихъ: *Офенъ* — читай *Будинъ*.»

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

Г-жа Альбони не довольствуется тѣмъ, что возмутила двѣ столицы своимъ талантомъ, перессорила на двѣ недѣли съ полдюжины парижскихъ журналовъ, обращаетъ вниманіе публики и своими эксцентрическими выходками, оригинальнымъ образомъ жизни, и даже дуэлями. Вотъ что рассказываетъ о ней одинъ журналъ: Г-жа Альбони, будучи въ Берлинъ, ходила по обыкновенію своему въ мужскомъ платьи; однажды, обѣдая за общимъ столомъ въ гостинницѣ, она услышала около себя не совсѣмъ пріятную для нея бесѣду; какъ дочь юга, она вспыхнула, и рука ея не совсѣмъ вѣжливо коснулась щеки оскорбителя. Прусакъ былъ офицеръ; онъ потребовалъ удовлетворенія; свиданіе назначено было на слѣдующій день. Когда секунданты явились въ назначенное мѣсто, они весьма удивились, видя одного изъ противниковъ въ женскомъ платьи; г-жа Альбони готова была на удовлетвореніе, и предоставляла противнику выборъ оружія. Само-собою разумѣется, что дѣло кончилось миролюбиво: офицеръ разсудилъ, что пощечина, данная такую бѣлою ручкою, только слишкомъ живая ласка, а не оскорбленіе.»

Рассказываютъ также происшествіе, свидѣтельствующее о ея добромъ сердцѣ и готовности служить ближнему. Когда ей подали для подписанія контрактъ, которымъ она ангажировалась на три года на Ковентгарденскій театръ, она отказалась подписать его. «Что это значитъ? вскричалъ директоръ въ изумленіи; или вы недовольны условіями, на которыхъ мы сошлись?»—Напротивъ, очень довольна, но вы забыли одно условіе.—«Какое!»—Ангажировать несчастнаго режиссера, которому вы отказали.—«Но....»—Безъ отговорокъ; или вы ангажируете его, или я отказываюсь.—Режиссеръ былъ добрый, бѣдный старикъ, съ огромнымъ семействомъ; вся его надежда прокормить жену и дѣтей заключалась въ этомъ ангажированіи.

АКТЕРЪ-РЕСТОРАТОРЪ.

Одинъ актеръ, пользовавшійся въ свое время большою славою, *Лепантъ старшій*, лихась недавно, вслѣдствіе банкротства, всего своего состоянія, плода многолѣтнихъ тру-

довъ, вздумалъ поправить его, открывъ ресторацію; и желая, чтобы его драматическій талантъ и слава нечужды были новому его промыслу, объявилъ слѣдующимъ образомъ о своемъ предпріятіи: «... и такъ, я купилъ домъ на Вантадурской улицѣ, по близости Палерояля, Тюльрійскаго сада и бульвара; надѣюсь, что тѣ, которыхъ некогда я забавлялъ, будутъ иногда заходить ко мнѣ. Они видали, съ какимъ неподдѣльнымъ негодованіемъ, въ пьесѣ *Трактирный счетъ*, я возставалъ на подлость содержателя гостиницы, подающаго стараго пѣтуха за каплуна, и подкрашенное вино за бордосское; они могутъ быть увѣрены, что я самъ не стану слѣдовать примѣрамъ, которые клеймилъ такъ всенародно. У меня всегда ждетъ ихъ добрый огонь, мягкая постель, вкусный столъ, ласковый приемъ, веселая бесѣда, и въ дополненіе,—старый знакомецъ, лебютирующій въ совершенно новой роли. Въ ожиданіи вашего милостиваго посѣщенія, остаюсь.

ЛЕПЯИТРЪ СТАРШІЙ.»

Вдова *Эме-Мартена*, недавно скончалась въ Сенъ-Жермень-ан-Лэ, на шестьдесятъ восьмомъ году отъ рожденія. Она была въ-первомъ замужествѣ за древнимъ знаменитымъ писателемъ и философомъ *Бернарденъ-де-сенъ-Пьеромъ*, авторомъ *Павла и Виргиніи*, который женился на ней, когда ему минуло восемьдесятъ лѣтъ. Г-жа Эме-Мартенъ собиралась издать записки о жизни втораго своего мужа, умершаго нѣсколько мѣсяцевъ назадъ; къ сожалѣнію она не успѣла исполнить своего намѣренія.

Забавная сцена случилась недавно на театрѣ *Адельфи*, въ Лондонѣ. Играли пьесу *The green bushes*; въ которой молодая индіанка, *Міами*, убиваетъ невѣрнаго супруга. Вдругъ, среди этой драматической сцены, какая то женщина, въ партерѣ, встаетъ и кричитъ актрисѣ: «Подѣломъ ему, мерзавцу, подѣломъ; точно мой злодѣй.» Не трудно догадаться, что названіе *злодѣя*, вырванное вѣроятно воспоминаніемъ какого нибудь свѣжаго оскорбленія, относилось къ почтенному супругу зрительницы, съ которымъ она охотно поступила бы точно также, какъ *Міами* съ сво-

имъ мужемъ. Не трудно также догадаться, что весь театръ расхохотался отъ этой неожиданной выходки.

Цѣна поцѣлуя. Въ Миддельбургскій полицейскій судъ, въ Зеландіи, была подана странная жалоба: одинъ фабрикантъ приставалъ къ одной молодой дѣвушкѣ, чтобъ она позволила себя поцѣловать. Дѣвушка долго противилась; однакоже кошелекъ, наполненный, по словамъ преслѣдователя, центами, побѣдилъ ея упорство, и она согласилась на просьбу. Открывъ потомъ кошелекъ, она нашла въ немъ не центы, а вильгельмы, каждый по тысячи центовъ, или десять гульденовъ (около шести рублей серебромъ). Фабрикантъ, увидѣвъ свою ошибку, тщетно требовалъ возвращенія своего кошелька: онъ подалъ жалобу въ полицейскій судъ; основываясь на томъ, что онъ далъ кошелекъ по ошибкѣ, и что одинъ поцѣлуй не можетъ стоить такой огромной суммы. Но судъ рѣшилъ дѣло въ пользу красавицы, потому во первыхъ: что дано, того назадъ не берутъ; а во вторыхъ: цѣны поцѣлуя опредѣлить нельзя.

О П Р О Д О Л Ж Е Н І И
С. ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ВЪДОМОСТЕЙ

въ 1848 году.

С.Петербургскія Вѣдомости будутъ выходитьъ въ слѣдующемъ году, не въ прежнемъ видѣ, но на прежнемъ основаніи. Чтобы дать понятіе о томъ, чѣмъ онѣ будутъ впредь, мы покажемъ, чѣмъ сдѣлалась онѣ въ девять мѣсяцевъ, со времени своего преобразованія и для этого сообщаемъ здѣсь списокъ нѣкоторыхъ изъ статей, помѣщенныхъ въ нашей Газетѣ, по 1-е Октября.

- О времени постановленія патриарха Іоакима . . . . . Академика Я. П. Березникова.
Историческое открытіе . . . . . И. П. Боричевскаго.
Критика (Мухамеданская Нумизматика) . . . . . Профессора И. П. Березина.
О желѣзныхъ воротахъ, хранящихся въ Гелатскомъ монастырѣ въ Имеретіи . . . . . Академика М. И. Броссе.
Отвѣтъ Г. Бартоломею . . . . .
Извѣстіе о послѣдней Ферматовой теоремѣ . . . . . Академика В. Я. Буяковскаго.
Языковъ и Гоголь . . . . . Князя П. А. Вяземскаго.
Приключенія синей ассигнаціи . . . . . Е. П. Гребенки.
Критика (Тюркскія Грамматики) . . . . . В. В. Григорьева.

- Опроизношеніи буквѣ Е, Ъ, Э. *Я. И. Грота.*
 Русская Литература въ 1846 }
 году . . . . . }
 Н. М. Языковъ. . . . . }
 Критика (Выбранныя мѣста }
 изъ переписки Гоголя) . . . } *Э. И. Губера.*
 Нѣсколько номеровъ Петер- }
 бургской Лѣтописи и Театраль- }
 ной Хроники . . . . . }
 Нѣсколько номеровъ Петер- }
 бургской Лѣтописи . . . . . } *Ө. М. Достоевскаго.*
 Театральная Хроника. Рус- }
 скій и Нѣмецкій театры. . . } *К. Д. Ефимовича.*
 О жестокомъ обращеніи съ }
 животными . . . . . } *А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго.*
 Новый способъ употребле- }
 нія эфирныхъ паровъ при хи- }
 рургическихъ операціяхъ . . } *Н. Е. Зубчанинова.*
 Выставка Айвазовскаго . . } *И. П. Каменскаго.*
 Повѣсть «Мундиръ» . . . . }
 Обзоръ иностранной литера- }
 туры за первыя двѣ трети 1847 } *Барона Ө. Ө. Корфа.*
 Нѣсколько номеровъ Петер- }
 бургской Лѣтописи . . . . . }
 Нѣсколько статей о музыкѣ. } *Н. В. Кукольника.*
 Критика. (Судьбы Церков- }
 наго языка) . . . . . } *Академика А. А. Куника.*
 Нѣсколько статей о дѣйст- }
 віяхъ Минералогическаго Об- }
 щества . . . . . } *С. С. Кутורי.*
 О Россійскомъ государст- }
 венномъ гербѣ . . . . . } *А. А. Лакіера.*
 Повѣсть «Петербургская ве- }
 сна» . . . . . } *А. Н. Майкова.*
 Разсказъ «Исторія булавки» }
 Прогулка въ Колпино по }
 желѣзной дорогѣ . . . . . } *П. И. Медведовскаго (Псевдо-*
 Очерки, набросанныя каран- } *нимъ.)*
 дашемъ . . . . . }
 Нѣчто о вновь открытой }
 планетѣ . . . . . } *Н. Н. Навроцкаго.*
 Двѣ статьи о торговлѣ хлѣ- }
 бомъ въ 1846—1847 годахъ . } *Г. П. Небольсина.*
 Берліозъ въ Петербургѣ. . }
 Концерты Берліоза . . . . } *Князя В. Ө. Одоевскаго.*
 Критика. (Полное собраніе }
 сочиненій Ломоносова) . . . } *В. Т. Плаксина.*

- Критика. (Очерки Рима Май-кова) . . . . . } **А. Н. Плещеева.**
 Петербургская Лѣтопись . . . . . }
 Замятки (помѣщаемыя каждыи четвергъ) . . . . . } **К. А. Полеваго.**
 Критика. (Объ источникахъ употребленія Статистическихъ свѣденій) . . . . . }
 Критика, (Полное собраніе сочиненій Крылова) . . . . . } **В. С. Порошина.**
 Уголовное дѣло во Франціи (Процессъ Теста) . . . . . }
 Кобденъ . . . . . }
 Двѣ литографіи съ картины Бруни . . . . . } **Н. А. Рамазанова.**
 Повѣсть «Сатиръ Микель-Анджело» . . . . . }
 Письмо о скульпторѣ Стассассерфъ . . . . . }
 Благотворительность . . . . . } **В. М. Романовича.**
 Нѣсколько статей Историческихъ замѣтокъ . . . . . }
 Байкальское пароходство . . . . . }
 Башкиро-Мещерякское войско . . . . . }
 О древности Москвы . . . . . } **П. С. Савельева.**
 Сумбуль (двѣ статьи) . . . . . }
 Амедей Жоберъ . . . . . }
 Восточныя древности, найденныя въ Пермской губерніи . . . . . }
 Замѣчанія на послѣднее сочиненіе генерала Минутоли . . . . . }
 Нѣсколько статей литературныхъ и разныхъ другихъ извѣстій . . . . . }
 Нѣсколько статей о занятіяхъ Археологическо-Нумизматическаго Общества . . . . . }
 Алексіано . . . . . } **Н. В. Савельева-Ростиславича.**
 Важные матеріалы для лѣтописей Военной Исторіи . . . . . }
 Нѣсколько статей литературныхъ и библиографическихъ извѣстій . . . . . }

- Э. И. Губеръ . . . . .)
 Маскарадъ въ Большомъ театръ (Литературный блянъ). . . . .) *Графа В. А. Соллоуба.*
 Нѣсколько номеровъ Петербургской Лѣтописи . . . . .)
 Церковь благовѣщенія въ С. Петербургѣ . . . . .) *М. П. Сорокина.*
 Статистика Австрійской Имперіи . . . . .) *И. И. Срезневскаго.*
 Разсказъ «Дермидондъ Ермолаевичъ» . . . . .) *А. Н. Струговицкова.*
 Уголовное судопроизводство во Франціи (двѣ статьи) . . . . .)
 Учрежденіе и составъ Парламента и Палаты въ Англіи и во Франціи (двѣ статьи) . . . . .)
 Общества свободной торговли и Общества запретительной системы во Франціи . . . . .) *Н. Е. Торнау.*
 Политическія партіи во Франціи и въ Англіи (двѣ статьи).
 Очерки Голландіи (три статьи) . . . . .)
 Очерки Лондона (три статьи).
 Театральная Хроника. Французскій и Итальянскій театры.) *В. В. Туньева (Псевдонимъ.)*
 Штейнъ в Поццо ди Борго . *Графа С. С. Уварова.*
 Современное положеніе сельскаго хозяйства въ Россіи . *Бар. О. Б. Унгернъ-Штернберга*
 Осада Азова въ 1695 году . *Н. Г. Устрялова.*
 Четыре письма къ Редактору изъ-за границы . . . . .)
 Повѣсть «Унтеръ-офицеръ Иванъ Груздевъ» . . . . .) *П. Р. Фурманна.*
 Три письма къ Редактору изъ-за границы . . . . .) *Ө. В. Чижуова.*
 Отзывы иностранцевъ объ А. И. Тургеневѣ . . . . .)
 Матеріалы для Русской Исторіи . . . . .) *А. А. Чумилова.*
 Основаніе власти Великихъ Князей Россіи . . . . .) *И. П. Шульгина.*
 О значеніи сѣрнаго зѣбра . *Н. Я. Шюца.*
 Сибирскіе развѣзды . . . . .) *С. С. Шукина.*
 Очерки Восточной Сибири (и письма) . . . . .) *Н. С. Шукина.*

Два письма къ Редактору изъ-за границы . . . . . В. Д. Яковлева.

О переводѣ Эстетики Гегеля. П. А. Яфимовича.

Изъ переводныхъ статей которыхъ было очень немного, мы укажемъ на слѣдующія :

Испанскія бракосочетанія.—Мнѣнiе Англiйской газеты о Краковскомъ вопросѣ.—Новое Испанское министерство.—Нынѣшнiя отношенiя Англiи и Ирландiи.—Консервативные прогрессисты.—Англiйская колонiальная политика.—Присоединенiе Пендшаба къ Англiйскимъ владѣнiямъ.—Процессъ Ал. Дюма съ газетами *La Presse* и *Le Constitutionnel*.—Трафальгарская битва и Первый походъ Бонапарта (статьи Тьера).—Желѣзныя дороги въ Европѣ и Сѣверной Америкѣ.—Статистика хлопчатобумажной торговли.—Ученикъ Мальтуса.—Валькрезъ, романъ Ю. Сандо.—Письма Ал. Дюма изъ Испанiи, Приключенiя Французовъ въ плѣну у Абдъ-эль-Кадера.—Музыкальное путешествiе Берлиоза по Германiи и Россiи. (четыре послѣднiя статьи были сообщаемы по мѣрѣ появленiя ихъ въ газетахъ *La Presse* и *Journal de Débats*).—Замѣтки Ричарда Кобдена о Турцин. (Пер. М. М. Стрѣова).—Письма Герцогини де Пралень. (Эти интересныя письма помѣщены въ особомъ прибавленiи, которое составило цѣлый листъ нашего огромнаго формата.)

Всѣ эти статьи принадлежатъ Редакции С. Петербургскихъ Вѣдомостей; мы не упоминаемъ о статьяхъ другихъ журналовъ, изъ коихъ мы заимствовали всѣ извѣстiя о нашемъ отечествѣ, которыя считали нужнымъ сообщить нашимъ читателямъ; не упоминаемъ также о разныхъ отчетахъ, о безчисленномъ множествѣ мелкихъ извѣстiй, о выпискахъ иностранныхъ журналовъ, являющихся съ вѣкотораго времени, подъ названiемъ *Смѣси*, въ нашемъ фельетонѣ; но подробный каталогъ Спб. Вѣд. 1847 г., который мы разошлемъ при одномъ изъ первыхъ номеровъ слѣдующаго года, покажетъ, что нѣтъ почти ни одной отрасли человѣческихъ знанiй, не было ни одного важнаго событiя въ мiрѣ политическомъ, или ученомъ, о которыхъ бы мы не говорили.

Смѣло можемъ сказать: въ теченiе девяти мѣсяцевъ много мы сдѣлали для усовершенствованiя нашей Газеты, не жалѣя для того ни трудовъ, ни издержекъ; но многое еще остается намъ сдѣлать и мы никогда не забудемъ, что—въ журналистикѣ, какъ и въ промышленности—по выраженiю Французовъ,

qui p'avance pas, recule, кто не идетъ впередъ, тотъ отступаетъ. Не распространяясь въ объясненіяхъ, скажемъ только одно: все что при употребленіи всѣхъ зависящихъ отъ насъ средствъ, при содѣйствіи нашихъ почтенныхъ сотрудниковъ, которые не отказываются помогать намъ и впредь, и другихъ ученыхъ и литераторовъ, обѣщавшихъ намъ свое содѣйствіе, наконецъ при усиленномъ трудѣ съ нашей стороны возможно сдѣлать въ нынѣшнемъ положеніи нашей литературы—будетъ сдѣлано.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о предметѣ, который возбудилъ много толковъ и разныхъ мнѣній—о форматѣ нашей Газеты. Мы приняли его не по прихоти, не изъ подражанія иностраннымъ изданіямъ этого рода, а по необходимости— для того, чтобы, при возможномъ сокращеніи матеріальныхъ издержекъ, вмѣстить въ каждомъ номерѣ наибольшее количество матеріаловъ; но какъ многіе изъ нашихъ почтенныхъ подписчиковъ, особенно иногородныхъ, находятъ этотъ форматъ неудобнымъ, мы ея измѣняемъ, равно какъ и наши шрифты, которые, по мнѣнію многихъ, утомительны для чтенія. Объемъ и вмѣстительность нашей Газеты останутся тѣ же; но огромный листъ нашъ будетъ складываемъ такъ, что одну часть его, содержащую въ себѣ статьи для чтенія, можно будетъ отдѣлать отъ другой половины листа, занятой объявленіями и другими статьями, нужными только для справокъ. Такимъ образомъ подписчики, имѣющіе обыкновеніе сохранять газету, получатъ возможность удобно переплетать ее.

Ц ъ н а .

На годъ: 12 р. сер., съ пересылкою въ другіе города или доставкою на домъ 15 р. сер.

На полгода: 7 р., съ пересылкою или доставкою 8 р. 50 к.

На три мѣсяца: 4 р., съ пересылкою или доставкою 7 р. 75 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ *С. Петербургѣ*: въ Комитетѣ Правленія Императорской Академіи Наукъ (на В. О. близъ Биржи); въ книжныхъ магазинахъ: М. Д. Ольхина, на Невскомъ проспектѣ, противъ Ар-

сенала Аничковскаго Дворца, въ домѣ Завѣтнаго, и П. А. Ратькова, близъ Полицейскаго моста, въ домѣ Голландской церкви. Для ивогородныхъ въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта.

Издатель и Редакторъ А. Очкинъ.

4973. 7023

ПРОГРАММА.

I. ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА :

1. Пьесы, *игранныя на сценѣ*, трагедіи, драмы, комедіи, водевилы.
2. Пьесы драматическія, не игранныя, но почему-либо особенно замѣчательныя.

II. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕАТРА.

1. Біографіи артистовъ, драматическихъ писателей, композиторовъ, музыкантовъ, великихъ художниковъ и вообще людей, замѣчательныхъ въ области искусства, или имѣющихъ отношеніе къ театру.
2. Записки и мемуары, касающіеся до театра.
3. Драматическая бібліографія.

III. ПОВѢСТИ и РОМАНЫ, русскіе и переводные.

IV. ЮМОРИСТИКА, могущая служить матеріаломъ для драматическихъ теорій.

V. СМѢСЬ:

1. Анекдоты, острія слова и мелочи.
2. Театральные слухи и извѣстія.
3. Водевильные куплеты.

VI. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

1. С. Петербургскіе театры: *русскій, оперный, французскій, нѣмецкій.*
2. Московскіе театры.
3. Провинціальныя театры.
4. Концерты и свѣдѣнія обо всемъ замѣчательномъ въ области искусствъ.

VII. ПРИЛОЖЕНИЯ:

1. Музыка водевильныхъ куплетовъ.
2. Портреты артистовъ.

«Репертуаръ и Пантеонъ театровъ» выходятъ *аккуратно*

15-го числа каждаго мѣсяца.

ПАНТЕОНЪ

НА 1848 ГОДЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ О. А. КОНИ.

Цена за годовое изданіе «Пантеона и Репертуара русской сцены», съ 12-ю гравюрами и портретами на стали, состоящее изъ 12 книжекъ въ 20 листовъ компактной печати каждая, — съ премією, въ 6 р. серебромъ; — 10 руб. сер.

Съ пересылкою въ города или на домъ, 11 руб. 50 коп. сер.

Подписка принимается:

Въ С. Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ П. А. Ратькова, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Голландской церкви.

Въ Москвѣ: въ Университетской книжной лавкѣ П. В. Бацунова.

Въ Газетныхъ Экспедиціяхъ С. Петербургскаго и Московскаго Почтамтовъ.

Книжки Пантеона выходятъ аккуратно каждое 15-е число.

НВ. Просяпъ покорно всѣхъ, имѣющихъ дѣло до «Репершуара и Пантеона», а равно иногородныхъ, желающихъ подписаться на будущій 1848 годъ, обращаться въ редакцію, къ Федору Алексѣевичу Кони, въ Вознесенскомъ переулкѣ, въ домѣ Шпакельберга.